

Министерство просвещения РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

КРАСНОПЕРОВА Евгения Сергеевна

АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н. И. Коновалова

Екатеринбург 2024

Оглавление

Введение.....	4
ГЛАВА 1. Модели грамматикона русской языковой личности.....	13
1.1. Грамматикон языковой личности.....	13
1.2. Подходы к моделированию грамматикона языковой личности	17
1.3. Моделирование актуального грамматикона с позиций онтолингвистики	23
1.4. Корпусные исследования как средство моделирования актуального грамматикона языковой личности ребенка	38
Выводы.....	54
ГЛАВА 2. Моделирование актуального грамматикона языковой личности на материале детской речи: корпусные данные.....	57
2.1. Первый этап формирования актуального грамматикона ребенка в возрасте от двух до трех лет	58
2.2. Второй этап формирования актуального грамматикона ребенка в возрасте от трех до четырех лет	86
2.3. Третий этап формирования актуального грамматикона ребенка в возрасте от четырех до пяти лет	107
Выводы.....	130
ГЛАВА 3. Актуальный грамматикон в свете данных ассоциативной грамматики.....	133
3.1. Актуальный грамматикон в свете данных ассоциативных словарей .	133
3.2. Экспериментальное исследование актуального грамматикона ребенка	145
3.3. Актуальный грамматикон по данным НКРЯ	148
Выводы.....	153

Заключение	156
Список литературы	160
Приложение 1 Грамматический состав речи старшего брата, 2-3 года	178
Приложение 2 Грамматический состав речи младшего брата, 2-3 года	179
Приложение 3 Актуальный грамматикон старшего брата, 2-3 года	180
Приложение 4 Актуальный грамматикон младшего брата, 2-3 года	184
Приложение 5 Грамматический состав речи старшего брата, 3-4 года	187
Приложение 6 Актуальный грамматикон старшего брата, 3-4 года	188
Приложение 7 Грамматический состав речи младшего брата, 3-4 года	192
Приложение 8 Актуальный грамматикон младшего брата, 3-4 года	193
Приложение 9 Грамматический состав речи старшего брата, 4-5 лет	196
Приложение 10 Актуальный грамматикон старшего брата, 4-5 лет	197
Приложение 11 Грамматический состав речи младшего брата, 4-5 лет	202
Приложение 12 Актуальный грамматикон младшего брата, 4-5 лет	203
Приложение 13 Актуальный грамматикон ребенка 4-5 лет (инвариант).....	206

Введение

Данная диссертация имеет комплексный характер и вписывается в русло работ, посвященных языковой способности личности в онтогенезе, процессам речепорождения и речевосприятия, скрытым от непосредственного наблюдения. Такой ракурс исследования позволяет, с одной стороны проследить этапы становления и развития языковой способности, с другой, - используя инструментарий психолингвистики и корпусной лингвистики, представить операциональную модель анализа «речевого продукта» говорящего с учетом факторов разного рода.

Актуальность исследования обусловлена обращением к функциональному аспекту реализации грамматикона языковой личности – в свете выявления базовых (актуальных для говорящего) моделей речевой деятельности. Данный подход предполагает, в частности, выделение как универсальных, так и индивидуальных особенностей формирования и развития языковой способности в дошкольном и школьном онтогенезе [Гвоздев 2005, 2007; Гридина 2013, 2016, 2017, 2018; Доброва 2009, 2013, 2014; Кусова 2015, 2017, 2021; Кусова, Тенкачева 2015; Лепская 2017; Плотникова 2011; Рацибурская, Сандакова 2023; Слаутина, Пирожок 2016; Слаутина 2022, 2023; Цейтлин 2000, 2009, 2014; Шахнарович 1999, 2006, 2010, 2014; Щербакова 2015, 2022]. Заявленный ракурс исследования имеет коммуникативно ориентированный характер, связанный, в частности, с разработкой технологий обучения как родному, так и иностранному языкам с учетом прогнозируемого грамматического континуума процессов речепорождения и речевосприятия.

Объект исследования – актуальный грамматикон языковой личности.

Предметом исследования является комплексное представление алгоритмизированных процедур моделирования грамматикона языковой личности.

Степень разработанности проблемы.

Методологически значимой для нашего исследования выступает теория Ю. Н. Караулова, представляющая ассоциативно-сетевую модель описания языка [Караулов 1993, 2002, 2006, 2010], в частности, ментальной грамматики как способа удержания и функционирования грамматики в сознании носителей языка. Механизм, объединяющий ментальный лексикон и грамматикон, составляет ассоциативно-вербальную сеть. При этом понятие «грамматикон» (ментальная грамматика) используется для описания грамматического компонента языковой способности, закрепленного (представленного) в ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) носителя языка. Грамматикон русской языковой личности – это грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности. Исследования Ю. Н. Караулова и его научной школы приложимы в первую очередь к усредненной национальной языковой личности и к языковой личности автора или героя художественного произведения. Моделирование национальной языковой личности связано с процедурой массового ассоциативного эксперимента, с корпусом текстов или высказываний, зафиксированных и конечных по своему характеру, что накладывает свои ограничения на моделирование уровней языковой личности, в частности грамматикона.

В рамках данного исследования мы ограничимся только грамматическим уровнем языковой способности, начиная с описания усвоения грамматического компонента языка ребенком.

Первое систематическое описание процесса усвоения языка ребенком предложено А. Н. Гвоздевым, которым был отмечен процесс освоения грамматических форм от менее абстрактных к более абстрактным, от простого, формального выражения грамматического значения — к более сложному [Гвоздев 2005, 2007]. Наиболее широко системно-функциональный подход к усвоению языка представлен в трудах Санкт-Петербургской научной школы онтолингвистики (С. Н. Цейтлин,

Г. Р. Добровой, М. Б. Елисеевой, М. Д. Воейковой, М. В. Русаковой, Т. А. Кругляковой, М. А. Еливановой, В. В. Казаковской), при этом С. Н. Цейтлин особо акцентирует внимание на конструктивном характере усвоения языка ребенком. Лингвокогнитивный аспект в изучении детской речи представлен работами Н. И. Лепской, Т. Н. Ушаковой и др. Особое направление изучения детской речи представлено в работах Т. А. Гридиной, которая исследует лингвокреативные способности ребенка, разграничивая компенсаторную и осознанную лингвокреативность, проявляющуюся в фактах языковой игры.

Цель работы:

- теоретически обосновать модель актуального грамматикона языковой личности.

Отсутствие единых подходов к моделированию грамматического компонента языковой способности приводит к необходимости поиска способов моделирования актуального грамматикона.

Исходя из указанной цели, можно выделить следующие **задачи**:

1. Определить основные подходы к моделированию актуального грамматикона;
2. Определить параметры актуального грамматикона;
3. Разработать инструментарий, позволяющий моделировать ядро актуального грамматикона с позиций онтолингвистики и ассоциативной морфологии;
4. Выявить возможности использования актуального грамматикона в изучении языковой личности.

Гипотеза исследования заключается в том, что генетически ранние грамматические формы должны составлять ядро активной грамматики, которую и следует вычленить в первую очередь для определения грамматического минимума на начальных этапах обучения и дальнейшего его расширения на основе корпусных исследований речевых практик.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модель ментального грамматикона обладает операциональной силой для выявления особенностей формирования языковой личности в процессе овладения и пользования языком.

2. Обращение к данным детской речи позволяет выявить генетически ранние грамматические формы, выступающие базой будущего «усредненного» грамматикона языковой личности.

3. Ментальный грамматикон представляет собой полевую структуру, в которой выделяются зоны ядра и периферии. Ядерная зона состоит из наиболее частотных грамматических форм, востребованных в разных коммуникативных ситуациях. Периферийные формы, слабо функционально нагруженные, позволяют выявить «лакуны» в грамматических парадигмах и потенциальные направления развития грамматикона языковой личности.

4. Набор типовых ситуаций в специально смоделированных экспериментальных условиях, «провоцирующих» использование актуальных грамматических форм, выступает эффективным инструментом апробации и верификации аспектов разработанной модели.

5. Моделирование актуального грамматикона языковой личности включает в себя выявление словоформ, наиболее востребованных на разных этапах речевого онтогенеза; анализ представленности описываемых словоформ в ассоциативно-вербальной сети по данным ассоциативных словарей и психолингвистических экспериментов; определение степени частотности грамматических форм по корпусным данным.

Методологической базой исследования выступают следующие концепции:

- модель ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова, создающая базу для изучения ассоциативной грамматики и психолингвистической разработки теории языковой личности [Караулов 1993, 2002, 2006, 2010];

- полипарадигмальные исследования детской речи [Цейтлин 2000, 2009, 2014; Елисеева 2008; Доброва 2009, 2013, 2014, Гридина 2013, 2016, 2017, 2018, Лепская 2017, Ушакова 2011, 2012, 2020 и др.].

- исследования в области механизмов речепорождения («грамматики говорящего») и потенциального функционала грамматической формы Б. Ю. Нормана [Норман 1994, 2015];

- исследования феномена лингвокреативности и феномена языковой игры применительно к детской речи Т. А. Гридиной [Гридина 2013, 2016, 2017, 2018];

- исследования (в том числе экспериментальные) психологической реальности языковых единиц [Бубнова 2020, 2021, 2022; Бутакова 2004, 2022, 2023; Бутакова, Гуц, Орлова, Харламова 2021; Гридина 2006, 2015; Гридина, Коновалова 2020а, 2020б, 2023; Гуц 2004, 2013, 2023; Коновалова 2011, 2018; Пищальникова 2019а, 2019б, 2023; Попова, Стернин 2007, Стернин 2011, 2017, 2021 и др.];

- корпусные исследования языка [Баркович 2016; Зализняк, Кружков 2016; Кружков 2015; Ляксо, Фролова и др. 2017; Ляшевская 2014; Солнышкина, Гатиятуллина 2020; Inkova, Popkova 2017; Claus, Rosales 2013; Radoslava 2016].

В ходе выполнения работы использованы следующие **методы** исследования: корпусный анализ, связанный с отбором материала для моделирования актуального грамматикона; методы психолингвистического эксперимента, верифицирующие наличие соответствующих морфологических форм и синтаксических конструкций в актуальном грамматиконе языковой личности; методы статистического анализа, элементы структурно-семантического и компонентного анализа; анализ грамматических форм актуального грамматикона как элементов вербально-семантической сети.

Материалом для исследования послужили дневники детской речи, в частности лонгитюдные записи детских высказываний, созданные

В. К. Харченко [Харченко 1994, 2012]. Объем выборки: 56 560 детских словоупотреблений. В качестве материалов исследования выступали устный корпус НКРЯ (205801 словоупотреблений), а также результаты проведенных нами пилотных экспериментов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем с позиций ассоциативной морфологии в обобщенном виде описаны этапы формирования грамматического компонента языковой способности в онтогенезе; уточнены данные о механизмах формирования актуального грамматикона русской языковой личности на материалах детской речи; представлена операциональная процедура моделирования актуального грамматикона.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке комплексной процедуры моделирования актуального грамматикона языковой личности с учетом совокупности факторов: стадийная динамика функциональных грамматических систем, сменяющих одна другую в процессе когнитивного и речевого развития ребёнка; установление функциональной значимости «лакун» в грамматических парадигмах разных частей речи; обнаружение индивидуальных и универсальных стратегий формирования и развития грамматического уровня языковой способности. Несмотря на специфичность грамматических форм, составляющих русский грамматикон, разработанная нами модель может быть использована как аналог для создания актуального грамматикона любой национальной языковой личности.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании русского языка, в том числе как иностранного. Кроме того, результаты исследования можно использовать в подготовке курсов лекций по психолингвистике, онтолингвистике, лингводидактике.

Основные выводы диссертационного исследования важны для разработки активного грамматического минимума (актуального

грамматикона), что призвано существенно изменить формально-логические процедуры, применяемые в существующих методиках изучения грамматики.

Апробация работы. Материалы исследования обсуждались на кафедре общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета. Результаты исследования отражены в научных докладах, представленных на научных конференциях: Научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (г. Екатеринбург, 28 апреля 2017 г.); Всероссийский научный семинар с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» (г. Екатеринбург, 10 ноября 2018 г.); Всероссийский научный семинар с международным участием «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности» (г. Екатеринбург, 23-24 апреля 2020 г.); Международная научная конференция «Лингвистика креатива: методологические подходы к изучению речетворческой деятельности» (г. Екатеринбург, 21-22 апреля 2022 г.); Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (г. Екатеринбург, 27-28 апреля 2022 г.); V Международная научная конференция «Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом» (г. Екатеринбург, 06-08 октября 2022 г.); XXV Международная научная конференция «Русистика и современность» (г. Чанша, КНР, 14-16 октября 2022 г.); Международная научная конференция «XXIII Филологические чтения. Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего. Метафора в языке и речи: современные исследовательские парадигмы» (г. Новосибирск, 20-21 октября 2022 г.); Международная научная конференция «Психолингвистические аспекты исследования речевой деятельности» (г. Екатеринбург, 11-12 ноября 2022 г.); Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (г. Екатеринбург, 25-26 апреля 2023 г.); Международная научно-практическая конференция «Междисциплинарный

подход к изучению благополучия человека» (Республика Узбекистан, Ташкентская область, г. Чирчик, 9-11 октября 2023 г.); Международная научная конференция «Психолингвистические аспекты исследования речевой деятельности» (г. Екатеринбург, 10 ноября 2023 г.); VI Международный форум по когнитивным нейронаукам «COGNITIVE NEUROSCIENCE – 2023» (г. Екатеринбург, 7-9 декабря 2023 г.). Результаты исследования изложены в 13 научных статьях, из которых 3 в изданиях, индексируемых в журналах из Перечня ВАК.

Структура и объем работы. Научно-квалификационная работа изложена на 159 страницах, состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель, задачи, методика, теоретическая и практическая значимость, научная новизна исследования, дается характеристика предмета, объекта и материала исследования, приводятся сведения об апробации работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе сформирована теоретическая база исследования: представлено понятие грамматикона языковой личности; освещены разные подходы к моделированию грамматической способности языковой личности; рассмотрен актуальный грамматикон языковой личности как база стадияльной динамики функциональных грамматических систем, сменяющих одна другую в процессе когнитивного и речевого развития ребёнка; предложен способ моделирования актуального грамматикона на основе данных детской речи.

Вторая глава представляет методику моделирования актуального грамматикона на основе анализа данных детской речи. Основные этапы моделирования актуального грамматикона: создание грамматического корпуса детской речи, анализ частотности грамматических форм в речи ребенка определенного возраста, выделение на основе этих данных ядра словоформ, составляющих основу актуального грамматикона ребенка.

В третьей главе смоделированный актуальный грамматикон сопоставляется с данными ассоциативной грамматики и национального корпуса русского языка. Приводятся данные психолингвистического эксперимента по завершению высказывания, подтверждающие частотность и востребованность выделенных форм в детской речи.

В заключении подводятся итоги проведенной работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования в предложенном направлении.

Список литературы, включающий 158 источников, в т. ч. 9 на иностранных языках, представляет собой перечень исследований, которые легли в основу формирования концепции диссертации.

В 13 приложениях отражены результаты количественного анализа корпуса детских высказываний, анализа данных проведенного эксперимента в детской аудитории, а также представлены материалы исследования.

ГЛАВА 1. Модели грамматикона русской языковой личности

1.1. Грамматикон языковой личности

Понятие грамматикона языковой личности необходимо рассматривать в рамках общей теоретической концепции языковой личности, наиболее активно разрабатываемой в последние тридцать лет. Впервые оно было сформулировано в работах В. В. Виноградова, где были намечены основные принципы изучения языковой личности, такие как опора на создаваемые ею тексты, учет включенности данной языковой личности в различные «коллективные субъекты» [Виноградов 1980: 90.].

Согласно устоявшемуся определению, языковая личность – «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Язык и личность 1989: 8].

Языковая личность – это носитель языка, использующий системные средства этого языка для отражения действительности и для достижения определенных целей. Личность выступает как автор текстов, как типовой представитель определенной языковой общности и как представитель рода *homo sapiens*, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка. Таким образом, язык через языковую личность предстает и как система, и как текст, и как способность [Караулов 2010: 51-52]. В фокусе нашего внимания оказывается именно способность человека овладевать системными средствами языка, с помощью которых он создает и воспринимает тексты.

Языковая личность – понятие динамическое: каждая конкретная языковая личность переживает сначала процесс формирования, а затем

совершенствования, соответственно, и язык как способность (языковая способность) динамичен, связан с возможностью формирования и развития языковой личности.

Существует несколько моделей представления языка в психике человека. Для их обозначения используют различные термины, акцентируя разные аспекты представления и функционирования языка в индивидуальном сознании: языковая способность (А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, Е. С. Кубрякова), психофизиологическая речевая организация индивида, индивидуальная речевая система (Л. В. Щерба, А. А. Залевская), языковая компетенция (Н. Хомский, Е. Д. Божович, Е. А. Быстрова); языковое сознание (Г. В. Ейгер), речевая способность (Г. И. Богин), речезыковая способность (Т. Н. Ушакова).

Термин «языковая способность» предстает как наиболее общий, предполагающий как способы репрезентации и хранения языковых знаний в психике человека, так и их функционирование в процессах речепорождения и речевосприятия. Согласно определению, данному А. А. Леонтьевым, языковая способность — это психофизиологический механизм, обеспечивающий овладение и владение языком [Леонтьев 1974: 161]. Разделяя это определение, мы сосредоточимся на том аспекте языковой способности, который репрезентирует способ представления и хранения в психике человека системы языка и правил речевого поведения.

Структура языковой способности соотносится с уровневой моделью языка. Языковая способность – это система компонентов, отражающих в психике индивида уровни системы языка. Компоненты языковой способности: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семантический – включают не только отраженные сознанием элементы системы языка, но и правила, по которым осуществляется выбор средств, необходимых для решения коммуникативной задачи. Обычно субъект не осознает этих правил, однако ведет он себя так, словно эти правила знает. Нас интересует грамматический (морфология и в

некоторой степени синтаксис) компонент языковой способности и способы его представления в сознании носителя языка.

Идея языковой способности, то есть способности человека овладеть языком, не прибегая к категориям формальной лингвистики, возникла до появления понятия «языковая личность». В частности, говоря о грамматическом компоненте языковой способности, необходимо упомянуть концепцию активной грамматики Л. В. Щербы.

Понятие активной грамматики впервые появляется в работах Л. В. Щербы как противопоставление грамматике формальной, грамматике учебников и словарей, грамматике пассивной. Пассивная грамматика связывалась им с традиционным языкознанием, для которого было принято идти от формы языковой единицы к ее смыслу. Л. В. Щерба обратил внимание ученых на то, что можно идти и другим путем – от смысла к форме, то есть, выбирая из многих близких единственно нужную в данном случае форму. Этот второй путь Л. В. Щерба и предложил называть активной грамматикой. По его мнению, именно в такой грамматике человек выражает себя наиболее полно как представитель определенного языкового общества. Человек в этом случае не пользуется готовым, а сам избирает форму выражения мысли, а подчас и сам создает такую форму [Щерба 1947: 65–66; Щерба 2004: 77, 333–338]. Например, в зависимости от коммуникативной установки говорящий будет выбирать из существующих в языке конструкций только ту, которая наилучшим образом подходит для выражения его воли в виде приказа, пожелания, угрозы и т. п. Активной грамматике важно, «... какими языковыми средствами выражается одна и та же категория», в которой отражена в свою очередь категория мысли [Щерба 2004: 333–338].

Рассуждая о преподавании иностранных языков, Л. В. Щерба говорит о том, что цель преподавания как родного, так и иностранного языков заключается в развитии мыслительных способностей учащихся, то есть в приобретении ими навыка правильно думать. Для этого, по мнению Щербы, нужно, чтобы ученики шли не от правила к конкретному примеру, показывая

через него это отвлеченное правило, а наоборот – от живых примеров к созданию правила, обобщая замеченное в языке как закон. Речь идет об активной позиции говорящего по отношению к изучаемому им языку. «Можно прожить, например, в Париже целый месяц и по-настоящему не услышать французского языка», – пояснял свою мысль Л. В. Щерба [Щерба 1947: 18]. Отметим здесь и стратегию изучения языка иностранного как естественного, и как следствие необходимость описания языков, в частности грамматики, исходя из оснований активной грамматики. Деятельностный характер усвоения языка предполагает и хранение этого языка в сознании языковой личности способами, отличными от классических словарей и грамматик.

Ассоциативная грамматика – модель языка, которая описывает его не только как систему, но и как лингвистическую компетенцию говорящего на нем индивида, т.е. «язык в потенции, язык, не реализованный в текстах, но готовый к такой реализации; язык, способ существования которого принципиально отличен от статического системного представления его лингвистом, язык в его предречевой готовности, но не в застывшем состоянии, а в перманентно деятельностном, динамическом состоянии» [Караулов 1999: 9].

На первый план в таком описании выступает понятие «языковая личность», которая языком владеет и использует его. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7].

Методологически важными для целей нашего исследования являются постулаты ассоциативной грамматики, в частности, понятие грамматикона (грамматической составляющей речи, набора грамматических форм, имеющих в распоряжении языковой личности). Ю. Н. Караулов считает грамматикон (наряду с лексиконом, семантиконом, прагматиконом и тезаурусом) важной частью структуры языковой личности. Понятие

актуального грамматикона (система словоформ, являющихся структурной основой речевой деятельности говорящего позволяет снять противоречие между системой языка (всеми грамматическими формами языка) и набором грамматических форм, актуальных для говорящего. Создание коммуникативной грамматики на основе актуальных для говорящего грамматических форм и грамматических значений позволяет решить проблему спонтанности и автоматизированности речевой деятельности.

1.2. Подходы к моделированию грамматикона языковой личности

Современные лингвистические науки, в первую очередь психолингвистика, главной своей целью ставят исследование языковой способности человека, выявление когнитивных механизмов овладения языком и пользования им в процессах речепорождения и речевосприятия. Важность изучения этих процессов определяется необходимостью создания новых подходов к обучению языку, подходов, учитывающих языковую личность, носителя языка, присваивающего язык и реализующего его в речи, одновременно и воспринимающего чужие нормы и установления, и создающего прецеденты, влияющие на изменение норм языка.

Описание грамматического строя языка – неотъемлемая составляющая описания системы любого языка. В рамках системно-структурного подхода грамматическое описание предстает как наиболее полный перечень грамматических форм, сгруппированных в парадигмы. Задача исследователя в этом случае состоит в верном определении типа парадигмы, к которой относится та или иная лексема, а также в определении меры отклонения конкретной формы от имеющегося образца [Виноградов 2019, 2020, 2022; Кодухов 2012; Кусова, Тенкачева 2015; Николина, Рацибурская 2023; Рацибурская, Сандакова 2023; Сандакова 2019, 2020; Щербакова 2015, 2022; Щукин 2003].

Смена научной парадигмы привела к изменению подхода к грамматике. От наиболее полного описания совокупности грамматических форм и парадигм – к взгляду на грамматику как часть языковой способности человека, как грамматическую способность.

Следующий этап развития представлений о способах усвоения, хранения, использования грамматических знаний носителем языка связан с трудами Школы русской языковой личности, созданной под руководством Ю. Н. Караулова. В опоре на теорию ассоциативного поля, согласно которой «любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же как в речевой цепи, не существует ... в отдельности: оно десятками, сотнями "нитей" тянется к другим словам» [Караулов 2002: 191], была создана ассоциативно-сетевая модель описания языка. Способом «держания» языка в памяти его носителя, становится ассоциативно-вербальная сеть (далее ABC). ABC содержит информацию, «которая относится ко всем трем уровням языковой личности: грамматико-семантическому (т.е. "языковому" в узком смысле слова), когнитивному (или уровню знаний о мире) и прагматическому» [Караулов 2002: 193]. Грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего, есть грамматика, по выражению Ю. Н. Караулова, «в живом, готовом к употреблению виде» [Караулов 1993: 7]. Именно «готовность к употреблению» делает ассоциативную грамматику столь важной для реализации функций языка в речи.

Подробнейшее исследование русской грамматики представлено в работе Ю. Н. Караулова «Ассоциативная грамматика русского языка». На основе анализа участков ABC воссоздаётся грамматика взаимосвязей и взаимозависимостей единиц русского языка. Грамматика в ABC всегда экземплярна, т.е. не охватывает всего возможного набора форм, а представлена аналогами и образцами; лексикализована (грамматическая форма в ABC существует в виде конкретной словоформы); диссипирована (парадигма конкретной лексики собирается из «рассеянных» по ABC

отдельных грамматических форм). При таком способе существования грамматики любая морфологическая информация, необходимая носителю языка в момент порождения высказывания, может быть найдена и использована им.

Основной единицей совместного хранения и воспроизведения как грамматической, так и лексической информации в этой концепции является конкретная словоформа. Лексикализация грамматики, синкретизм грамматического и лексического подтверждаются данными массового ассоциативного эксперимента. На основе больших данных, полученных в результате этого эксперимента, были смоделированы отдельные участки АВС, выведены «законы диссипации, законы взаимодействия зон концентрации грамматических значений, законы аналогии, семантической связности или грамматической обратимости» [Караулов 1993: 315]. Выводы делались на материале АВС усредненной (коллективной) языковой личности, и, по мысли автора, эти же закономерности в индивидуальной АВС конкретной языковой личности могут быть проявлены более отчетливо. Возникает вопрос о моделировании этой индивидуальной АВС, а в нашем случае – о моделировании индивидуального грамматикона конкретной языковой личности. Показания коллективной (национальной, усредненной) языковой личности выявлялись в результате эксперимента с различными респондентами, представителями разных демографических, социальных, профессиональных групп, которые эксплицировали то или иное потенциальное состояние АВС, выдавая реакции на стимулы в разных грамматических формах. Способ экспликации индивидуальной АВС можно представить как серию из сотни повторяющихся ассоциативных экспериментов с одним и тем же носителем языка, который в ответ на запрос выдавал бы реакции, проявляющие разные состояния АВС. Вероятнее всего, проведение серии таких экспериментов затруднительно, а экспликация сети будет очевидно неполной, наведенной семантическими связями и повторяющейся ситуацией.

С другой стороны, описание, предложенное Ю. Н. Карауловым, призвано представить максимально полную картину существования языка в сознании его носителя, но не ставит своей задачей зафиксировать наиболее «загруженные» участки АВС, несущие на себе основную речевую нагрузку. В рамках нашего исследования мы сосредоточились на понятии актуального грамматикона, то есть того набора грамматических форм, хранящихся в АВС носителей языка, которые представляют собой минимальную функциональную систему, обеспечивающую большую часть речепорождения и речевосприятия, то есть являются базой речевой деятельности. Актуальный грамматикон описывается нами как набор словоформ, основных единиц динамического хранения как лексической, так и грамматической информации в совокупности.

Уточним, в каком значении мы будем использовать важное для данной работы понятие «грамматическая форма слова». Изначально оно было связано с системно-структурной парадигмой изучения языка. В рамках данной парадигмы язык представляет собой целостную систему, все элементы которой описываются через наборы оппозиций.

Грамматическая форма слова при таком подходе понимается как словоформа с определёнными морфологическими характеристиками в отвлечении от её лексических особенностей. Языковая единица рассматривается как 3-х аспектное явление, в котором можно выделить план выражения, план содержания и функцию. Это основа системно-структурного подхода, и выделение ГФ связано именно с этим разделением. Безусловно, такое описание – это грамматический конструкт, научная абстракция, инструмент для изучения грамматического компонента в отвлечении от лексического. Понятие ГФ использовалось и используется для академического изучения грамматических явлений, составления грамматических словарей, то есть речь идёт о «посттекстовом» создании системы грамматических знаний, извлеченных из живой речи [Караулов 1993: 7].

Важным для нашей дальнейшей работы представляется понимание ГФ как единства грамматического значения и внешних средств его выражения. Исследователи отмечают, что ГФ слова есть соотношение «данного грамматического содержания и грамматического способа в их единстве» [Ахманова 1957: 18]; ни одно грамматическое значение не существует вне грамматической формы [Валгина 2008: 24]; «... под грамматической формой слова принято понимать *целостную систему* (выделено нами. – Е.К.) формальных средств выражения его грамматического значения» [Лекант 2013: 10]; грамматическое значение – один из признаков грамматической формы, его сущность [Кодухов 2012: 163-166], см. также: [Норман 2015, Норман, Мухин 2018].

При этом понятие ГФ слова тесно связано с понятием словоформы, но не совпадает с ним. Так, А. И. Смирницкий, автор термина словоформа, отмечал, что «словоформа, т. е. известная (грамматическая) форма конкретного слова, представляет собой как бы скрещение или произведение самого данного конкретного слова и известной формы как таковой» [Смирницкий 1957: 19], и не совпадает с ГФ слова.

Таким образом, грамматическая форма, представленная конкретной словоформой, рассматривается как основная единица динамического хранения грамматического знания. Актуальный грамматикон языковой личности может быть сформирован на основе комплекса таких единиц, то есть грамматических форм конкретных слов. В ходе данного исследования мы будем использовать понятия «грамматическая форма слова» и «словоформа», опираясь на определение Смирницкого, так как нам важно зафиксировать расхождение между грамматической формой слова, передающей грамматическое значение определенными, системно установленными средствами, и грамматическими формами конкретных слов, так как в грамматиконе языковой личности, в его АВС грамматическая информация, с одной стороны, представлена определенными грамматическими формами, с другой стороны, эти грамматические формы

могут воплощаться в целом наборе различных словоформ. И если сам набор грамматических форм продиктован системой языка, то их воплощение в конкретных словоформах вариативно и может меняться от индивида к индивиду, что делает АВС вариативной, приспособляющей хранение общего языка к конкретному индивиду. Индивидуальный и динамический характер освоения грамматической способности подтверждается методологически значимым для нашего исследования постулатом, сформулированным Т. А. Гридиной по материалам исследований детской речи: «Грамматические образцы, явленные в словоформе, закрепляются вместе с актуальным значением данной словоформы – в опоре на некий предметный эталон и формальный образец (освоенный аналог)» [Гридина, 2017, с. 112].

Моделированию чаще всего подвергается языковая личность или ее лексикон. Отправной точкой служат спонтанные тексты этой языковой личности или тексты, порожденные в специальных условиях, например, в условиях эксперимента. При этом внимание исследователей чаще всего привлекают специфические формы, выделяющиеся на фоне нормы.

Динамический характер языковой способности, ее сложная природа, требуют от лингвистов разнообразных, сложных по своей природе способов ее описания (диагностирования). Одним из способов диагностики сформированности языковой способности на основе психолингвистики и когнитивистики становится оценка речевого продукта языковой личности (например, по параметрам коммуникативности, логичности, соблюдения грамматической и лексической нормы. Об этом подробнее см.: [Бутакова 2004]).

Подобные способы описания языковой личности представляют в целом грамматикон, лексикон, семантикон постфактум, как результат анализа статичных текстов. Такой подход не позволяет (или не ставит своей задачей) сфокусировать внимание на актуальном грамматиконе или лексиконе, т.е. на наиболее востребованных говорящим в процессе речепорождения и

восприятия участках АВС, кроме того носит дискретный характер и не отражает всей совокупности факторов, значимых для формирования и развития языковой способности.

Мы предлагаем подход к моделированию актуального грамматикона на основе данных развития языковой личности в онтогенезе, что позволяет учитывать соотношение когнитивных и лингвистических механизмов становления и развития языковой личности: «Анализ когнитивных моделей, лежащих в основе постижения детьми грамматики родного языка, является необходимым условием описания психологической реальности этого процесса, в котором следует различать аспекты усвоения материальных показателей грамматических значений и собственно грамматической семантики. В первом случае в детской речи действуют законы аналогии и грамматической сверхгенерализации, во втором – проявляется опора ребёнка на актуальные для его сознания когниции» [Гридина 2017: 111].

1.3. Моделирование актуального грамматикона с позиций онтолингвистики

Первые регулярные записи фактов детской речи, сделанные А. Н. Гвоздевым, положили начало лонгитюдным исследованиям в этой области. На основе наблюдений он создал систематическое описание процесса усвоения языка ребенком [Гвоздев 2005, 2007]. В частности, им был отмечен процесс освоения ГФ от менее абстрактных к более абстрактным, от простого, формального выражения грамматического значения — к более сложному. Показательно и то, что на начальном этапе освоения языка (как это явствует из дневниковых записей А. Н. Гвоздева) речь шла именно об отдельных грамматических формах, а не о формировании всей парадигмы определенной грамматической категории.

Представление о том, что ребенок конструирует индивидуальную языковую систему, а не перенимает ее в готовом виде у взрослых,

фактически всегда присутствовало, хотя иногда и в неявном виде, в работах ведущих отечественных ученых (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев). В западной науке эти идеи восходят к концепции Ж. Пиаже. Данное положение получило дальнейшее развитие в трудах Санкт-Петербургской научной школы онтолингвистики (С. Н. Цейтлин, Г. Р. Доброва, М. Б. Елисеева, М. Д. Воейкова, М. В. Русакова, Т. А. Круглякова, Т. В. Кузьмина и М. А. Еливанова). На основе лонгитюдных наблюдений был собран большой материал для исследований детской речи (см., напр., [Речь русского ребенка. Звучащая хрестоматия 1994; От нуля до двух 1997; От двух до трех 1998; Две девочки: Соня и Надя: 2001], [Словарь детских словообразовательных инноваций 2001] и др.). В центре внимания исследователей оказался сам процесс освоения языка ребенком, его возрастная динамика, влияния на этот процесс получаемого ребенком инпута, универсальные и индивидуальные особенности речевого развития детей и т.д. В рамках данной онтолингвистической школы выдвигается постулат о динамической, функциональной системности детской речи: «язык не дается ребенку при рождении ..., но зато ему дана уникальная способность самостоятельно выстраивать в собственном сознании все компоненты языковой системы (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический и ряд иных), а также перестраивать и совершенствовать эту систему в течение всей жизни при взаимодействии с другими людьми» [Цейтлин 2009: 14].

Отталкиваясь от инпута, ребенок выводит собственные правила конструирования и соединения форм. Грамматическая система, которую создает ребенок, индивидуальна, но по мере усложнения приближается к усредненной языковой системе взрослого носителя языка. Траектория усвоения ребенком грамматических навыков разворачивается в направлении от самых общих правил к постепенной их дифференциации, к усвоению исключений [Цейтлин 2009], при этом в «...в детской речи <...>

господствует принцип симметрии, который в языковой «реальности» сплошь и рядом нарушается причудливой и нелогичной нормой» [Гридина 2016: 6].

Таким образом, развитие онтолингвистики, изучение процессов усвоения детьми грамматического строя языка позволяет говорить о ГФ слова как основной динамической единице усвоения и хранения (закрепления) грамматических знаний. При этом на каждом этапе усвоения языка ГФ слова может получать узуальное наполнение, постепенно с развитием общей системы языка ребенка приближаясь к своему нормативному значению. Детская речь дает импульс для осмысления ГФ как единицы речевой деятельности и языкового сознания, потенциальной единицы моделируемого актуального грамматикона.

В возрастном периоде от трёх до пяти лет у ребёнка происходит моделирование грамматикона путем усвоения ГФ и выстраивания, перестраивания и развития из них функциональных систем. При этом сам процесс формирования этих систем еще не скрыт от исследователя поверхностными речевыми структурами, так как процесс перевода внешних ГФ, усвоенных ребенком, во внутреннюю речь продолжается [Выготский 1934; Ван Дер Веер, Завершнева 2018, 2019; Кошечкина 2013; Фисенко, Цупикова 2017].

Попытка моделирования актуального грамматикона на основе данных детской речи невозможна без первичного предварительного описания формирования грамматической способности как процесса постепенного освоения инструментария грамматических форм.

Основные этапы формирования грамматической способности ребенка впервые описаны в работе А. Н. Гвоздева, опубликованной в 1949 г. В его исследовании прослеживается процесс формирования у ребенка (сына автора) грамматического строя от появления первого слова до школьного возраста. Проводится систематический анализ усвоения ребенком языка, охватывающий все стороны развития речи: синтаксис, морфологию, процессы словообразования и словоизменения. А. Н. Гвоздев приводит

материал, показывающий, что уже к трехлетнему возрасту в речи ребенка представлены все основные формы связной речи.

Три основных периода формирования грамматического строя речи, выделяемые А. Н. Гвоздевым:

- период предложений, состоящих из аморфных слов-корней;
- период усвоения грамматической структуры предложения;
- период дальнейшего усвоения морфологической системы.

Период предложений, состоящих из аморфных слов-корней (от 1 года 3 месяцев до 1 года 10 месяцев) включает два этапа: этап однословного предложения и этап предложений из нескольких слов-корней.

Первые высказывания, которые принято называть голофразами, состоят из одного слова. Отдельное слово используется ребенком в качестве целого предложения. Количество слов в речи ребенка невелико, используются они для выражения побуждений, обращенных к взрослому, или констатации той или иной ситуации. Для уточнения смысла высказывания ребенок часто использует жесты, различные вокализации: «Первые детские слова есть одновременно не только его первые высказывания, но в некотором роде и первые тексты, поскольку являются в смысловом отношении завершенными и самодостаточными» [Цейтлин 2009: 63].

Первые слова, которые употребляет ребенок, не имеют определенной грамматической формы, это аморфные «слова-корни», по выражению А. Н. Гвоздева. В различных предложениях они используются в одинаковом звуковом оформлении, без изменения. Условно их можно назвать протосубстантивами и протоглаголами, но о действительной частеречной принадлежности говорить не приходится именно ввиду неизменности, застывшей формы этих слов. «Слова-синкреты в составе начального детского лексикона нельзя считать существительными или глаголами, так как морфологические категории не сформированы, словоизменение отсутствует

и говорить о синтаксических функциях в однословных высказываниях преждевременно. Формы слов «взрослого» языка копируются механически, это, так называемые, «замороженные» формы, которые выступают как представители лексемы в целом, первоформы» [Цейтлин 2009: 68].

Помимо протосубстантивов и протоглаголов, ребенок использует неизменяемые звукоподражательные слова, ономаптоеи, слова «языка нянь», типа «би-би», «гав-гав» и им подобных. Такие слова, лишённые словоизменения, прекрасно справляются с ролью синкретов на этом раннем этапе: «Как бы идя навстречу потребности ребенка в бесформенных словах на этой стадии, взрослые создали (также перенимая от детей) целый ряд аморфных слов, составляющих значительный процент среди слов, усвоенных ребенком в этом возрасте» [Гвоздев 2007: 163].

Дальнейшее развитие познавательных и коммуникативных способностей ребенка приводит к усложнению высказываний, в которых он передает информацию об окружающем мире. Ребенок начинает объединять в одном высказывании сначала два, затем три слова, таким образом, появляется фраза. Слова все также используются в «замороженной» форме, в высказывании они связываются интонацией, общностью ситуации, грамматическая связь между ними отсутствует. Существительные употребляются либо в «замороженном» им. п. ед. ч., либо в усеченной, искаженной форме. Глаголы представлены либо в неопределенной форме, либо в форме 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения, то есть в тех формах, которые чаще всего присутствуют в обращенном к ребенку инпуте.

Формально знакомые ребенку средства языка (морфологические маркеры) не дифференцируются, остаются вне сферы его восприятия. На данном этапе перед ребенком еще не стоит задача выбора нужной грамматической формы, в различных словосочетаниях употребляется одна и та же форма слова.

Период усвоения грамматической структуры предложения (1 год 10 месяцев – 3 года) состоит из трех этапов: этап формирования первых

форм слов; этап использования флексийной системы языка для выражения синтаксических связей слов; этап усвоения служебных слов для выражения синтаксических отношений. Рост и развитие ребенка связаны с необходимостью восприятия и выражения в речи все более сложных ситуаций и поиска необходимых для этого языковых средств, поэтому в последней трети второго года жизни или несколько позднее начинается формирование субстантивной и глагольной парадигматики.

Этап формирования первых форм слов (1 год 10 месяцев – 2 года 1 месяц) включает в себя систематизацию разрозненных словоформ, усвоенных из речевого инпута и относящихся к разным лексемам. Ребенок начинает искать связи между этими словами и их формами, а затем осознавать и правила употребления той или иной формы: «на очереди – необходимость осознания связывающих их (словоформы) системных отношений, учитывающих как содержательную, так и формальную сторону, формирование субстантивной, глагольной, а следом за ними – и адъективной парадигмы в отвлечении от их лексического наполнения, создание на этой основе правил перехода от одной словоформы к другой в процессе речевой деятельности» [Цейтлин 2009: 74]. Как уже упоминалось выше, под созданием или осознанием существования правил понимается не их формулирование, а «устойчивая реализация повторяющихся, аналогических, но всегда конкретно-лексических конструкций» в речи [Цейтлин 2009: 74].

Первыми грамматическими формами существительных являются следующие: формы им. п. ед. ч. и мн. ч. с окончаниями -ы, -и (фонетически всегда – и по причине смягчения согласных), формы вин. п. с окончанием -у (*кису, куклу*), иногда появляются формы род. п. ед. ч. с окончанием -ы (*нет кисы*), окончание -е для обозначения места (*толе* вместо *столе*), при этом предлог не употребляется. Первыми грамматическими формами глаголов являются: повелительное наклонение 2-го лица ед. ч. (*иди, неси, дай*), формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени, без чередования в основе (*сидит, спит*), возвратные и невозвратные глаголы. К двум годам появляются

прилагательные, чаще всего в форме именительного падежа мужского или женского рода, но без согласования с существительными. Это свидетельствует о том, что род как согласовательный класс еще не усвоен. На этом этапе отмечается расширение структуры предложения до 3-4 слов (*Таня играет кукла*).

Таким образом, в речи ребенка начинают обозначаться первые грамматические отношения между словами: согласование существительных в им. п. ед. ч. с глаголом изъявительного наклонения (*матик играет*), некоторые формы управления глаголом (*дай кису*). Первоначальные синкреты расщепляются как в плане содержания, так и в плане выражения. Расщепление плана содержания предполагает освоение семантики конкретной словоформы, т. е. значения единичности или множественности (*кукла – куклы*), субъектности или объектности (*кукла – куклу*). При этом прототипические, семантические функции граммем осваиваются раньше вторичных, производных. Учитываются значимость данной функции в жизни ребенка, его повседневном окружении и достаточная представленность функции в получаемом ребенком инпуте. Что касается плана выражения, то на начальном этапе освоения морфологии ребенок замечает и использует наиболее частотные грамматические средства («общее правило») [Цейтлин 2009: 77].

Второй этап II периода – этап использования системы флексий для выражения связей слов (от 2 лет 1 месяца до 2 лет 6 месяцев). Словоизменение в русском языке характеризуется большим разнообразием флексий, которые систематизируются при формообразовании в различные типы склонений имен и спряжений глаголов. Из-за сложности флексийной системы ребенок не может одновременно усвоить все формы словоизменения. Последовательность усвоения ребенком грамматических форм слов определяется семантической функцией и частотностью использования в речи окружающих. Общей тенденцией детской речи являются первоначальное усвоение наиболее частотных флексий. В течение

определенного времени дети используют только одно, наиболее продуктивное окончание, которое А.Н. Гвоздев называет «главенствующим». Другие варианты окончаний, выражающих то же грамматическое значение, отсутствуют в речи, оказываются вытесненными, они заменяются продуктивными флексиями. Так, формы существительных родительного падежа множественного числа имеют несколько вариантов окончаний: -ов, нулевое окончание, -ей, среди которых продуктивной флексией является окончание -ов. В связи с этим длительное время в речи детей наблюдаются замены непродуктивных флексий окончанием -ов (*много ложек, ножей*). Чем больше флексий используется в языке для выражения одного и того же грамматического значения, тем труднее усваиваются эти формы.

Характерной чертой детской речи на этом этапе является стремление к унификации основы различных форм слова. Вначале отмечается однозначное соединение корня и флексии, что выражается в отсутствии чередования, беглости гласных, супплетивизма (*молотком, левы, человеки*): «В пределах одного падежа очень широко распространено смешение отдельных окончаний, замена одного окончания другим, свидетельствующие о том, что принадлежность того или иного окончания к известной системе склонения, соотносительность окончаний одного типа склонения усваиваются значительно позже, чем само разграничение падежей, и усвоение этой чисто морфологической стороны склонения представляет самостоятельную и очень сложную задачу» [Гвоздев 2007: 394].

Выбор нужной флексии из ряда функционально тождественных, затрудняется наличием трех типов склонения существительных и отсутствием прямой и четкой соотнесенности между типом склонения и родом существительного. Дети с легкостью усваивают те грамматические оппозиции, в основе которых лежат ясные для них семантические противопоставления. Оппозиции формальных классов, такие как, например, словоизменительные классы глаголов, типы спряжения глаголов, склонения существительных усваиваются ими с трудом. На данном этапе необходимо

уловить наличие обусловленности одного морфологического маркера другим в рамках формальной системы соответствий: «Освоить типологию трех склонений означает овладеть тремя разными наборами флексий и при этом понять, какой из трех наборов годится для каждого случая» [Цейтлин 2009: 120].

Таким образом, на начальном этапе ребенок усваивает наиболее общие, наиболее продуктивные правила формообразования, позже овладевает частными правилами, исключениями из общего правила (нормой языка), происходит дифференциация внутри системы языка.

На этом этапе в детской речи встречается еще много грамматических неточностей. Одни флексии заменяются другими, но в пределах одного грамматического значения. Среди грамматических форм существительных усваиваются беспредложные формы косвенных падежей: винительного, родительного, творительного. В речи детей наблюдается дифференциация форм единственного и множественного числа глаголов изъявительного наклонения, усваивается изменение по лицам (кроме 2-го лица множественного числа), разграничиваются формы настоящего и прошедшего времени, однако в прошедшем времени еще смешиваются формы мужского, женского и среднего рода. Словоизменение прилагательных еще не усвоено, в речи детей наблюдается как правильное, так и неправильное согласование прилагательного с существительным. Во множественном числе прилагательные правильно употребляются лишь в именительном падеже. В ряде случаев прилагательные употребляются после существительных. Личные местоимения уже усвоены.

Этап усвоения служебных слов для выражения синтаксических отношений (от 2 лет 6 месяцев до 3 лет). Характерной особенностью нормального речевого развития является то, что усвоение предлогов происходит лишь после усвоения основных наиболее функциональных грамматических элементов языка – флексий. На начальных этапах речевого развития в детской речи отсутствуют предлоги (*на столе – толе*). Но это

период непродолжителен. Научившись выделять и использовать флексию, ребенок затем вводит в эту конструкцию и недостающий третий элемент – предлог, выражая лексико-грамматическое значение с помощью предлога и флексии.

На этом этапе ребенок правильно употребляет простые предлоги и многие союзы, но при употреблении более сложных предлогов (из-за, из-под) наблюдаются аграмматизмы. Продолжается усвоение более частных правил словоизменения, в том числе дифференциация морфологической системы склонения существительных, усвоение окончаний мн. ч. -ов, -ами, -ах, падежных окончаний им. п. мн. ч. - а, - иа (рога, стулья). Закрепляется согласование прилагательных с существительными в косвенных падежах, происходит дальнейшее развитие сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, усваиваются многие служебные слова. Таким образом, в основном усваиваются многие грамматические формы, однако, в полной мере морфологическая система языка еще не усвоена.

Период дальнейшего усвоения морфологической системы (от 3 до 7 лет). В этот период ребенок систематизирует грамматические формы по типам склонения и спряжения, усваивает многие единичные формы, исключения. В этот период значительно сокращается свободное использование морфологических элементов (словотворчество), так как ребенок овладевает не только общими правилами грамматики, но и более частными правилами, системой «фильтров», накладываемых на использование общих правил. В речи детей до 4 лет иногда еще встречаются случаи неподвижного ударения при словоизменении, тенденции унификации основы. После 4 лет такого рода окказионализмы исчезают из детской речи, остаются лишь нарушения чередования в основах глагола. Усваивается согласование прилагательного с существительным в косвенных падежах, глагольное управление.

Таким образом, к школьному возрасту, ребенок овладевает в основном всей сложной системой практической грамматики. Этот уровень

практического владения языком является очень высоким, что позволяет ребенку в школьном возрасте перейти к осознанию грамматических закономерностей при изучении русского языка.

В нашем исследовании представляется целесообразным разделить указанный этап на два периода: первый - от 3 до 5, когда продолжается «самостоятельное» овладение ребенка языком; второй - от 5 до 7, когда начинается осознанное обучение языку в рамках предшкольной подготовки (в первую очередь обучение чтению).

Овладение грамматикой можно представить как освоение грамматических категорий и, соответственно, грамматических форм, а также правил их выбора и конструирования. Таким образом, на основе данных детской речи мы можем смоделировать грамматикон формирующейся языковой личности на основе тех грамматических форм, которые присваиваются ребенком в первую очередь, и тех, которые осваиваются позже. То есть мы движемся не от текста к грамматикону, а от отдельной формы к их системе, и наша задача проследить за формированием грамматикона (закладыванием основы полноценного грамматикона) в онтогенезе.

А. Н. Гвоздев выявил следующую последовательность усвоения ребенком грамматических категорий и форм русского языка: число существительных — уменьшительная форма существительных — категория повелительности — падежи — категория времени — лицо глагола [Гвоздев 2007].

Здесь очевиден путь от менее абстрактных грамматических форм к более абстрактным, от простого, формального выражения грамматического значения — к более сложному. За весьма короткий период (всего за два-три месяца) ребенок осваивает все основные морфологические категории (число и падеж существительных, время, число и лицо глагола), т. е. имеет уже в своем распоряжении минимум необходимых средств для соотнесения описываемой ситуации с моментом речи и маркировки основных

семантических позиций. Теперь предложение может удлиняться, порядок слов изменяться, и это уже не создает путаницы, так как есть средства морфологической маркировки.

Самыми первыми из осваиваемых ребенком категорий существительного являются категории числа и падежа, самой последней — категория рода (большинство детей осваивает ее к двум с половиной - трем годам). Усвоение всех шести падежных форм происходит к началу третьего года жизни. Первыми грамматическими формами являются следующие: формы именительного падежа единственного и множественного числа, формы винительного падежа, затем появляются формы родительного (чаще в функции объекта) и предложного падежа, формы творительного и дательного падежа усваиваются последними.

Овладение семантическими функциями падежных граммем происходит в течение непродолжительного времени, после которого их смешения уже не наблюдается. «Разграничение отдельных падежей происходит очень рано (около 2 лет). Только в очень ранний период вместо винительного употребляется именительный (точнее – первичная «форма» существительного). В дальнейшем совершенно не наблюдалось случаев смешения падежей, употребления одного падежа вместо другого...Это говорит о том, что первоначально и без затруднений усваиваются падежи как носители определенных синтаксических значений» [Гвоздев 2007: 393].

К двум годам в речи ребенка появляются прилагательные, чаще всего в форме именительного падежа мужского или женского рода, но без согласования с существительными. Ошибок в построении форм прилагательного в речи детей старше двух – двух с половиной лет практически не встречается. Исключены ошибки и в выборе формы числа, падежа и рода прилагательных, относящиеся к освоению плана содержания соответствующих категорий. Поскольку категории рода, числа, падежа прилагательных выполняют структурные функции, они осваиваются очень рано благодаря формированию согласовательных схем, связывающих формы

существительных и прилагательных. Тем не менее, согласование по роду осваивается позднее, чем согласование по числу и падежу. Ср.: «Поскольку формы рода неодушевленных существительных семантически опустошены, а мотивированность рода одушевленных существительных связью с биологическим полом не сразу осознается ребенком, получается, что не столько «родовая» характеристика существительного диктует форму рода адъектива, сколько форма адъектива, извлекаемая из инпута, помогает формированию схем согласования по роду и тем самым – освоению рода как прежде всего согласовательного формального класса» [Цейтлин 2009: 131].

Ошибки согласования представляют собой не соответствующий норме выбор формы рода существительного. Ребенок осваивает две подкатегории рода: подкатегорию одушевленных существительных, в которых непосредственно, хотя и не всегда последовательно, проявлена идея пола, и подкатегорию неодушевленных существительных, в которых отнесенность к роду носит чисто формальный характер. При освоении категории рода ребенок распространяет семантическую мотивированность и на неодушевленные существительные. При этом в начальной родовой системе средний род практически отсутствует, что связывают и с его отсутствием в подкатегории одушевленных существительных, и с малой частотностью в инпуте. Ср.: «Парадигма существительного среднего рода в целом совпадает с парадигмой существительного мужского рода, за исключением единственной (правда, самой частотной и важной) формы именительного падежа. Однако в случае безударности флексии эта форма неотличима от формы существительного женского рода (ср. «кошка» и «окошко»). Отсюда два возможных способа приспособления существительных среднего рода к временной детской парадигме – перевод их в мужской или женский род» [Цейтлин 2009: 99]. Таким образом, в грамматической категории рода форма ср. р. усваивается последней.

Категории глагола, которые усваивает ребенок в первую очередь – это наклонение и лицо (около двух лет). Генетически ранними грамматическими

формами глаголов являются: повелительное наклонение 2-го лица ед. ч. (иди, неси, дай), инфинитив, формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени, без чередования в основе (сидит, спит). Затем в речи детей наблюдается дифференциация форм единственного и множественного числа глаголов изъявительного наклонения, усваивается изменение по лицам (кроме 2-го лица мн. ч.), разграничиваются формы настоящего и прошедшего времени, однако в прошедшем времени еще смешиваются формы мужского, женского и среднего рода.

Осознание речевого дейксиса, позволяющее соотнести участников ситуации с говорящим и слушающим, начинается обычно на втором году жизни и находит свое выражение в использовании личных местоимений и личных форм глагола. В сфере освоения персональности наблюдаются существенные различия между детьми – некоторые из них осваивают личные местоимения и личные формы глагола уже к середине второго года жизни, другие путают местоимения Я и ТЫ или говорят о себе в 3-м лице вплоть до трех лет.

С установлением способности соотносить отображаемую в высказывании ситуацию с ситуацией речи и с говорящим и слушающим возникает возможность различным образом обозначать участников ситуации в зависимости от их речевых ролей. Однако дети ведут себя на этой стадии по-разному: некоторые из них, говоря о себе, переходят от 3-го лица к 1-му, другие начинают говорить о себе во 2-м лице, как бы копируя те формы глагола и личное местоимение, которые употребляют по отношению к ним взрослые.

Общая последовательность усвоения личных форм предполагает первоначальное использование формы 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения и 3-го лица ед. ч. изъявительного, затем освоение форм 1-го лица ед. ч. и, наконец, форм 1-го и 3-го лица мн. ч. Формы 2-го лица мн. ч. не появляются в речи ребенка в рассматриваемый период.

Очередность усвоения морфологических категорий и форм, их представляющих, зависит от ряда причин:

- прагматическая ценность грамматической формы (актуальность смысла, соотнесенного с данной формой или категорией, для практической деятельности ребенка);
- уровень когнитивного развития ребенка, доступность ему семантической оппозиции, ясность мотивировки, лежащей в основе грамматической категории;
- «перцептивная выпуклость» грамматической формы (термин, используемый С.Н. Цейтлин), наличие материальных показателей, однозначно дифференцирующих ту или иную грамматическую форму.

Все вышеперечисленные факторы определяют актуальность тех или иных грамматических форм на разных этапах онтогенеза. Можно выделить генетически более ранние формы различных грамматических категорий, а также формы, не востребованные на начальном этапе речевого развития.

Для существительных актуальными будут являться формы именительного и винительного падежа единственного и множественного числа, для глаголов повелительного и изъявительного наклонения формы 1-го и 3-го лица ед. ч., для прилагательных формы мужского и женского рода. Не актуальными для ребенка на этапе развития от двух до пяти лет будут формы 2-го лица мн. ч. глаголов, редко используемыми формы среднего рода прилагательных.

За весьма короткий период (всего за два-три месяца) ребенок осваивает все основные морфологические категории (число и падеж существительных, время, число и лицо глагола), т. е. имеет уже в своем распоряжении минимум необходимых средств для соотнесения описываемой ситуации с моментом речи и маркировки основных семантических оппозиций. Теперь предложение может удлиняться, порядок слов изменяться, и это уже не создает путаницы, так как есть средства морфологической маркировки.

Необходимо заметить, что на начальном этапе освоения речь идет именно об отдельных грамматических формах, а не о формировании всей парадигмы определенной грамматической категории. В сознании ребенка, в активной грамматике представлены не все формы парадигмы, часть из них остается в пассивном запасе. Тем не менее, этих более частотных форм хватает для первоначальной коммуникации. Для существительных актуальными являются формы именительного и винительного падежей ед. и мн. ч., для глаголов повелительного и изъявительного наклонений формы 1-го и 3-го лица ед. ч., для прилагательных формы мужского и женского рода. Неактуальны для ребенка на этапе развития от двух до пяти лет формы 2-го лица мн. ч. глаголов, редко используемые формы среднего рода прилагательных.

Можно предположить, что генетически первичные грамматические формы, усваиваемые ребенком, остаются наиболее частотными на дальнейших этапах речевого развития, несут на себе основную речевую нагрузку. Такие формы составляют ядро языковой системы, конструируемой ребенком, выступают базой актуального грамматикона русской языковой личности.

1.4. Корпусные исследования как средство моделирования актуального грамматикона языковой личности ребенка

Определение в нашей работе некоторых грамматических форм как ядерных для актуального грамматикона языковой личности требует проверки на материале детской речи.

Моделирование актуального грамматикона языковой личности на основе корпусных методов исследования детской речи позволяет взглянуть на процесс освоения грамматики как на процесс системный, с возможностью проверить выявленные закономерности на большом массиве данных.

Появление корпусов текстов как инструмента количественного лингвистического исследования связано с проникновением в лингвистику математического инструментария и информационных технологий. Первые корпуса появились в США в 60-е гг. XX века. Распространение информационных технологий и развитие корпусных исследований привели в 90-е и начале 2000-х годов к появлению масштабных проектов – корпусов национальных языков [Захаров 2016: 150; Майорова 2017: 43; Солнышкина, Гатиятуллина 2020: 132]. В данный момент существуют американский (American National Corpus, ANC), британский (British National Corpus, BNC), российский (Национальный корпус русского языка, НКРЯ), немецкий (Deutsches Referenz korpus, DeReKo), чешский (Český národní korpus или ČNK) и другие корпуса национальных языков, отличающиеся определенным составом текстов (репрезентацией различных форм национального и разных стилей литературного языка). Главной ценностью больших национальных корпусов является разметка их текстов, позволяющая осуществлять различные лингвистические исследования на большом объеме материала.

Сильной стороной корпусных исследований является возможность получения больших данных, набора статистически значимых показателей, установление разных типов закономерностей: семантических, грамматических, стилистических. Получение таких данных сопряжено с необходимостью решения ряда задач:

1. Отбор материала. В состав корпуса должны попадать тексты, наиболее ярко представляющие языковое явление, изучаемое с помощью корпусных исследований. Корпусы национальных языков стремятся к сбалансированному составу текстов, репрезентирующих литературный язык: художественная литература, журнальная и газетная публицистика, научные, научно-популярные и учебные тексты, официально-деловые и юридические тексты, записи бытовой речи, интернет-коммуникация. Количество текстов разных функциональных стилей определяется пропорцией, характерной для общего состояния современного языка.

2. Определение необходимого объема текстов. Для выявления статистически значимых закономерностей корпусные исследования проводятся на большом объеме текстов. Для каждого изучаемого явления объем определяется отдельно. Корпус автора обычно включает весь набор текстов этого автора, исторические корпуса – все доступные исторические источники, национальные корпуса включают в себя сотни тысяч текстов разных стилей и жанров и десятки миллионов словоупотреблений. Ограниченный объем текстов не исключает использования корпусных методов, но дает возможность говорить, скорее, об индивидуальных речевых показателях.

3. Создание разметки или системы разметок. Разметка – это результат работы исследователя над текстом, квалификация текстов и элементов текста, присвоение выбранному элементу определенной информации. Разметка может быть экстралингвистической, то есть включать информацию о дате записи, поле и возрасте автора, обстоятельствах высказывания, например. Она может быть лингвистической: фонетической, морфологической, синтаксической, семантической [Захаров 2016: 153-154]. Один и тот же корпус текстов может содержать разные виды разметки.

4. Постобработка. Современное программное обеспечение позволяет автоматизировать часть операций при работе с корпусом, в том числе процедуру разметки. Однако результаты работы программы автоматизированной разметки требуют проверки и коррекции со стороны исследователя. Чем больше объем корпуса и чем более оригинален (далек от языковой нормы) его состав, тем более трудоемкой будет стадия постобработки.

5. Создание корпуса в электронном виде. Объем современных корпусов, необходимость выявления статистических показателей, удобство перемещения по текстам, – все это предполагает, что корпус создается и существует как массив данных в электронном виде.

Разработка программного обеспечения для создания корпусов, оцифровывание текстов, повышение технических возможностей персональных компьютеров, используемых для обработки корпусов, привели к расширению сферы корпусных исследований, введению в научный оборот нового материала. Составляются корпуса медиа, корпуса современной разговорной речи, корпуса текстов интернет-коммуникации, корпуса писателей, корпуса древних языков. С их помощью проводят как собственно лингвистические, так и литературоведческие, культурологические, исторические, политические, маркетинговые исследования [Рубцова 2015, Ринчинов 2020].

Расширение материала, попадающего в оборот корпусных исследований, коснулось и детской речи. Существуют корпуса детской речи на китайском, английском (американский и британский варианты), испанском, французском, немецком, датском и других национальных языках (см. обзор: [Claus, Rosales 2013: 2411; Radoslava 2016: 42-43]).

В международной базе данных CHILDES (Child Language Data Exchange System, <https://childes.talkbank.org>) собраны записи детской речи для более чем 40 языков. Проект создан в 1980-х гг. в Питсбургском университете для анализа разговорной речи, спонтанной речи детей и их родителей, а также для исследования процесса усвоения второго языка. Помимо значительного по объему массива записей, там содержится обширная библиография по психолингвистике, лингвистике, теории усвоения первого и второго языков, а также правила ввода материала и пакет программ для его анализа [Зырянова 2008: 115]. Доступ к материалам свободный, возможно размещение данных собственного исследования. К сожалению, банк данных русскоязычных детей невелик и пополняется медленно из-за необходимости предварительной обработки материала по правилам CHILDES. В данный момент в базе есть транскрибированные записи речи двух девочек. Записи речи первой девочки – семь 90-минутных записей – были сделаны в середине 1980-х гг. в Москве. Речь девочки фиксировала и

расшифровывала ее мать, лингвист Е.Ю. Протасова. Второй ребенок – одноязычная девочка, живущая в русскоязычной семье в США в середине 1990-х гг. Записи сделаны и расшифрованы в рамках проекта Лаборатории детского языка факультета лингвистики Университета Коннектикута. Таким образом, при использовании этих записей в исследовательских целях лингвисты сталкиваются не только с ограниченным объемом материала, но и со сложностью сопоставления речевого опыта и речевого окружения детей.

На русском языке разработан еще ряд корпусов: корпус вокализаций и речи детей первых трех лет жизни INFANT.RU, корпус спонтанной и читаемой речи детей 4–7 лет CHILD.RU, корпус эмоциональной речи детей 4–7 лет Emo.Child.Ru. Все они созданы в рамках работы группы по изучению детской речи Санкт-Петербургского государственного университета [Ляксо, Фролова и др. 2017]. Эти аудиокорпусы, так же как и корпус детской письменной речи: StartWrit [Ахапкина, Сосновцева 2017], не находятся в открытом доступе.

Введение в область онтолингвистики корпусных методов исследования позволяет перейти от оптики исключительного (от исследования детской инновации по определению отклоняющейся от нормы, выделяющейся в потоке речи), от словарного метода работы (согласно которому словарные статьи организованы вокруг отдельных фактов, по той или иной причине привлекающих внимание исследователя), от интерпретации отдельного языкового факта, извлеченного из потока речи, к изучению детской речи «в потоке».

Корпусом, а не коллекцией текстов материалы становятся при наличии разметки, которая позволяет использовать корпусные методы исследования. С помощью разметки осуществляется навигация по тексту, проводится анализ лингвистических явлений, зафиксированных в записях детской речи, обнаруживающий как количественные, так и качественные закономерности.

Исследование грамматических закономерностей развития детской речи корпусными методами затруднено из-за отсутствия в открытом доступе

готовых корпусов. Нами предпринята попытка создания пошагового алгоритма и аналога корпуса детской речи для исследования процесса усвоения грамматики в онтогенезе. Статистические данные о грамматических закономерностях детской речи, извлеченные из созданного нами корпуса, позволят выявить и уточнить состав генетически более ранних грамматических форм и категорий, выявить частотные грамматические формы и формы, находящиеся на периферии детской грамматической способности, усваиваемые поздно, остающиеся редкими в грамматиконе ребенка.

Для проведения исследования нами был выбран корпус детских высказываний, созданный В. К. Харченко [Харченко 2012]. Преимущество этого материала в том, что высказывания одних и тех же детей фиксировались на протяжении семи лет наблюдения (2005-2011 гг.). Дети, речь которых фиксировалась: два брата с разницей в возрасте в три года, воспитывающиеся в одной семье. Записи производились регулярно, фиксировались как их спонтанная монологическая речь, так и диалоги между детьми и со взрослыми собеседниками. Таким образом, внешние условия, которые всегда необходимо учитывать при записи детской речи, в этом случае сводятся к минимуму, тогда как внутренние различия, в частности, индивидуальные речевые стратегии и коммуникативные тактики, представляющие интерес для исследователя, доступны изучению. Например, наличие определенной стратегии усвоения языка, обусловленной вариативностью речевого онтогенеза [Доброва 2009, 2013]. Так двух братьев можно определить как двух детей с выраженной ярче или слабее референциальной и экспрессивной стратегией языка (элементами этой стратегии).

Для представленного материала используется жанровое обозначение «корпус», предполагающее, что «в центре внимания составителя – высказывание (реплика)» [Харченко 2012: 9]. Для корпуса важен и большой

объём материала, преимущественно такого, который «отличает детскую речь от речи взрослого носителя русского языка» [Харченко 2012: 9].

В данном корпусе используется авторская разметка нескольких видов:

- дата записи: 20 апреля 2008 г., 22 мая 2008 г.;
- субъект высказывания: Лев, Женя, Взрослый;
- комментарий составителя к ситуации: Шучу, О духоте, Строит тоннель в песочнице;
- квалификация лингвистического явления: Лев: *Злата ну что! Каких-то-нибудь пирожков нахватается* (взрослый оборот)!... *А что? Уговаривай не уговаривай – всё равно не поест!* (взрослый оборот);
- интерпретация высказывания: Женя: *Бай не!* (Не спать!);
- ненормативное ударение: У него нет кОгтя... когТЯ... [Харченко 2012: 223].

Произведенная В.К. Харченко разметка является выборочной и смешанной (лингвистической и экстралингвистической). Этот источник позволяет исследовать детскую речь «как в динамике, по вертикали нарастающих изменений; так и в статике, по горизонтали «одновременно» усваиваемых слов, словоформ, конструкций» [Харченко 2012: 10], однако не является корпусом с точки зрения корпусных исследований. Создание корпуса на основе этого источника требует перевода материалов в электронный вид, создания сплошной лингвистической (грамматической) разметки и постобработки. Грамматическая разметка предполагает присвоение каждой единице корпуса информации о частеречной принадлежности, лексико-грамматическом классе, морфологических признаках. Такая разметка чаще всего выполняется автоматизировано, с помощью программ для морфологического анализа текста.

Пошаговый алгоритм создания грамматического корпуса

1. Перевод материала в электронный вид.
2. Обработка материала.
3. Выполнение автоматизированной грамматической разметки.

4. Постобработка.

5. Представление материала в удобном для дальнейших исследований виде.

К сожалению, количество имеющегося в нашем распоряжении материала не позволяет зафиксировать очень нестабильную, постоянно меняющуюся функциональную систему языка ребенка, например, в возрасте от двух до трех лет, то есть нет возможности описать ряд таких систем, сменяющих друг друга за год жизни. Пока доступа к таким данным нет, для целей нашего исследования создается аналог корпуса детской речи, его проект, который позволяет зафиксировать функциональную систему языка ребенка в возрасте от двух до трех лет, от трех до четырех и от четырех до пяти лет.

1. Перевод материала в электронный вид.

Цель данного этапа – подготовка имеющихся материалов к обработке программными средствами. Для этого необходимо выделить из всего массива зафиксированного материала высказывания конкретного ребенка за определенный возрастной период. Наше исследование сосредоточено на речи детей от двух до пяти лет. Соответственно, составлены три массива записей речи старшего брата (Лев) в возрасте от 2 до 3 лет, от 3 до 4 лет и от 5 до 6 лет и три массива записей речи младшего брата (Женя) в те же возрастные периоды. Записи детской речи за нужный период извлекаются из источника и очищаются от авторской разметки. Продемонстрируем процесс на небольшом фрагменте.

Записи детской речи в разметке В.К. Харченко:

МАРТ

4 марта 2006 г.

– Здесь ходить с тобой будем. Лев подхватывает: Танцы устроивать.

8 марта 2006 г.

В эту неделю очень часто говорит: десять тысяч.

Гуляли, было солнце. Я: Солнце, весна! – Летняя зима!

А 8 мартам всех женщин день рождения?

11 марта 2006 г.

– Где у тебя собачка железная со своим собачонком стеклянным?

– Здесь поместится трёх зверей! (Верх пирамидки) Ой! Ну, втолкни вот эту!

– Верблюжье одеяло! Этим одеялом верблюда накрывают!

О подсветке: О! Подсвет! Рыбки на месте!

– А железо не очень хрупкое, вообще не хрупкое! [Харченко 2012: 73].

Записи речи, подготовленные для корпуса и последующей грамматической разметки:

Танцы устраивать.

Десять тысяч.

Летняя зима!

А Восьмого марта у всех женщин день рождения?

Где у тебя собачка железная со своим собачонком стеклянным?

Здесь поместится трёх зверей!

Ой! Ну, втолкни вот эту!

Верблюжье одеяло! Этим одеялом верблюда накрывают!

О! Подсвет! Рыбки на месте!

А железо не очень хрупкое, вообще не хрупкое!

2. Обработка материала.

На данном этапе осуществляется обработка материала с помощью программы AntConc, мультиплатформенного инструмента для проведения лингвистических исследований. Возможности программы включают в себя поиск контекстов конкретного слова, поиск кластеров и N-грамм по заданным условиям, подсчет количества словоупотреблений, представление лексем или словоформ в виде упорядоченного по частоте списка.

Важность этого функционала для грамматического исследования объясняется тем, что грамматические формы усваиваются детьми экземплярно, в виде конкретных словоформ. Частотные списки лексем

позволяют выявить те лексические единицы, которые могут служить как удобной основой для усвоения грамматического значения и механизма образования грамматической формы, так и те единицы, которые являются низко частотными, но вместе с тем могут выступать основными репрезентантами периферийных грамматических форм.

Текст, обработанный в программе AntConc, выводится в виде частотного списка словоформ, представленного в таблице 1:

Таблица 1

#Word Types: 47

#Word Tokens: 51

частотность	слово	частотность	слово	частотность	слово
2	а	1	женщин	1	поместится
2	не	1	зверей	1	рождения
2	у	1	здесь	1	рыбки
2	хрупкое	1	зима	1	своим
1	верблюда	1	летняя	1	со
1	верблюжье	1	марта	1	собачка
1	вообще	1	месте	1	собачонком
1	восьмого	1	на	1	стеклянным
1	вот	1	накрывают	1	танцы
1	всех	1	ну	1	тебя
1	втолкни	1	о	1	трёх
1	где	1	одеяло	1	тысяч
1	день	1	одеялом	1	устроить
1	десять	1	ой	1	этим
1	железная	1	очень	1	эту
1	железо	1	подсвет		

Программа подсчитывает количество слов (Word Types) и количество словоупотреблений (Word Tokens), но рассматривает разные словоформы одной лексемы как разные слова (одеяло и одеялом посчитаны как два

слова), таким образом, в представленном фрагменте 46, а не 47 лексем. Данная особенность программы была учтена на этапе количественной обработки материала.

3. Грамматическая разметка.

На этапе разметки происходит квалификация грамматических форм. Разметка выполняется автоматизировано с помощью программы MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>), которая проводит морфологический разбор всех единиц корпуса.

Фрагмент речи, размеченный программой MyStem. (Заменить примеры!)

Танцы {танец=S, муж, неод=(вин, мн|им, мн)}
устроить {строить?=V, несов=инф|строить?=V, несов=инф}.
Десять {десять=NUM=(вин|им)} тысяча {тысяча=S, жен, неод=род, мн}.
Летняя {летний=A=им, ед, полн, жен} зима {зима=S, жен, неод=им, ед}!
А {a=CONJ=} 8 марта {март=S, муж, неод=род, ед} у {y=PR=}
всех {весь=APRO=(пр, мн|род, мн|вин, мн, од)}
женщин {женщина=S, жен, од=(вин, мн|род, мн)}
день {день=S, муж, неод=(вин, ед|им, ед)}
рождения {рождение=S, сред, неод=(вин, мн|род, ед|им, мн)}?
Где {где=ADVPRO=} у {y=PR=} тебя {ты=SPRO, ед, 2-л=(вин|род)}
собачка {собачка=S, жен, од=им, ед} железная {железный=A=им, ед, полн, жен}
со {so=PR=} своим {свой=APRO=(дат, мн|твор, ед, муж|твор, ед, сред)}
собачонком {собачонок=S, муж, од=твор, ед}
стеклянным {стеклянный=A=(дат, мн, полн|твор, ед, полн, муж|твор, ед, полн, сред)}?
Здесь {здесь=ADVPRO=} поместится {помещаться=V, нп=непрош, ед, изъяв, 3-л, сов}
трёх {три=NUM=(пр|род|вин, од)} зверей {зверь=S, муж, од=(вин, мн|род, мн)}!
Ой {ой=INTJ=}! Ну {ну=PART=}, втолкни {вталкивать=V, пе=ед, пов, 2-л, сов} вот {вот=PART=} эту {этот=APRO=вин, ед, жен}!

Верблюжье {верблюжий=A,полн=(вин,ед,сред|им,ед,сред)}
 одеяло {одеяло=S,сред,неод=(вин,ед|им,ед)}!
 Этим {этот=APRO=(дат,мн|твор,ед,муж|твор,ед,сред)}
 одеялом {одеяло=S,сред,неод=твор,ед}
 верблюда {верблюду=S,муж,од=(вин,ед|род,ед)}
 накрывают {накрывать=V=непрош,мн,изъяв,3-л,несов,пе}!
 О {o=INTJ=}!   Подсвет {подсвет=S,муж,неод=(вин,ед|им,ед)}!
 Рыбки {рыбка=S,жен,од=(род,ед|им,мн)}   на {на=PR=}
 месте {место=S,сред,неод=пр,ед}!
 А {a=CONJ=}   железо {железо=S,сред,неод=(вин,ед|им,ед)}
 не {не=PART=}   очень {очень=ADV=}
 хрупкое {хрупкий=A=(вин,ед,полн,сред|им,ед,полн,сред)},
 вообще {вообще=ADV,вводн=}   не {не=PART=}
 хрупкое {хрупкий=A=(вин,ед,полн,сред|им,ед,полн,сред)}!

Полученные данные нужны для выделения грамматических закономерностей на определенном массиве текстов. Программа присваивает каждой словоформе грамматический тэг, из которого исследователь извлекает информацию для дальнейшей (на первом этапе – количественной) обработки.

4. Постобработка.

Первый этап постобработки технический, предполагающий снятие грамматической неоднозначности грамматических форм. Для омонимичных грамматических форм программа разметки дает варианты разбора, из которых исследователю необходимо выбрать верный.

Покажем это на примере словоформы «хрупкое», которая может быть квалифицирована как форма именительного или винительного падежа ед. ч. прилагательного   «хрупкий»   (хрупкое {хрупкий=A=(вин,ед,полн,сред|им,ед,полн,сред)}). Только обращение к контексту (А железо не очень хрупкое, вообще не хрупкое!) дает возможность снять омонимию форм: хрупкое {хрупкий=A=им,ед,полн,сред}.

Второй этап постобработки представляет большой интерес для исследователя. Детская речь, как известно, характеризуется значительным количеством инноваций, в первую очередь семантических и мотивационных:

Летняя зима!

А Восьмого марта у всех женщин день рождения?

Верблюжье одеяло! Этим одеялом верблюда накрывают!

Собственно грамматические инновации детской речи могут затруднять работу морфологического анализатора. Приведем пример: Хочу всё разбрОсить. Всё разбрОсил! Она вЫгружила, она вЫгружила... Нет, я растЮ! Такие инновации могут квалифицироваться верно: «разбросил» как глагольная форма совершенного вида (разбрОсил {разбрасывать=V=прош,ед,изъяв,муж,сов}), «разбросить» как инфинитив (разбрОсить {разбрасывать=V=инф,сов}). Квалификация может быть неверной: «выгружила» как глагольная форма несовершенного вида, а не совершенного вида, восстановление начальной формы вызывает у программы затруднение (вЫгружила {выгрузить?=V,несов,пе=прош,ед,изъяв,жен}). Форма может не распознаваться как глагольная и нуждаться в постпроверке (например, «растю» определяется не как глагол, а как потенциальное существительное «растя» (растЮ {растя?=S,имя,жен,од=вин,ед})).

Перед исследователем в таком случае стоит практическая цель: исправление погрешностей работы программы, квалификация грамматических форм вручную. Однако интерес представляет и возможность провести анализ таких форм. *Составление списков грамматических форм, отклоняющихся от нормы, т.е. выделение из текста грамматических инноваций автоматизированным способом само по себе может послужить основанием для отдельного исследования механизмов усвоения грамматических форм, материальных показателей, способов формообразования.*

5. Представление материала в удобном для дальнейших исследований виде.

Один из таких вариантов представления данных приведен в таблице 2

Таблица 2

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки
2	а	а	PART	
2	не	не	PART	
2	у	у	PR	
2	хрупкое	хрупкий	A	им,ед,полн,сред
1	верблюда	верблюду	S	муж,од=вин,ед
1	верблюжье	верблюжий	A	полн=им,ед,сред
1	вообще	вообще	ADV	вводн
1	восьмого	восьмой	ANUM	род,ед,муж
1	вот	вот	PART	
1	всех	все	SPRO	мн=род
1	втолкни	втолкивать	V	пе=ед,пов,2-л,сов
1	где	где	ADVPRO	
1	день	день	S	муж,неод=им,ед
1	десять	десять	NUM	им
1	железная	железный	A	им,ед,полн,жен
1	железо	железо	S	сред,неод=им,ед
1	женщин	женщина	S	жен,од=род,мн
1	зверей	зверь	S	муж,од=вин,мн
1	здесь	здесь	ADVPRO	
1	зима	зима	S	жен,неод=им,ед
1	летняя	летний	A	им,ед,полн,жен
1	марта	март	S	муж,неод=род,ед
1	месте	место	S	сред,неод=пр,ед
1	на	на	PR	
1	накрывают	накрывать	V	непрош,мн,изъяв,3-л,несов,пе
1	ну	ну	PART	
1	о	о	INTJ	
1	одеяло	одеяло	S	сред,неод=им,ед
1	одеялом	одеяло	S	сред,неод=твор,ед
1	ой	ой	INTJ	
1	очень	очень	ADV	
1	подсвет	подсвет	S	муж,неод=им,ед
1	поместится	помещаться	V	нп=непрош,ед,изъяв,3-л,сов
1	рождения	рождение	S	сред,неод=род,ед

1	рыбки	рыбка	S	жен,од=им,мн
1	своим	свой	APRO	твор,ед,муж
1	со	со	PR	
1	собачка	собачка	S	жен,од=им,ед
1	собачонком	собачонок	S	муж,од=твор,ед
1	стеклянным	стеклянный	A	твор,ед,полн,муж

В таблице 2 представлена следующая информация:

- частотность - частота появления конкретной словоформы в речи;
- словоформа - конкретное вхождение в корпус (как конкретная грамматическая форма, так и неизменяемое слово);
- лексема - множество словоформ, объединенное общим значением.

Представлены следующие части речи:

- A - прилагательное;
- ADV - наречие;
- ADVPRO - местоименное наречие;
- ANUM - числительное-прилагательное;
- APRO - местоимение-прилагательное;
- CONJ- союз;
- INTJ - междометие;
- NUM - числительное;
- PART - частица;
- PR - предлог;
- S - существительное;
- SPRO - местоимение-существительное;
- V - глагол.

В колонке «Грамматические признаки» указываются морфологические характеристики лексемы или словоформы:

- наст - настоящее время;
- непрош - непрошедшее время;
- прош - прошедшее время;

- им - именительный падеж;
- род - родительный падеж;
- дат - дательный падеж;
- вин - винительный падеж;
- твор - творительный падеж;
- пр - предложный падеж;
- ед - единственное число;
- мн - множественное число;
- деепр - деепричастие;
- инф - инфинитив;
- прич - причастие;
- изъяв - изъявительное наклонение;
- пов - повелительное наклонение;
- кр - краткая форма прилагательного;
- полн - полная форма прилагательного;
- притяж - притяжательные прилагательные;
- прев - превосходная степень;
- срав - сравнительная степень;
- 1-л - 1-е лицо глагола;
- 2-л - 2-е лицо глагола;
- 3-л - 3-е лицо глагола;
- муж - мужской род;
- жен - женский род;
- сред - средний род;
- несов - несовершенный вид;
- сов - совершенный вид;
- действ - действительный залог;
- страд - страдательный залог;
- од - одушевленное существительное;
- неод - неодушевленное существительное;

- пе - переходный глагол;
- нп - непереходный глагол.

В результате нашей работы получены шесть подкорпусов (различные по субъекту и возрасту) в составе единого корпуса с грамматической разметкой, снятой грамматической омонимией, проставленной частотой словоупотреблений, возможностью моделирования грамматического профиля ребенка. Грамматический профиль (распределение форм словоизменения) описывает «поведение» отдельных лексем в корпусе русского языка [Ляшевская 2014: 7; Норман, Мухин 2018: 189]. Мы вслед за А.Н. Корневым [Корнев, Балчюниене, Воейкова и др. 2016] используем данный подход для характеристики возрастных срезов корпуса детской речи, понимая под ним частотное распределение грамматических форм в высказывания ребенка определенного возраста в типовых коммуникативных ситуациях.

Общий размер корпуса составляет более 56 400 словоупотреблений (СУ), около 7 000 различных лексем. В таблице 3 представлен размер лексикона двух детей в возрасте от двух до пяти лет.

Таблица 3

Возраст	Лев	Женя
От 2 до 3 лет	8418 СУ/ 1585 лексем	2557 СУ/ 860 лексем
От 3 до 4 лет	12243 СУ/ 2588 лексем	8748 СУ/ 1939 лексем
От 4 до 5 лет	13340 СУ/ 2866 лексем	11255 СУ/ 2231 лексема

Выводы

1. Обращение к постулатам ассоциативной грамматики как модели языка, которая описывает его не только как систему, но и как лингвистическую компетенцию говорящего, оказалось продуктивным для разработки модели актуального грамматикона языковой личности. На основе данных детской речи нами подтверждена идея относительно того, что в АВС носителей языка ассоциативная грамматика (грамматикон) представлена в

виде конкретных словоформ, то есть лексикализованных диссипированных грамматических форм, в виде образцов и экземпляров.

2. В рамках нашего исследования подтверждена мысль о том, что ребенок, получая в инпуте неразделенное грамматическое и лексическое содержание, сам проводит обработку материала, выделяет грамматические закономерности, категоризирует лексемы. Лексикализованность грамматики, которую воспринимает ребенок, ее «привязанность» к конкретным словоформам, позволяет говорить о построении в сознании ребенка собственной ассоциативной грамматики на каждом этапе онтогенетического развития.

3. Рассмотрение ГФ в качестве базовой единицы динамического хранения грамматического знания стало значимым для моделирования актуального грамматикона языковой личности с использованием комплекса таких единиц, являющихся основой речевой деятельности говорящего.

4. В фокусе внимания находится последовательность усвоения ГФ внутри грамматических категорий падежа и числа существительного, лица и числа глагола как основных структурных элементов высказывания. Соединяя теоретически значимые постулаты онтолингвистики и ассоциативной грамматики, нами предложен подход к моделированию актуального грамматикона, который учитывает соотношение когнитивных и лингвистических механизмов становления и развития языковой личности. При этом учитывается динамический характер языковой способности, ее сложная природа, соответственно актуальность тех или иных грамматических форм меняется на разных этапах онтогенеза и зависит от характера речевой деятельности. На материале корпусной обработки записей речи двух братьев-сиблингов были выявлены ГФ, обладающие разным частотным статусом в их актуальном грамматиконе. На начальном этапе речевого развития востребованы формы именительного и винительного падежей ед. ч. и мн. ч. существительных, формы изъявительного наклонения 1-го и 3-го лица ед. ч. и 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения глаголов,

формы м. р. и ж. р. прилагательных. Неактуальны для ребенка на этапе развития от двух до пяти лет формы 2-го лица мн. ч. глаголов, редко используемые формы среднего рода прилагательных.

5. Генетически первичные грамматические формы, усваиваемые ребенком, остаются наиболее частотными на дальнейших этапах речевого развития, несут на себе основную речевую нагрузку, составляя ядро языковой системы, конструируемой ребенком, составляют основу актуального грамматикона русской языковой личности.

6. Разработанный корпус детской речи с грамматической разметкой является эффективным инструментом моделирования актуального грамматикона, так как позволит далее:

- представить массив высказываний монологической и диалогической речи детей на этапе раннего и дошкольного онтогенеза (с двух до пяти лет);

- выявить частотное распределение грамматических форм в высказывания ребенка определенного возраста в типовых коммуникативных ситуациях;

- сопоставить грамматический профиль (распределение форм словоизменения) старшего и младшего брата в определенном возрасте.

ГЛАВА 2. Моделирование актуального грамматикона языковой личности на материале детской речи: корпусные данные

Нашей целью на этом этапе является моделирование актуального грамматикона ребенка, в опоре на постулаты ассоциативной грамматики и данные корпусных исследований детской речи. В АВС носителей языка ассоциативная грамматика представлена в виде конкретных словоформ, то есть лексикализованных диссипированных грамматических форм, в виде образцов и экземпляров (подробнее см. выше), что позволяет смоделировать процесс формирования грамматикона, обращаясь к данным детской речи, в частности, к данным о частотности грамматических форм и конкретных словоформ.

Актуальный грамматикон, в том числе актуальный грамматикон детской речи, можно оценивать с помощью трех параметров (аспектов): семантического, структурного и функционального (функционально-синтаксического). Отталкиваясь от концепции ассоциативной грамматики Ю.Н. Караулова, мы можем обозначить в качестве основной функции актуального грамматикона обеспечение предречевой готовности, т.е. обеспечение легкого спонтанного речепорождения, покрывающего большую часть коммуникативных интенций конкретного носителя языка.

Направление исследования предполагает движение от описания общего грамматикона, который рассматривается как весь зафиксированный набор ГФ в речи ребенка, отмечая, что грамматикон не исчерпывается только зафиксированными формами, - к описанию актуального грамматикона. Постепенно все услышанные, освоенные и воспроизведенные грамматические формы, становятся достоянием внутреннего грамматикона ребенка, той основой, которую усваивает ребенок, на которой он развивает и отрабатывает свою грамматическую способность. Зафиксировав и

проанализировав речевой продукт ребенка определенного возраста, грамматический и лексический состав его высказываний, можно выделить те СФ, которые составляют ядро актуального грамматикона, составляя базу речевой деятельности, обеспечивая максимальную предречевую готовность.

2.1. Первый этап формирования актуального грамматикона ребенка в возрасте от двух до трех лет

Функциональный параметр соотносится с задачами речевого, коммуникативного и когнитивного развития на этом этапе онтогенеза. Основные коммуникативные потребности ребенка 2-3 лет реализуются в общении с родителями и ближайшими родственниками, включают в себя привлечение внимания и простые ответные реакции. Осваивается пространство комнаты и дома, хронотоп детского дня: приемы пищи, игры, прогулки, сон.

Ребенок растет, развивается, у него возникает потребность в отражении в речи все более усложняющихся ситуаций. Начинается поиск необходимых для этого языковых средств. Поэтому в последней трети второго года жизни или несколько позднее начинается формирование субстантивной и глагольной парадигматики.

Сначала систематизируются разрозненные словоформы, усвоенные из речевого инпута и относящиеся к разным лексемам. Затем ребенок начинает искать связи между этими словами и их формами, а затем осознавать и правила употребления той или иной формы. «На очереди – необходимость осознания связывающих их (словоформы) системных отношений, учитывающих их как содержательную, так и формальную сторону, формирование субстантивной, глагольной, а следом за ними – и адъективной парадигмы в отвлечении от их лексического наполнения, создание на этой основе правил перехода от одной словоформы к другой в процессе речевой деятельности» [Цейтлин 2009: 74]. Как уже упоминалось выше, под

созданием или осознанием существования правил понимается не их формулирование, а «устойчивая реализация повторяющихся, аналогических, но всегда конкретно-лексических конструкций» в речи.

Это период, когда происходит усвоение грамматической структуры предложения: формируются и усваиваются первые формы слов, для выражения синтаксических отношений начинают использоваться флексии и первые служебные слова.

Аналізу подвергаются высказывания двух детей за определенный возрастной период (в дальнейшем все примеры детских высказываний приводятся по [Харченко 2012]). Старший брат (Лев) и младший брат (Женя) с разницей в возрасте в два года, воспитываются в одной семье. Младший на протяжении своего речевого развития имеет сиблинга (старшего брата), что позволяет наблюдать вариативность речевого онтогенеза (см. об этом подробнее у [Доброва 2013]).

Определяя ядро грамматикона (его грамматическую и лексическую составляющую), покрывающего максимум коммуникативных потребностей, будем руководствоваться критерием частотности и востребованности ГФ в разных речевых ситуациях.

Анализ высказываний старшего брата (Лев) в возрасте от двух до трех лет позволяет выделить части речи и грамматические формы этого периода. Грамматический подкорпус представлен в Приложении 1.

Как можем видеть, в речи ребенка к трем годам представлены (но не очевидно, что усвоены) все части речи. Самые частотные части речи – это глагол и существительное (по 23%). Существительные конкретные, называющие самого ребенка, родственников, предметы одежды и обихода, игрушки и транспорт, явления природы; глаголы – разные форма глагола *быть*, глаголы волеизъявления, глаголы движения и глаголы, называющие простые бытовые действия: *есть, пить, играть, гулять*. Местоимение (17%), преимущественно личные местоимения в разных падежно-числовых формах. Частицы (9%) – утвердительные и отрицательные, простые предлоги (7%) в

основном пространственной организации и наречия (5%). **Функции этих грамматических средств лексикализованны и синтаксически диффузны** (см. примеры далее). В совокупности эти части речи составляют около 85% всего частеречного состава этого подкорпуса. Оставшиеся 15% приходятся на прилагательные, местоименные прилагательные и наречия, союзы, междометия и числительные (подробнее можно увидеть в приложении 1).

По данным исследователей детской речи [Цейтлин 2009: 77] первыми грамматическими формами существительных являются формы им. п. ед. ч. и мн. ч. с окончаниями -ы, -и (**Машина поехала и приехала!**; **Большая поехала машина.**; **А это какая машина называется?**; **Вот так надо строить дом, чтобы машина от дождя не пропала. Закрывли калитку, чтобы машины туда не поезжали. Нас машины не задавят!**). Формы винительного падежа с окончанием -у (**Сейчас мы ему построим повыше машину. Мальчик играет в машину**), иногда появляются формы родительного падежа с окончанием -ы (**Нет ни машины! Пошли из машины! Пусть она будет без машины!**). **Важным представляется тот факт, что эти же генетически ранние формы по данным смоделированного нами корпуса приведенные выше варианты окончаний в соответствующих падежах оказываются самыми частотными в этих грамматических формах.**

Оппозиция им. п. ед. ч. – вин. п. ед. ч. используется в качестве основной для выражения отношений «Субъект – действие – объект»: **Мама шапкой поймала бабочку. Машина привезла продукты. Как мама чистит зубы. Баба помыла плитку, а она опять грязная! Медведь обнимает Левку.** Осознание этой оппозиции представлено, в частности, в фактах метаязыковой рефлексии ребенка над формами винительного падежа одушевленных и неодушевленных существительных с нулевым окончанием: **Я видел самолёта! Я видел самолёт... самолёта... Лишайник тебе баба может сорвать.**

Подтверждается и формирование оппозиции числа в первую очередь в рамках именительного падежа. Падежно-числовая парадигма существительного представлена в таблице 4:

Таблица 4

Падежные формы существительного старшего ребенка в возрасте 2-3 лет
(в порядке убывания частотности)

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	810	42,45	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	99	5,2
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	454	23,8	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	58	3,0
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	157	8,2	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	9	0,5
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	101	5,3	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	21	1,1
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	90	4,7	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	58	3,0
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	19	1,0	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	7	0,4

Именительный, винительный, предложный, творительный, родительный падеж ед. ч. и именительный падеж мн. ч. совокупно покрывают 90% словоформ существительных. Формы мн. ч. появляются реже форм ед. ч. того же падежа, вероятно, ввиду меньшей востребованности форм мн. ч. в языке, возможности «легкого» для ребенка конструирования форм мн. ч. от форм единственного путем прибавления к основе частотных окончаний -и/ы или -ов в именительном и винительном падеже мн. ч.

Наименее востребованным оказывается дательный падеж, возможно, из-за своей прототипической функции называния адресата действия, которая не является актуальной в том наборе коммуникативных ситуаций, которые свойственны данному возрасту. См. в этой связи дискуссию Л.С. Выготского и Ж. Пиаже о природе эгоцентрической речи ребенка [Выготский 1934: 281-

287]. Данные грамматические формы активизируются преимущественно в игровой ситуации: собственные действия или действия субъектов игры проговариваются, сопровождая движения людей, предметов окружающего мира, игрушек.

Субъект-действие-адресат или получатель действия, носитель свойства;
Я машине строю гараж. Я буду жуку показать машины! Я льву Африку построил! Вот она к Лёвчику поползла! – К Лёвчику поползла! – К своим! Родителям! И пошёл к древнему человеку! Я тебя научил английскому языку.

Пространственная организация: *А лошади не развозятся (детей) по домам... Ты залезай по машине. Ползает туда-сюда по дивану, покрытому зелёным покрывалом: Я ползаю по поезду. Пошли по поезду! Что я по ней босиком хожу по полу? – Ба-бам! Я не попал по голубю, а попал по бабе!*

В этот период усваивается ядро системы глагольного наклонения (таблица 5), то есть противопоставленность повелительного и изъявительного наклонений, существующих на фоне инфинитива.

Таблица 5

Частота употребления глагольных форм старшим ребенком в возрасте 2-3 лет
 (в порядке убывания частотности)

Наклонение	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Изъявительное наклонение	1363	70,2
Инфинитив	308	15,9
Повелительное наклонение	187	9,6

Показателем освоения категории наклонения можно считать правильное (соответствующее грамматическому значению формы и контексту ситуации) употребление ребенком одной и той же лексемы в разных наклонениях (в изъявительном, повелительном) и инфинитиве: *Сейчас я бегу в магазин за морковкой – хватать! Надо быстрее бежать, тогда её поймаешь! – Там бежит газ и сюда западает.*

Мёртвого не боимся мы, а живого боимся. Фрекен Бок! Она боится привидений! А это оказался просто Карлсон! А заяц боится! А медведь говорит: «Я тебя не съем, не бойся, не бойся».

Бросайте на пол! Бросала! Мяч вот так бросают.– Пошли все вместе (вдвоём) бросим (палку в лужу).

Вон машина везёт какой огромный теремок Лошадь задом везёт! – Машина! Меня когда-то везли на такой! (Играет:) Приделали вагон. Ба-бах! Это электровоз будет везти. Везут!

При этом глаголы в повелительном наклонении обычно не появляются в изъявительном, за редким исключением, и наоборот, но оппозиция инфинитив – повелительное, инфинитив – изъявительное формируется. То есть категории сначала формируются как семантические оппозиции, из которых в дальнейшем собираются грамматические парадигмы. Грамматическое значение опережает грамматическую форму в рамках единой парадигмы, а усвоение функции грамматической формы изъявительного (для ребенка действие не просто реальное, но происходящее здесь и сейчас или отнесенное к ближайшему прошлому/будущему) или повелительного наклонения (желаемое, требуемое ребенком действие) на основе оппозиции инфинитиву делает возможным усвоение основного значения наклонения без формирования полной парадигмы конкретного глагола, что соотносится с устройством ассоциативной парадигмы, диссипированной и лексикализованной, собирающейся из экземплярных, аналогичных форм.

Уж не умеет говорить. Что там говорит? – О людях так не говорят! Себе она говорила. Я был маленький и говорил: мама прогоняет абу. – Ты так удивлена говоришь.

Мы с жуком гуляем! На этих я поеду гулять! А ещё я люблю ходить гулять в троллейбусе... С козлом мы пойдём гулять. С козлом... гулять...

Играет: *Он завёлся и едет. На колесе пусть едет! Она (львица) куда-то едет.* Рассаживает зверюшек в кабине самосвала: *Пусть они вот так едут! Вот так они едут пусть! Я еду на поезде, на зелёном. Она (мышка) будет ехать на синем вагоне, а бегемот на жёлтом будет ехать вагоне.*

Формы прошедшего времени (45%) противопоставлены формам настоящего и будущего времени (совокупно 55%) изъявительного наклонения. Оппозиция формируется на формах одной лексемы довольно рано. Возможно, в силу перцептивной “выпуклости” форм прошедшего времени, исторически происходящих из элевого причастия, то есть образованных по одной модели и легко опознаваемых.

Рассмотрим формирование этой оппозиции на примере форм одной лексемы (*поймать*).

О произошедшем только что событии или событии, случившемся некоторое время назад, но недавно:

– *Вместо бабочки траву поймал.*

– *Я вчера поймал бабочку. Я отпустил в небо.*

О результате действия в текущей ситуации:

Я поймал вторую бабочку. Ая! Не поймал! Я поймал шмилку! Я поймал себя за нос! Я камня поймал! Я его поймал! Я тут рыбу поймал. – Не можно поймать! Мама шапкой поймала бабочку!

О результате действия в ближайшем будущем: *Тогда она поймаётся! Надо быстрее бежать, тогда её поймаешь! Мы сейчас его поймаем: ая, ая!*

Заметим, что, хотя первыми усваиваются такие грамматические формы глаголов, как повелительное наклонение 2-го лица ед. ч. (*Не съедай! Отдай меня маме! Иди там!*) и формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени (*Мама не может достать сама. И папа не может достать сам. Собака лает. Сейчас укусит.... Там бежит газ и сюда западает*), к концу рассматриваемого периода соотношение личных форм глагола выглядит иначе (таблица 6).

Частота употребления личных форм глагола старшим ребенком в возрасте 2-3 лет

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	192	24,0	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	59	7,2
2-лицо (V,indic,praes,2p)	53	7,2	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	5	0,4
3-лицо (V,indic,praes,3p)	364	44,2	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	133	17,0

Самыми частотными оказываются формы 3-его и 1-го лица ед. ч., затем 3-го и 1-го лица мн. ч. и 2-го лица ед. ч., единичными экземплярами представлены формы 2-го лица мн. ч.

Я здесь не живу! Здесь я не живу! Я танцую, как вода поёт. Я поднимаюсь... Здесь мы обойдём...

(Играет). Зверям говорит от лица водителя: **Садитесь**, а я вас буду ждать. Говорит зебре и верблюду, показывая на аквариум: **Смотрите сома**, как сом большой выплывает, и скажете: «Привет, сом!».

(Играет с мелкими зверюшками, катает их на машинах). *И мы тоже ходим! И тебя туда посадим! Подвиньтесь! Подвиньтесь, он сядет. Всё... Подожди... Вот едут. Нас машины не задавят! ... Вот они едут на машине. <...> Подвиньтесь, звери, немножко... Подвинетесь – и не подвинетесь* (трижды повторяет). *Подвинься, лошадь* (нежно говорит). *Верблюда мы ещё в машину. Все едут на машине... Все... Пусть слон сядет в машину. Не помещается. Подожди* (обращается к машине), *не едь, стой! Подвинься! Вы подвинетесь или не подвинетесь?*

Отметим, что формы 2 л. мн. ч. – это в большинстве своем формы повелительного наклонения: **подвиньтесь, садитесь, смотрите**, которые используются преимущественно в игровой коммуникации, в разыгрывании диалогов с множественными субъектами действия. В этой же игровой коммуникации возникает форма 2 л. мн. ч. изъявительного наклонения, называющая ближайшие действия игрушек: *Подвиньтесь, звери, немножко... Подвинетесь – и не подвинетесь* (трижды повторяет). *Вы подвинетесь или не подвинетесь?*

Род как согласовательный класс устанавливается к концу рассматриваемого периода, если в высказываниях ребенка есть примеры трех родовых форм одного прилагательного: – *Едет автобус зелёный. Не красный.* О надетой зелёной рубашке: *В зелёной рубашке надо идти на зелёный свет!* Показываю открытку с видом Крыма: В Евпатории такое же море, Чёрное? – *Зелёное!* Такого рода примеры свидетельствуют о том, что словоизменительная парадигма рода прилагательного данным ребенком уже освоена.

Частота употребления родовых и числовых форм прилагательных представлена в таблице 7.

Таблица 7

Частота употребления форм прилагательных

Лексико-грамматический класс	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Мужской род	148	47,6
Женский род	87	28,0
Средний род	16	5,1
Множественное число	60	19,3

Чаще всего в речи появляются актуальные для ребенка размерные (большой – маленький) и цветовые обозначения:

Смотрим фотографии евпаторийские: Это ты с папой сидишь! – *И с мячем!* – *Красное (море) далеко, за границей!* – А ты, если будешь речку рисовать, то каким цветом? – *Речка должна синяя!* – А дерево? – *Белое!* – А небо? – *Белое!* – А домик? – *Красный!*

Играет: Это у меня сладкое варенье!

А ты хоть после ужина съела сладкое?

Основная оппозиция мужской – женский род, прилагательных среднего рода мало, и появление этих форм инициировано взрослыми собеседниками. Прилагательных не так много (4%) в общем частеречном наборе, и они востребованы как постоянные идентифицирующие признаки определенных предметов: любимых вещей, знакомых людей и т.п., что можно увидеть на примере частотного прилагательного *большой*:

– *Машина. Меня на таком возили, на **большой!***

– *Он такой... он был **большой** самолёт. Как петух он был.*

– *И там будет поезд. – Настоящий! – **Большой!***

– *Самосвал **большой. Большой.** О крокодиле: **Большой** не поместится в маленький корабль, ему нужен длинный корабль. О заасфальтированном возвышении подвала: Я буду заползать на **большой** камень.*

– *Вот я уже **большой.** А мне сколько... (задумался) годов?*

*Говорит зебре и верблюду, показывая на аквариум: Смотрите сома, как сом **большой** выплывает, и скажете: «Привет, сом!»*

*Это **большая** рыба. Это для **больших** деток!*

*О грузовике-фургоне у магазина: Машина **большая.** Она умеет ездить.*

– *Собака! Она **большая!***

Как видим, отмеченные на основе полученных нами данных закономерности, соотносятся с данными исследователей детской речи [Гвоздев 2007, Цейтлин 2009]. Ребенок овладевает основами формообразования изменяемых частей речи, первичные оппозиции усваиваются, постепенно начинают формироваться парадигмы отдельных лексем и, что важнее, ассоциативные парадигмы, как образцы будущего формоизменения.

Служебные слова также представлены в речи ребенка этого периода. В основном это сочинительный союз *и* (63%) и противительный *а* (28%), соединяющие однородные члены (чаще всего сказуемые) в составе простого предложения и простые в составе сочинительного сложного, что соотносится с первичным синтаксисом этого периода. Речь идет о фактах, свойствах и действиях непосредственно относящихся к ребенку здесь и сейчас.

*Я **тёплый!** Я нагрелся **и** высох. – Сейчас я надену простыню **и** буду пугать бандитов. – Сядем в беседке **и** будем играть. – Нет ночи **и** Лев не сонный!*

Это у меня будет котлета (мел в пасочке), а это у меня будет капуста.

Сейчас она прилетит, а я её сачком... Сейчас она прилетит, а я её сачком буду бить. Сейчас комар полетит, а я его рукой махну! Да он был цвета серого, а на хвосте немножко беленького.

Предлоги *на, в, у* (совокупно 68%), *с, из, за, по, к* (совокупно 28%). Предлог *на* усваивается в своем пространственном значении: *Я на боку. Я буду заползть на большой камень. Пчёлка нарисована! На куске занавески, на бумажке, на домике! Она села на землю;* благодаря своей широкой сочетаемости и частотности предлог *на* иногда замещает другие предлоги в пространственном значении: *Они едут в поезд на вокзале. Я сажусь на пятый... на второй вагон;* однако правильное его использование усваивается старшим братом (Лев) рано, частых ошибок в его употреблении он не допускает.

Предлог *в* также частотен в своем пространственном значении: *Я приплыл в Африку! В Белгород привезла. Сядем в беседке и будем играть. Я прямо наступил в грязь. Все в доме! Я занят, потому что играю в бегемота! Они в восемь вечера начинают летать.*

Предлог *у* осваивается в своей притяжательной функции: *А у апельсина есть такая пленка, её едят. Это у волка рыцарский костюм. А у комара нос длинный, как у Буратино! У машины мотор.*

Остальные предлоги (*с, из, за, по, к*) не только менее частотны, но и не выступают в речи ребенка в каком-то одном основном значении: например, предлог *с* выражает как пространственные отношения, так и отношения совместности, и отношения наличия чего-либо (*Уходите с дороги! Мы с жуком гуляем! Это у меня мешок с грибами*).

Таким образом, в грамматиконе ребенка в этот возрастной период представлены как самостоятельные части речи (существительные, прилагательные глаголы, за исключением деепричастий и причастий, во всех

грамматических формах в основных функциях), так и служебные части речи в основных функциях.

Анализ высказываний младшего брата (Женя) в возрасте от двух до трех лет также позволяет выделить части речи и грамматические формы этого периода. Речевое развитие младшего брата проходит под влиянием старшего брата. Грамматический подкорпус речи младшего брата представлен в Приложении 2.

Самые частотные части речи – это глагол (24%) и существительное (21%), местоимение (20%), далее так же, как у старшего ребенка, идут частицы (12%) и наречия (7%). В совокупности эти части речи составляют 83% всего частеречного состава этого подкорпуса. Оставшиеся 17% приходятся на предлоги, прилагательные, местоименные прилагательные и наречия, союзы, междометия и единичные экземпляры числительных (подробнее можно увидеть в приложении 2). Можем увидеть, что разница между частеречными наборами младшего и старшего ребенка (таблица 8) для большинства частей речи составляет 1,5-2%, притом, что объем зафиксированного речевого материала старшего ребенка в три раза больше чем у младшего (8418 против 2557 словоупотреблений). Этот факт подтверждает операциональность предложенного нами алгоритма построения модели, которая на разном количестве данных дает сопоставимые результаты.

Таблица 8

Состав частей речи старшего и младшего ребенка в возрасте 2-3 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений старшего ребенка	Процент	Количество словоупотреблений младшего ребенка	Процент
V	1941	23,1	613	24,0
S	1905	22,6	534	20,9
SPRO	1459	17,3	511	20,0
PART	760	9,0	295	11,5
ADV	452	5,4	172	6,7
PR	593	7,0	113	4,4
ADVPRO	332	3,9	104	4,1
A	311	3,7	89	3,5

APRO	219	2,6	63	2,5
CONJ	263	3,1	39	1,5
INTJ	150	1,8	12	0,5
NUM	17	0,2	8	0,3
ANUM	8	0,1	3	0,1

Обращает на себя внимание соотношение местоимений, частиц и предлогов в грамматиконе старшего и младшего ребенка. У Льва представлены все личные местоимения в разнообразных падежно-числовых формах, у Жени также представлены все личные местоимения, но в основном в начальной форме. Наибольшее разнообразие форм дают местоимения *я* и *ты*: *Всё-всё! Я вставаю! Я прожеваю* (прожую сначала). *Я не знал, что моя комната уходит в эту. Я не замёрзнувший! Меня Лёва покушал! Холодные у меня ноги. Мне мешает. Это принтер мне дал! Пап! Как же ты не видишь! Баб, а как ты так видно спрятала? Пока ты никуда уходишь, баба? Ты хочешь играть? Лев, ты меня замучил! Не больно тебе? Тебе не туго? Я пришёл к тебе. Тебя подстрИгти? Я тебя не замучил, я просто с тобой хочу поиграться. А лягушков у тебя есть?*

У Жени процент местоимений выше, чем у старшего брата (20% против 17%), при сохранении их разнообразия. Возможно, это связано с ярко выраженной коммуникативностью данного ребенка, наличием у него постоянного собеседника-сiblingа, экспрессивной стратегией освоения языка в целом. Об этой же коммуникативной открытости может свидетельствовать и большее число частиц (*а, да, нет, вот*), которые служат коммуникативными опорами в диалогах: *Да это ещё машина с мамино детства лежит! Да, могу долго-долго играть. Нет, на юг! Ещё нет! Нет! Вот летят и вот они вниз ныряют. Вот Новый год! Вот она ты!*

Обращает на себя внимание использование начинательного союза *а* в качестве коммуникативного «импульса» в ситуациях, характерных для эгоцентрической и диалогической речи ребенка:

- уточнение: *А как правильно: выплыли или выплыли?;*

– вопрос: *А ты ходишь в школу? А это карта? А больше есть оранжевые? А где камешки? А я тебя не укусил хоть?;*

– рефлексия: *А вот красный. Как светофор красный. А почему это так называется Луна?;*

– утверждение: *А я ротом! А пока она не гудит. А там нет акул. А я умею всему научиться!*

Служебные слова представлены в речи младшего брата союзами, преимущественно сочинительным *и* (62%): *Лифт такой жёлтый и серый. Я буду бегать и свалюсь! Перепутала штаны и колготки! Это ужик. Он не ядовитый и не умеет задушивать.*

Отметим различие в процентном соотношении предлогов: 7% у старшего ребенка и 4% у младшего. Самые частотные *на, в, у, с*: *Мы сейчас на дачу будем ехать. Покачай на качелях. А почему Луна на небе! Они на мусорной машине. Они плавают на луже. Ты был в Москве? Я в Сосновке травой оцарапался. Он попал в краску! В рот. Я приеду в четверг...когда будет сегодня! А ты ходишь в школу? У меня много игрушек! У меня пальчик промок! У нас таких камней нет! Зачем у трактора мелкие колёса, баб? Я с Лёвчиком буду не дружить! Я с бабой Верой гулял. Я, наверное, люблю с сахаром! Баб, а с большой горки я буду ехать! Я хочу с турника прыгать.*

Вероятно, эти различия не влияют на общую функциональность каждой из систем, работоспособность которой обеспечивается в диапазоне от 4% до 7 %, но делают видимыми различия между референциальной стратегией усвоения языка, свойственной старшему ребенку, и экспрессивной, характерной для младшего. Для старшего ребенка персональная стратегия освоения языка связана с установлением и проговариванием логических связей, разнообразию падежных форм и дифференциации их значений, которая происходит в том числе с помощью предлогов. Это видно по набору самих предлогов: 21 у старшего ребенка и 12 у младшего. Самые частотные (*на, у, в, с, за*) у них совпадают, но у старшего

ребенка также частотными оказываются (*из, от, под, к, для*), дополнительно появляются и такие варианты, как *возле, между, через, и вместо*.

Падежно-числовая парадигма существительного представлена в таблице 9, как и у старшего брата, оппозиция форм им. п. ед. ч. и вин. п. ед. ч., составляет основу формирующейся предложно-падежной парадигмы.

Таблица 9

Частота употребления падежных форм существительных
(в порядке убывания частотности)

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	261	48,9	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	35	6,5
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	97	18,2	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	13	2,4
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	32	6,0	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	21	3,9
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	29	5,4	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	5	0,9
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	14	2,6	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	2	0,4
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	9	1,7	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	2	0,4

Формы именительного падежа ед. и мн. ч., родительного падежа ед. ч., творительного падежа ед. ч. совокупно покрывают 83% словоформ существительных. Формы предложного падежа ед. ч. и формы дательного падежа ед. ч. мало востребованы. Вероятно, их малая востребованность замедляет усвоение предлогов, употребляющихся с предложным падежом в функции местоположения в пространстве: *Баб, идёт медведь по городе. По коридоре я нашёл. Они плавают на луже. Чтоб вы рисовали на шкафе. Ты был в Москве? А я думал: в командировке! На столе они не рисуются. На столе они плохо видны. А я не упаду, на стуле на таком каждый раз? Они на мусорной машине. Играли на скрипке! Я сейчас полежу, потом принесу*

из той комнаты кубики сыну! Я папе даю подарок. Шла баба по лесу и увидела чернильницу! Шёл Чебурашка по лесу и увидел там индюка.

Парадигма числа формируется в первую очередь на основе числовых оппозиций именительного, винительного и родительного падежа: *Баб, я и ноги умыл. Ты мне задушила на ногу. Машины поедят. Оказывается, что они такие, машин... машины балуются! Машина хочет поднять самолёта. Все машины ездят. Тропинку, где машины едут. Эта машина приехала от пожара, с пожара! А я не успел догадаться, где, машина! Эта машина гудит.*

Ядро системы глагольного наклонения организовано также как у старшего брата. Преобладают глаголы в изъявительном наклонении (75%), инфинитивов (13%) и повелительного наклонения (12%) примерно поровну. *Лёвка весь бегаёт! Я буду бегать и свалюсь! Глазока, помнишь, я говорил глазока? Надо всё как мозг говорит. Просьба не говорить это. Не говори бабе Наташе. Баб, дай людЕв! Дай я поплету немного! Я нарисовал паутину и дай мне пустой листочек. Я сам дАю. Я папе даю подарок. Он мне ничего не даёт. Ты хочешь играть? Я хочу, играть! А если громко играть? Баб, ты однОм пальцем играешь! Баб, мы смотрели музыкантов. Играли на скрипке!*

Как и у старшего брата, сначала в речи ребенка появляются оппозиция инфинитив – повелительное, инфинитив – изъявительное наклонение, при большем разнообразии их функций (ср. *просьба не говорить – не говори*, конструкция с инфинитивом, вероятно, «заимствованная» из речи взрослых, выступает как синонимичная форме повелительного наклонения).

Формы прошедшего времени (37%) противопоставлены формам настоящего и будущего времени (совокупно 63%) изъявительного наклонения, что хорошо видно на примере частотных глаголов, появляющихся в речи ребенка в различных формах, например, *быть, знать, идти, играть: Да, ты была маленькая когда-то... Где это было? Нигде это было! Самки были быстрые! Ты был в Москве? Раньше было много... церковь. Пианино было. Я буду дядя Денис с трусами! А я знаю анекдота! Я*

их совсем не знаю. Я не знал, что моя комната уходит в эту. Баб, ты одним пальцем играешь! Игнали на скрипке! Не идёт дождик! Баб, идёт медведь по городу. А я знаю анекдота! Шёл Чебурашка по лесу и увидел там индюка. Шла баба по лесу и увидела чернильницу!

Обратимся к анализу личных форм глагола (таблица 10) младшего брата в этот период.

Таблица 10

Частота употребления личных форм глагола

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	125	43,2	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	28	9,7
2-лицо (V,indic,praes,2p)	19	6,6	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	2	0,7
3-лицо (V,indic,praes,3p)	79	27,3	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	34	11,8

Самыми частотными оказываются формы 1-го и 3-го лица ед. ч., обращает внимание зеркальность этой оппозиции по сравнению со старшим братом. У старшего брата ядро парадигмы лица глагола также составляет оппозиция 1-го и 3-го лица, в центре находится 3-е лицо единственного лица (49%). У младшего брата в центре личной парадигмы оказывается 1-е лицо ед. ч.: *Я сам даю. Я папе даю подарок. Он мне ничего не даёт. Я сам умею раздевать третью пуговицу. Я не умею думать. Да я как не умею черепаха плавать. А дальше я не умею. Смотри, баб, ты так умеешь, как я умею? А я умею всему научиться! Он не ядовитый и не умеет задушивать. Она умеет ехать. Она даже умеет попикивать. Он не умеет!*

Возможно, сама оппозиция этих форм является константой, а преобладание 3-го или 1-го лица индивидуально. Младший брат характеризуется нами как более эмоциональный, чаще вступающий в коммуникацию с семьей. Возможно, поэтому ему важно подчеркнуть свою роль субъекта речи, катализатора коммуникации, объекта всеобщего внимания. Глаголы в 1-ом лице единственном числе (*хочу, буду, умею, упаду, могу, боюсь, вставаю, даю, еду, знаю, леплю, люблю, поискаю, приду,*

принесу) утверждают ребенка в качестве полноценного участника коммуникации и субъекта действия.

Во множественном числе формы 3-го (12%) и 1-го лица (10%) представлены равными долями (ситуации реального совместного действия со взрослым или ребенком (братом): *А когда мы пойдём на Новый год? Давай оденемся, а то все голые кашляют. Давай за ниточку потянем! Мы его не боимся! Мишка с куклой горько топают, горько топают, посмотри! Они хОтят, прям плачут! Жучка за кошку, кошка за собачку, тянут-потянут - вытянуть не могут.*

Формы 2-го лица ед. ч. (7%) представлены единичными экземплярами; как и у старшего брата, зафиксирована единственная форма 2-го лица мн. ч. изъявительного наклонения, которая, вероятно, заимствована из лексикона взрослых: *Женя играет от лица динозавров: Где это было? – Нигде это было! – Чего вы балуетесь? В повелительном наклонении форм 2-го лица мн. ч. несколько больше (Помогите, спасите! Берите мяса. Давай поменяемся мясами, это твоё. Берите мяса. Смотрите, как я высоко до вас).*

Прилагательных в речи младшего брата зафиксировано меньше, однако родовые формы, формирующие основную оппозицию (мужской (37%) – женский (30%) род) есть: *Не голый! Голый не! Баба тоже бывает голая.* Форм среднего рода мало (8%): *А тут джип едет. Это трудное название джип. А почему солнце круглое?* Прилагательные востребованы как постоянные идентифицирующие признаки определенных предметов, любимых вещей, знакомых людей и т.п.: *Когда я был большой. Чего ж, я большой! Баб, а с большой горки я буду ехать! А вот красный. Как светофор, красный.*

Полученные нами данные совпадают с данными исследователей детской речи и соотносятся с теми закономерностями и взаимозависимостями, которые были выявлены в речи старшего брата. Ребенок овладевает основами формообразования изменяемых частей речи,

первичные оппозиции усваиваются, постепенно начинают формироваться парадигмы отдельных лексем и, что важнее, *ассоциативные парадигмы, как образцы будущего формоизменения*. Покажем это на форме 1-го лица ед. ч., как реплики, которая представлена в актуальном грамматиконе ребенка как ожидаемая гештальтная реплика диалога со взрослым или сиблингом, сформированная в процессе его речевого и когнитивного развития:

Аля: Да они не едят со сметанкой! Женя: *Да я едю!*

Я Жене: Можешь слепить вафлю? – *Можу!* – Слепишь? – *Слеплю!*

Я Жене о яблоке из пластилина: А можешь слепить? – *Можу!*

Говорю Льву: Женечка может долго-долго играть. Женя: *Да, могу долго-долго играть.*

Смоделируем актуальный грамматикон ребенка этого возраста на основаниях частоты употребления той или иной словоформы. Основываясь на количественных параметрах конкретного подкорпуса, рассмотрим тот набор словоформ, с которого начинается плавное наращивание объема речевого продукта. Предположительно, это минимальный набор словоформ, обеспечивающий базу, на которую опирается ребенок в своей речевой деятельности, и этот набор и остается самым частотным и ядерным, без него невозможен дальнейший рост словарного запаса и дальнейшее расширение грамматикона.

Смоделируем актуальный грамматикон старшего брата (Лев), выделенный на основании частоты употребления словоформы. Рассматривая грамматикон как полевую модель, имеющую ядро, состоящее из частотных форм, и периферию, к которой относятся формы со средней и низкой частотой, можно выделить в речевом продукте ребенка этого возраста самые частотные словоформы (леммы, так как туда попадают и неизменяемые части речи), составляющие 50% всего словоупотребления. Этот формализованный подход позволяет выделить 130 словоформ с минимальной частотой 9 (приложение 3), то есть набор словоформ, который обеспечивает базу дальнейшего роста

грамматических форм. Набор содержит все части речи, кроме числительного. В таблице 11 представлен частеречный состав такого грамматикона.

Таблица 11

Частеречный состав актуального грамматикона старшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
SPRO	1373	32,1
PART	731	17,1
PR	564	13,2
V	339	7,9
ADVPRO	312	7,3
S	305	7,1
ADV	261	6,1
CONJ	241	5,6
APRO	95	2,2
INTJ	36	0,8
A	23	0,5
ANUM	0	0,0
NUM	0	0,0

Самая частотная часть речи в актуальном грамматиконе – это местоимения, преимущественно личные (все, кроме *вы*) в именительном и винительном падеже: **Я** олень! **Я** игрушечный олень. **Я** танцую, как вода поёт. **Я** их ногами поставил. Отдай **меня** маме! На **меня** упала булка! Здесь мама **тебя** катала. **Я** сам лазил. **Я** поднимаюсь... Здесь **мы** играли в белку... Здесь **мы** обойдём... А баба без **тебя** не уйдет! **Мы** на **тебя** посадим! Он **тебя** не укусит. Это **его** дом! Он там живёт и пироги себе печёт. Они мне немножко малы. Это у **меня** сапоги. Надо подстричь, пока **они** большие! Она зашла на горку!

Частицы: *не* и *нет* встречаются чаще, чем *да*. Союзы *и*, *а*; простые предлоги: *на*, *в*, *у* (самые частотные), *с*, *из*, *за*, *по*, *к*, *от*, *без* (примеры приводились выше).

Наречия времени и места: *сейчас*, *уже*, *домой*, *еще*: Нам **ещё** надо нарисовать! Этот у меня **ещё** не появился! Я не перемонтировал **ещё**! Я буду **ещё** туда зверей нести. А это я **уже** боюсь! **Уже** не высохло, а это **уже** высохло. **Сейчас** она как поедет! **Сейчас** я ему червяков дам! Сначала медведь был в зоопарке, а **сейчас** я был в зоопарке. Этого **домой** забирают.

Подожди, и тебя несудомой! Муха домой полетела. Используются для указания на конкретное, приближенное к моменту действия время (сейчас, уже) или на самое актуальное и постоянное во всех передвижениях ребенка место (дом).

Прилагательные представлены двумя формами именительного падежа, ед. ч., мужского рода: большой, маленький. Прилагательное *большой* появляется как характеристика внешних по отношению к ребенку предметов: *Большой, баба. Как дом! Он такой... он был большой самолёт. Самосвал большой. Большой. Я буду заползать на большой камень.* Прилагательное *маленький* используется и как характеристика предметов, и как самохарактеристика: *Я был маленький и говорил: мама прогоняет абу. Я был такой маленький и ничего не умел! Я там себе сплю в своей берлоге, как маленький медвежонок. Он маленький, он не похудеет.*

Глагол (8%) и существительное (7%) в актуальном грамматиконе представлены равными частями. Словоформы глагола *быть* (*буду, будет, был, будем, были, будешь, есть*): *Я буду вот здесь ехать! Я рукой маху - комаров не будет! Если липнет, то мы будем уходить! Там была в зоопарке обезьяна, она ела там семечки. Сначала медведь был в зоопарке, а сейчас я был в зоопарке. Там есть ступеньки - лесенка там такая есть, на троллейбус. Листья сухие, а раньше они были мокрые. Ты будешь теперь мама-занимама. Ты задом будешь идти!* С помощью этого глагола ребенку удобно обозначать свою позицию (время, место, эмоциональное состояние) и участие в коммуникации. Глаголы движения (*пошли, поехала, едет, ехать, поедет, поехали, приехала, иди*): *Пошли из машины! Пошли на поезд! Машина дальше поехала. Едет автобус зелёный. Она не умеет ехать! Сейчас она как поедет! Все поехали. Машина не приехала. Иди, муха, иди!* Эти словоформы чаще всего используются для озвучивания действий в игровых ситуациях. Другие глагольные словоформы, попадающие в актуальный грамматикон:

- *поймал*, обозначает бытовые действия: *Я поймал вторую бабочку. Вместо бабочки траву поймал. Я поймал лампу!*;
- *умеет*, относится, в том числе и к неодушевленным предметам: *А это машина? Шьёт? И ничего больше не умеет! Лодочка поехала! Она умеет плыть и ехать. Он не умеет летать, паровоз. Машина большая. Она умеет ездить. Я даже его беру! Не умеет летать! В машине нет бензина. Она не умеет ехать! Уж не умеет говорить. Только рычать умеет!*;
- *спать*, выражение из словаря взрослых (*пора спать, иди спать*) переносится на животных и игрушки: *И ты, бегемотик, ляжешь спать! И ты ляжешь спать... Птицы летят в лес, а то им негде спать. Сейчас я буду их укладывать спать. Мы ложимся спать. А заяц укладывает зайчонков спать...;*
- *давай*, побуждает к действию здесь и сейчас: *Давай вылезать! Давай его чинить! Давай опять туда посадим бабочку!*;
- *называется*, вопрос-коммуникация: *А как называется то железо, куда шарик катится. Как эта собака называется? Как у курицы называется ребёнок? Это какая буква называется?*
- *хочет, хочу*, оценивают действия как желательные или нежелательные, что является важной характеристикой для ребенка: *Она чего-то не хочет сажаться. Она чего-то не хочет лететь... Это мальчик. Он хочет водички попить. Не хочу, чтоб ты убирала всё это! Я тут себе хочу поспать немножко! Я хочу сам развЕзать шапку! Я хочу выходить остановка! Я хочу его покатить!*;
- *смотри*, служит для привлечения внимания, вовлечения в коммуникацию: *Рыбка, смотри, рыбка. Смотри, какая птица. Смотри, самолёт!*

Словоформы существительного, в большинстве своем, это формы им.

п. ед. ч., называющие:

- членов семьи (*мама, баба, папа*): *А мама наругает! Сколько нам арбузов папа купил! А баба без тебя не уйдет!*);
- самого ребенка: *Я Лев! Нет ночА и Лев не сонный! Я сел в Африку! Лев сел в Африку. Мама придёт и скажет: Папа! А почему Лев у нас голодный?* Интересно, что чаще фиксируются формы, которые предполагают разговор о себе в третьем лице, ср. *Вот она к Левчику поползла! К Лёвчику поползла! Медведь обнимает Левку;*
- любимые игрушки и персонажи мультфильмов и сказок, иногда выдумываемых самим ребенком (*заяц, Карлсон, лошадь, медведь, утёнок, лошадка, бегемот*): *Жил-был Карлсон. И его звали Карлсон. Я видел волка, какой курит. Я ему налью молоко. И заяц пьёт. И бегемот пьёт. Я сел верхом. Как на лошадь! Не работает лошадка. Я поеду на лифте. Эта лошадка работает, а эта не работает. Папа делал такую лошадку!*;
- вещи, которые можно увидеть или использовать в повседневной жизни (*муха, как субъект отдельного действия, бабочку, как объект действия, привет, вода, карете, поезд, машина, машину, машины, рыбу*): *Это мухи, наверно, муха летает... Домой муха полетела Мама шапкой поймала бабочку! Давай опять туда посадим бабочку! Я поймал вторую бабочку. Сколько вагонов! Это поезд. Привет, поезд! Баба приехала на синем поезде. Я машине строю гараж. Это не машина, это Жигули! Я залез от машины на лавочку! Мальчик играет в машину. Убрали машину куда-то. Я рыбу достану. Я танцую, как вода поёт.*

Таким образом, функциональная система актуального грамматикона ребенка этого возрастного периода состоит из местоимений, простых союзов и предлогов, в первую очередь с пространственным значением, существительных, называющих членов семьи и конкретные предметы, глаголов, в том числе глаголов-движения.

Смоделируем актуальный грамматикон младшего брата (Женя) на основании частоты употребления словоформ. Представленные словоформы можно увидеть в приложении 4).

Для формирования актуального грамматикона отбираем также самые частотные словоформы (леммы), составляющих 50% всего словоупотребления, из-за меньшего количества зафиксированных словоупотреблений в этот набор попали словоформы с минимальной частотой 4 (частеречный состав представлен в таблице 12).

Таблица 12

Частеречный состав актуального грамматикона младшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
SPRO	479	37,1
PART	275	21,3
V	108	8,4
PR	100	7,7
ADV	99	7,7
S	93	7,2
ADVPRO	87	6,7
CONJ	24	1,9
APRO	19	1,5
INTJ	4	0,3
NUM	4	0,3
A	0	0,0
ANUM	0	0,0

Самая частотная часть речи в актуальном грамматиконе младшего брата – также местоимения: личные (все, кроме *вы*) в именительном, винительном, дательном падеже (*Я тебе помешал кисточки. Меня надень! Она встает... Они специально такую пещеру нашли, закрывательную! Она умеет ехать. Тебе не туго? Мы повесим её на конь! Я сам буду сделать! Меня Лёва покушал!*) и второе по частотности указательное местоимение *это*, работающее как определенная синтактико-коммуникативная опора, средство сверки для ребенка названий и реалий предметного мира (*Это не лужайка, это лужа! Это какой-то дети... А почему это так называется Луна? Зачем это мне валяет? Это очень нетрудно. Да, это подвал! А это карта? Это баба Вера?*). Набор

местоимений такой же, как у старшего брата, но несколько менее разнообразный за счет небольшого количества падежных форм. Вообще, преобладание именительного и винительного падежа над всеми остальными падежными формами в грамматиконе младшего брата по сравнению со старшим братом обращает на себя внимание во всех именных частях речи. Причина не столько в меньшем количестве зафиксированного речевого продукта, сколько, по-видимому, в менее развитом синтаксисе, что видно по употреблению союзов и предлогов, меньшему разнообразию падежных форм. Возможно, это соотносится с большим количеством междометий, частиц, оценочных номинаций и модальных глаголов, отражающих восприятие мира ребенком через призму собственного эмоционального состояния, а не логических связей и отношений [Доброва 2014].

Частицы: *не* (самая частотная), *нет* и *да*: *А пока она не гудит. Ну я не могу! Это не каракатица, это стреконожка. Я не ударюсь! Да! Да мама мне пообещала дома жить. Да, я едю! Да, это подвал! Да! Люблю. Нет, поплывать! Нет, так не пойдёт дело!* Возможно, попадание этих частиц в актуальный грамматикон связано со склонностью ребенка в целом более резко выражать свою позицию, без сомнений и дополнительных нюансов.

Союза *а* в ядре грамматикона нет, только сочинительный союз *и*, соединяющий преимущественно однородные члены в составе простого предложения, указывающий на обладание предмета несколькими характеристиками (*Лифт такой жёлтый и серый. Я буду бегать и свалюсь! Он не ядовитый и не умеет задушивать.*).

Простые предлоги *на*, *у*, *в*, *с*: *Мы сейчас на дачу будем ехать. Покачай на качелях. А почему Луна на небе! Они на мусорной машине. Они плавают на луже. Ты был в Москве? Я в Сосновке травой оцарапался. Он попал в краску! В рот. Я приеду в четверг...когда будет сегодня! А ты ходишь в школу? У меня много игрушек! У меня пальчик промок! У нас таких камней нет! Зачем у трактора мелкие колёса, баб? Я с Лёвчиком буду не дружить! Я с бабой Верой гулял. Я, наверное, люблю с сахаром! Баб, а с большой горки*

я буду ехать! Я хочу с турника прыгать. В актуальный грамматикон попадают самые частотные простые предлоги в своих основных прототипических значениях.

Самые частотные наречия актуального грамматикона: надо, еще, уже, много (*Надо* заряживать карандаши. *Не надо* меня плесть. *Что-то тушить надо*. *Ещё* нет! *Мам, ты ещё* не уходила? *А то сом уже* устал! *Что, ты уже* выросла! *Баб, ты уже* маленькая?). Наречие, как часть речи, по-видимому, является неотъемлемой частью актуального грамматикона, что мы видим по грамматикону как старшего, так и младшего брата. Разряды же наречий, входящие в актуальный грамматикон могут различаться. В отличие от наречий формы прилагательных не попадают в выделенное нами ядро актуального грамматикона младшего брата, что в целом характеризует роль прилагательных в актуальном грамматиконе как периферийную (у старшего брата доля прилагательных в актуальном грамматиконе менее 1 %).

В целом в выделенном ядре грамматикона младшего брата можно видеть те же словоформы, что и у старшего брата, но набор этих словоформ менее разнообразен. Глагол (8%) и существительное (7%), как и у старшего ребенка, представлены равными частями. Словоформы глагола *быть* (*буду, было, будем, будет*): *Я буду* Женей, *когда-то-нибудь* я вырасту. *Где это было?* *Мы сейчас на дачу будем* ехать! *Я приеду в четверг... когда будет* сегодня! *Мне больно будет*; мало глаголов движения (*едут, упаду*): *Это едут*. *Тропинку, где машины едут*. *Громко едут!* *Упаду, Лёв!* *А что он упаду?* *А я не упаду хоть?* *А я не упаду, на стуле на таком каждый раз?* *Я не упаду?*

Модальный глагол *хотеть* (в формах *хочу, хочешь*), обозначающий отношение к действию, у младшего брата заметно более частотен чем у старшего (12 употреблений словоформы *хочу* у старшего брата против 24 у младшего при разном количестве высказываний): *Хочу* трусы снять. *Эти трусы такие жаркие!* *Да я хочу* спать! *А я хочу* двух! *Я хочу* побежать! *Я тебя не замучил, я просто с тобой хочу* поиграться. *Я не хочу* охраняться.

Ты хочешь травку поужинать? Тётя Мотя, ты хочешь зелёный? Ты хочешь? Пусть Лёва захочет! Ты хочешь играть? Хочешь подглядеть? Хочу всё разбросить Я хочу ещё подурить. Я не хочу провожаться. Хочу поплавать! Я хочу с турника спрыгнуть. Я хочу класть его. Я хочу не разбить! Я хочу не уронить! Наличие форм этого глагола в актуальном грамматиконе предполагает внимание к своим и чужим желаниям. Грамматические ошибки встречаются не в употреблении формы глагола *хотеть*, а в употреблении связанного с ним инфинитива.

Глагольные словоформы *смотри* (*Баб, смотри, коленка целая! На, смотри моё окошко! Смотри, тут есть индигный пластилин! Смотри, баб, ты так умеешь, как я умею? Смотри, динозаврик яйца. Баб, смотри! Смотри, какие большие краски!*), *дай, давай* (*Баб, дай людев! Дай я поплету немного! Я нарисовал паутину и дай мне пустой листочек. Дай ещё розоный. Жука дай! Давай за ниточку потянем! Давай ты присмотрелась на дно и увидела, как там страшно. Давай договоримся пароль. Мам, давай пароль договоримся! Давай оденемся, а то все голые кашляют. Давай полежим. Давай кушать еду! Давай ещё вот этого добавлим.*), *можу* (“могу”) (*Можду! Я поискаю. Можду! Да, можду долго-долго играть. А то можду упасть!*), *играть, умею, умеет* (*Ты хочешь играть? Я хочу, играть! А если громко играть? А мы будем играть в Мальчика грязного? А я умею всему научиться! Смотри, баб, ты так умеешь, как я умею? А дальше я не умею. Да я как не умею черепаха плавать. Я не умею думать. Я сам умею раздевать третью пуговицу. Он не умеет! Она даже умеет попикивать. Она умеет ехать. Это ужик. Он не ядовитый и не умеет задушивать*). В целом, обращает на себя внимание повышенная «модальность» актуального грамматикона младшего брата. Например, словоформа глагола *могу* у старшего брата не входит в актуальный грамматикон. Появление этой формы в ядре грамматикона может быть связано и с использованием ребенком взрослых речевых формул: *Ну я не могу! Кошмар какой! Ой, не могу! Я Женя! Я не могу оболдеть.*

Словоформы существительного в абсолютном большинстве – формы им. п. ед. ч., называющие членов семьи (мама, баба, дядя, Вера, Левка (и другие варианты его имени), эти номинации менее частотные, чем у старшего брата, но их больше и они разнообразнее. В актуальный грамматикон попадают усеченные формы именительного падежа в звательной функции: **Баб**, смотри, коленка целая! **Баб**, смотри, коленка целая! Я, наверно, не устал, **баб**! Я не захочу спать, **баб**? Я не упаду? Думаешь, **баб**? **Баб**, а как ты так видно спрятала? Я уже вставаю. Извини, **баб**! Пока ты никуда уходишь, **баба**? **Баба Вера**, это тебя башмаки? Мне ж не больно, **баб**! **Мама, пап**, я вам еду! **Мам, пап**, я вам приехал. **Баб**, смотри! Да **мама** мне пообещала дома жить. **Мам**, давай пароль договоримся! **Мам**, ты ещё не уходила? **Мама спит**! **Баба Вера** блескает. **Баба Вера**, это тебя башмаки? **Баба Вера**, это тебя башмаки? А **баба Вера** плохая или хорошая? **Баба Вера**! Это **баба Вера**? В меня **Лёвка** сегодня мячиком кинул. **Лёвка** плохой. Он мне ничего не даёт. Некоторые **Лёвка** боит, некоторые я боюсь. Я хочу побежать! **Лёвка** весь бегают! **Лёвка** тоже будет мясом! Я его буду поедать!), **Коля дядя** бен, бен! Где **дядя Денис**? Я дядя! А что **дядя** вещи утащил!

Существительные, называющие самого ребенка, также входят в актуальный грамматикон (**Женя**! Я - **Женя**! Я не маникёр, я **Женя** просто. Нет, я хочу как **Женя**! Я **Женя**! Я буду **Женей**, когда-то-нибудь я вырасту), любимые игрушки или предметы окружающего мира: машина (**Непонятая** какая-то **машина**! Да это ещё **машина** с маминого детства лежит! Эта **машина** гудит. Где **машина**? Во-от! А я не успел догадаться, где, **машина**! Эта **машина** приехала от пожара, с пожара! **Машина** меня тронула. **Машина** хорошая? **Машина** нагревается. Нашла самолёта? **Машина** хочет поднять самолёта. Ехала **машина**, все спали, только шофёр не спал. Как звали шофёра? Всё! **Машина** сухая. Реальная или воображаемая машина для ребенка становится участником коммуникации со своими чувствами и желаниями, чего мы не отмечаем в грамматиконе старшего брата.

Если сопоставлять частеречный состав выделенного нами ядра грамматикона для старшего и младшего брата (таблица 13), то можно отметить, что разница между частеречными наборами младшего и старшего ребенка может достигать 5%, однако общее соотношение частей речи и их частотность заметно не отличаются.

Таблица 13

Частеречный состав актуального грамматикона старшего и младшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений старшего брата	Процент	Количество словоупотреблений младшего брата	Процент
SPRO	1373	32,1	479	37,1
PART	731	17,1	275	21,3
PR	564	13,2	100	7,7
V	339	7,9	108	8,4
ADVPRO	312	7,3	87	6,7
S	305	7,1	93	7,2
ADV	261	6,1	99	7,7
CONJ	241	5,6	24	1,9
APRO	95	2,2	19	1,5
INTJ	36	0,8	4	0,3
A	23	0,5	0	0,0
ANUM	0	0,0	0	0,0
NUM	0	0,0	4	0,3

Отличается, как было показано выше, наполнение части речи конкретными словоформами, отражающими разные представления двух детей об окружающем мире и своей роли в нем.

2.2. Второй этап формирования актуального грамматикона ребенка в возрасте от трех до четырех лет

В этом возрастном периоде появляются новые коммуникативные потребности, происходит расширение круга коммуникативных ситуаций, участников коммуникации и называемых предметов, смещение коммуникативных задач в сторону общения, появление в круге общения младшего брата хотя и не как полноценного субъекта коммуникации.

Рассмотрим грамматический состав речи старшего ребенка (Лев) (приложение 5). Происходит перестройка системы частей речи в соответствии с новым периодом (таблица 14).

Таблица 14

Состав частей речи старшего ребенка в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
S	1905	22,6	2732	22,3
A	311	3,7	632	5,2
V	1941	23,1	2278	18,6
SPRO	1459	17,3	1753	14,3
PR	593	7,0	877	7,2
PART	760	9,0	1384	11,3
NUM	17	0,2	116	0,9
INTJ	150	1,8	154	1,3
CONJ	263	3,1	537	4,4
APRO	219	2,6	433	3,5
ANUM	8	0,1	23	0,2
ADVPRO	332	3,9	543	4,4
ADV	452	5,4	772	6,3

Глагол и существительное остаются самыми частотными частями речи, но их доля в системе уменьшается. Доля существительных уменьшается незначительно, глаголов заметнее (на 4%), также уменьшается доля местоимений (на 3%), соответственно в составе системы частей речи незначительно, но увеличивается процент союзов, прилагательных, наречий и частиц. Доля предлогов остается той же, доля числительных, при том, что их количество увеличивается в 5 раз, не превышает 1%. Это соотносится с постепенным расширением арсенала предложений, усложнением их состава, постепенной дифференциацией системы частей речи за счет увеличения доли частей речи, передающих признаки предмета или действия, или отвечающих за организацию грамматических структур. Изменения в процентном отношении небольшие, но тренд отчетливый.

Падежно-числовая парадигма существительного (таблица 15) также подвергается дифференциации, уменьшению доли ведущей оппозиции именительного – винительного падежа ед. ч., которыми на предыдущем этапе

выражались отношения преимущественно субъектно-объектные и росту доли других падежных форм.

Таблица 15

Падежные формы существительного старшего ребенка в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	810	42,4	1040	37,9
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	454	23,8	489	17,8
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	157	8,0	126	4,6
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	101	5,0	134	4,9
Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	99	5,0	271	9,9
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	90	4,8	248	9,0
Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	58	3,0	126	4,6
Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	58	3,0	140	5,0
Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	21	1,0	51	1,9
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	19	1,0	53	1,9
Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	9	0,5	30	1,0
Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	7	0,4	24	0,9

Доля форм именительного падежа ед. ч. уменьшается, как и доля винительного падежа ед. ч., доля предложного падежа ед. ч. уменьшается, а доля родительного падежа ед. ч. растет. Происходит уменьшение доли оппозиции Субъект – объект, выраженной именительным и винительным падежом, в пользу других оппозиций.

Основные отношения, выражаемые именительным падежом:

– субъектные: *О! Мусорная машина. Все не знают, на чём машина едет, потому что они внутри сидят. Машина так и стирает, вода там булькает. Мама в Москве была, а не была в Кремле. Женька разрешил мне сходить за книжкой. Я пылесосу, а папа мне не разрешает: вх-вх;*

– именительным и винительным падежом – субъектно-объектные: *На стройке машина била дом. О! Машина нам сделала хороший пруд! А Женька очень Буратино полюбил: нос у него очень удобно сосётся! Папа*

будет делать **шляпку** стола! **Папа** мой любил очень длинные **книжки**. А **мама** все **шарики** мне полопала!

Для винительного падежа основные отношения – объектные и пространственные:

Прикатил себе, катает землю! Я рою землю, но у меня таких маленьких коготочек нету! Вот если о землю упасть, то будет кругленькая. Ну они там просто не показали землю. Они в землю вкапаны. Я камни валяю на землю. Это воду надо подогреть, намачивать голову и стричь, а то сухую не подстрижешь! Уплыл себе в воду! Я хочу просто воду. Я сменяю воду! Я даже разным цветом покрасил! Я её засовывал под воду, и там вода набиралась. Я машину почти починил! О! Выключил машину. А этого не видно: он в паутину заплёлся! Папа засосал паутину. Папа засосал паутину. Я плечу паутину. Надо плечь паутину. Ой, пойдём дальше плечь паутину! Сорви эту паутину. В предыдущем возрастном периоде было преобладание объектных отношений, хотя пространственные тоже были частотными.

Предложный падеж преимущественно выражает пространственные отношения и единично атрибутивные:

Даже ни одной на улице мухи нет! А то на улице холодно и на улице ноги не погреваются. На доме висит. Зачем она мне в доме нужна! Смотри, какая большая антенна на том, на красном доме. Вон у меня вся машина в железе. У него есть такая комната на ключике. Я и на морде ящерицы буду кататься. Я когда-то катался на самом последнем хвосте.

Родительный падеж используется для выражения отношения принадлежности предмета, действия, признака, свойственного лицу или предмету, количественное значение (частотные значения падежа в этот период):

Ещё мы бубен привезли от бабы Лены. А когда бабы нету, называется мамье лето. Это мамы, это бабы, это Львы! А мы там с Женькой у мамы в животе вместе пихались? У мамы знобит! Мы от бабы Наташи привезли. Да, я от бабы Наташи столько весЕлий привёз, а то у нас нет всяких. Я у

*бабы Наташи видел Лейку, но только она была не с усами. Он, наверное, в покер играл, когда тебя не было, меня не было, **Женьки** не было. Если б у **Женьки** были зелёные колготки и синяя рубашка, мы бы были похожи! Вот от какого слова костёр? От слова красный. А лёд от слова скользко? А Перун от слова Пётр? А зайцу будет сколько года! А мне четыре года! Мне было где-то там семь лет или два года! Для Нового года готовились, к Новому году. Однако помимо количественного значения, в качестве периферийного появляется значение части чего-либо (как вариантное к форме винительного падежа в значении целого): А говорят даже не бутылка, а пачка **молока**! Смотри: бутылка **молока**. Ср. с Ну, теперь надо идти нового **молока** наливать.*

Доля творительного падежа ед. ч. (5%) значительно не меняется, функции остаются теми же, что были в предыдущий период (совместное действие, время, место, инструмент), но инструментальная функция перестает быть самой частотной: *С кем я буду гулять? И с мамой! И с папой! С Женькой она познакомится. Давай мы не без мамы съедим! Давай с мамой! А парк вечером закрывают, только речка **вечером** открыта! К нам вчера **вечером** заполз паук! Здесь и **зимой** можно висеть, ноги не замочишь! Летом-то всегда мухи, а **осенью**, а **зимой** никого нету! **Зимой** одни птички. Вот мне надо **водичкой** помыть! **Водичкой** помыть, как **шваброй**! Смотри, весь закапало **водичкой**. Мама там под **столом** что-то чистила, а вдруг к маме паутинка прилепилась... Там под **столом** собака спит.*

Доля дательного падежа ед. ч. увеличивается вдвое, но не превышает (2%) (функции адресата и объекта действия): *Сейчас мы съедим, давай съесть, чтоб маме не оставить! Нет, это я маме помогал. Мы её должны взять и маме принести. Мама там под столом что-то чистила, а вдруг к маме паутинка прилепилась... Сколько там на пне колец таких вот - столько **дереву**. Надо к **дереву** прикрепить, чтоб не падало. Я шёл-шёл по **болоту**, промочился и зашёл к вам, пираты, погреться. Сейчас листик прямо по **виску** упал. А бывает и по **голове**. С **дерева**. Вот я по **пню** стукнул*

кулаком - и божья коровка упала и поползла в свою норочку, в свой дом. Ты обедаешь по своему **обеду**.

Доля именительного, винительного и родительного падежа мн. ч. растет, увеличение форм мн. ч. предполагает выравнивание с формами ед. ч. с сохранением их же функций. Лексический состав этой части речи также расширяется: помимо присутствовавших на предыдущем этапе названий родственников, имен собственных и названий игрушек в список частотных лексем также попадают названия времен года и частей суток (в форме именительного (*Зима перестала, весна настала.*) и творительного падежа преимущественно (временной период): *летом, осенью, зимой, утром, вечером, ночью* и т.п., лексемы называющие объекты окружающего ближнего мира (*дома и двора*).

Что касается глагольного формоизменения, нас в первую очередь интересуют личные формы глагола, так как они востребованы как формы, организующие речевую деятельность, называющие типовые ситуации, например, «субъект-объект-действие» (таблица 16). Тенденция перестройки системы, характерная для существительного, сохраняется и для глагола.

Таблица 16

Личные формы глагола старшего ребенка в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
1-лицо (V,indic,praes,1p)	192	26,0	229	22,9
2-лицо (V,indic,praes,2p)	53	7,2	98	9,8
3-лицо (V,indic,praes,3p)	364	49,3	410	41,0
1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	59	8,0	54	5,4
2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	5	0,7	2	0,2
3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	133	18,0	208	20,8

Доля самых частотных форм 3-его и 1-го лица ед. ч. уменьшается на 8% и 3 % соответственно, хотя их главенство сохраняется при абсолютном преобладании основного значения – передача действия, совершаемого несубъектом или субъектом речевого акта соответственно: *Я хожу ночью*,

*разыскиваю зайцев! Я очень люблю зайцев! Я очень не люблю спать! Я не люблю, когда всё чёрное. Я больше всего люблю жуков ловить! Я хочу прямо восемь блинов. А я хочу смотреть сом! Я хочу полежать: у меня живот отдохнёт. Ты бей в мяч, а я буду догонять. Я и на морде ящерицы буду кататься. Меня зовут паук-красивец, потому что я всё **делаю** красиво! Я дождь **делаю**. А завтра **доделаю**! Сейчас я **сделаю** всё! Играя, от лица персонажей: Мы, жуки, вообще не **кусаемся**. Мы, пауки, не **кусаемся**. Мы, кабаняки, очень много **работаем** и всем **помогаем**. Если кто-то устанет, мы - раз! - и **работаем**!*

Доля форм 3-го лица мн. ч. и 2-го лица ед. ч. вырастает на 3%: *Зайцев же **любят** волки! Очень высоко они не **любят** лазить. А я не видел, как пчёлы из нектара **делают** мёд. А они что **делают**? Они всё тяжёлое **могут**. В дополнение к основному значению у форм 3-го лица мн. ч. появляется неопределенно-личное значение, не фиксировавшееся на предыдущем этапе: *И дерево **могут** стащить. И **могут** стащить лавочку! Рад, что его **любят**! Там целый детский городок **делают**. А из головы из рыбиной **делают** уху!**

У форм 2-го лица ед. ч. употребление увеличивается количественно, но не меняется функционально, они выступают как диалоговые формы, служащие для поддержания коммуникации: *А откуда ты **знаешь** это... молитство! А откуда ты **знаешь**, что есть? Если ты не **знаешь**, то микро — это Женька, а макро — это я! А ты мне **будешь** облизывать шелковицу, раз мы воды не взяли? Ты **видишь**, трое тут сидений не мокрые. **Видишь**, мама в очках, потому что она много кин смотрела. **Видишь**, он может завалиться на бок. Ты **любишь** помягче, а потвёрдей ты не **любишь**! Ты **любишь** помягче, а те тапочки потвёрдей!* Однако, в отдельных случаях эти формы начинают появляться в обобщенно-личных предложениях: *Если морковку есть, **будешь** очень далеко смотреть.*

Уменьшается доля форм 1-го лица мн. ч. на 3%. Основная функция этой формы сохраняется, поэтому, вероятно, происходит перераспределение функциональной нагрузки между другими значениями личной парадигмы, а

не дифференциация грамматического значения указанной формы: *Что ж мы всё не идём и не идём! Скучно в одном месте! Мы уже идём домой. Мы идём зубы чистить!*

Формы 2-го лица мн. ч. всё также представлены единичными экземплярами: *ползаете, целоваетесь*. Используются для описания действий нескольких субъектов непосредственной коммуникации, игровой или реальной. *Вы целоваетесь! Вы целоваетесь!*

Лексический состав глаголов изначально был достаточно разнообразным, поэтому происходит даже не столько появление новых единиц, сколько дифференциация значений уже имеющихся, что можно проследить по употреблению многозначных глаголов, например, *идти*: *По водосточной трубе течет вода, а в жёлтой трубе газ. А по жёлтой идёт жёлтый газ! Отпусти его! Пусть идёт на все четыре стороны. А идёт на все четыре стороны - это значит идёт, куда хочет! Женька уже на ногах идёт, держАще. Какой пар идёт высокий! Снег идёт!*

Род как согласовательный класс усвоен и представлен примерно равными долями прилагательных мужского и женского рода, и небольшой долей прилагательных среднего рода (таблица 17).

Таблица 17

Формы прилагательного старшего ребенка в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Лексико-грамматический класс	Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет
Мужской род	148	47,6	206	32,6
Женский род	87	28,0	208	33,0
Средний род	16	5,1	43	6,8
Множественное число	60	19,3	175	27,7

Большее количество прилагательных появляется в речи ребенка в двух и трех родовых формах: *Большое колесо. Но не большое, а толстое! А если не очень большая дырка, можно три раза зашить иголкой. И этот дом такой большой*. Общее количество прилагательных увеличивается вдвое, а доля прилагательных относительно других частей речи с 4% до 5%.

Служебные слова также претерпевают некоторые изменения. Все также сохраняют частотность сочинительный союз *и*, противительные *а* и *но*, что соотносится с простым, первичным синтаксисом этого периода. Появляются подчинительные союзы *чтоб* и *если*, разделительный *или* в своих основных значениях: *Мне было где-то там семь лет **или** два года! Паша, наверно, на день рождения **или** ещё когда-то-нибудь. **Если** б у Женьки были зелёные колготки и синяя рубашка, мы бы были похожи! **А если** человека-паука много, то можно сказать просто пауки, а не человеки-пауки. **А если** не возьмём водичку, ты облизывать будешь. Надо убраться, **чтобы** было всё по-умному. Мама пошла, что-то вкусное, купит, **чтоб** нам было вкусно праздновать! И погреб весь поосвещаю фонарём тут, **чтоб** пауки не вцеплялись так сильно.*

Арсенал предлогов растёт за счет появления как новых, так вариантных форм уже имеющихся предлогов: *перед, возле, вместо, со, изо, ко, об*, - но предлоги *на, в, у* остаются самыми частотными в своих основных значениях: *Рыбки **на** месте! И дождь закапал **на** продукты. Незнайка махнул **на** него волшебной палочкой, и он превратился... козлом. Ты её там **на** пианино хранишь! Я был у ос **в** гостях. А чего у них хвост так скрючен? Уплыл себе **в** воду! Пришла зима! **У** неё же ног нет.*

Как видим, полученные нами данные совпадают с данными исследователей детской речи, которые соотносят это период с процессом постепенной дифференциации грамматических значений, переходом от базовых, прототипических оппозиций форм к более специализированным [Гвоздев 2007, Цейтлин 2009].

На основе представленных данных выделим актуальный грамматикон старшего брата на основании частоты употребления словоформ. Представленные словоформы можно увидеть в приложении 6.

Для формирования актуального грамматикона отбираем 140 самых частотных словоформ (лемм), составляющих 50% всего словоупотребления,

в этот набор попали словоформы с минимальной частотой 10 (частеречный состав представлен в таблице 18).

Таблица 18

Частеречный состав актуального грамматикона старшего брата в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
SPRO	1373	32,1	1654	26,6
PART	731	17,1	1332	21,5
PR	564	13,2	842	13,6
CONJ	241	5,6	526	8,5
ADVPRO	312	7,3	506	8,2
ADV	261	6,1	430	6,9
V	339	7,9	298	4,8
APRO	95	2,2	256	4,1
S	305	7,1	154	2,5
INTJ	36	0,8	117	1,9
NUM	0	0,0	58	0,9
A	23	0,5	35	0,6
ANUM	0	0,0	0	0,0

В ядро грамматических форм все также попадают, в первую очередь, личные местоимения в формах именительного, винительного и дательного падежа преимущественно ед. ч.: *Я ж потом их буду катать. Я пришёл, а ты готова. Он долго ехал потому что! А мама все шарики мне полопала! Эти мне малы! А потом мне будет десять годов. К нам вчера вечером заполз паук! Качался он к нам сзади спиной, а прыгнул – к нам головой!* Указательное местоимение *это* (*Это ерунда! Смажешь – и всё! Нет, это я маме помогал. А вот это северный медведь*).

Прилагательные представлены двумя формами именительного падежа, ед. ч., мужского рода: *большой, длинный* и формой им. п. мн. ч. *маленькие*: *Гигантские шаги... Есть такой большой человек-гигант! А когда большой камень бросишь, то будет высокий брызгал!... брызг! Там был такой джинн, очень огромный, такой великан, очень большой был! Вот этот самый первый, маленький хороший пират! А этот не большой, не маленький, немножко плохой! Это будет маленький волчонок, он Бабу Ягу любит, но иногда он теряется. Но я тогда был маленький! А когда будет самый*

длинный день? Какой я *длинный*! А я такой *длинный*! Мультик совсем *длинный*. То есть мы видим сохранение базовой семантической оппозиции большой-маленький и малую востребованность прилагательных в актуальном грамматиконе этого периода.

Наречий в этом ядре значительно больше, чем прилагательных, что в какой-то степени соотносится и с преобладанием глаголов над существительными в актуальном грамматиконе. Наречия (*надо, сейчас, очень, много*) передают время, место и степень завершенности действия (также выступают в качестве предикатива): *Ну, мне надо гулять надолго! Надолго гулять. В дом надо пять машин привезти. Да надо не совать руки! Сейчас я тебя этой лопатой побью! Здесь почти осталось сколько, сейчас посчитаю! Смотри, лужи сейчас будут. Мы, кабаняки, очень много работаем и всем помогаем. Но это очень просто! Папа мой любил очень длинные книжки. Это очень долго!*

Доля числительных растет, но набор их принципиально не расширяется: счетные *два, три, четыре*: *Мне было где-то там семь лет или два года! Ты кто? Паучиха? О! Значит, нас, пауков, уже три. Нет, четыре. А когда я вырос и мне было три года, у меня начали глаза зеленеть. Смотри, я иду на все четыре стороны. Четыре яйца, пять грибов и компоту, а потом водички наливаешь и метлу туда. И всё! Две чУчелы! Смотри, я два дома перепрыгнул, аж к рыбе... аж на рыбу попал.*

Арсенал частиц расширяется, помимо эмоциональной *а* и отрицательных *не* и *нет*, усилительной *ни*, появляются частицы, чья функция связана скорее с заполнением пауз в речи, выстраиванием и поддержкой более сложных синтаксических конструкций: *вот, то, даже, просто*: *А вот это без десяти третьего! Смотри, я даже четыре вот этих штучек сделал. Я даже разным цветом покрасил! Когда-то-нибудь ты мне покажешь. Они должны быть с кем-то! А, просто тяжело! Ну они там просто не показали землю. Просто у меня там мышц нету.*

Союзы *и, а, но*, а также подчинительные *чтоб, если* попадают в ядро грамматикона, что свидетельствует об усложнении речи ребенка, использовании сложных предложений, вызванном необходимостью выразить понимание более сложного устройства мира: *Надо язычком, облизать, чтобы оно быстро высохло! У него спереди маленькие, колёса, а сзади большие, чтобы ему было легче проехать по земле. Если немножко песка откопать, то будет ямка. И пугается песок, что я его вырою. Если ещё раз залетит, ты её ещё раз раздавишь! А если не очень большая дырка, можно три раза зашить иголкой.*

Все предлоги по критерию частотности попадают в ядро грамматикона, что соотносится и с развитием управления, и набором падежных форм в речи ребенка. Предлоги простые: *у, в, на* – самые частотные.

Интересно отметить два факта, первое, доля глаголов и существительных в актуальном грамматиконе падает (до 5% и 2,5% соответственно). Второе, доля глаголов больше доли существительных, в отличие от общего грамматикона этого периода. Вообще мы начинаем видеть постепенное “погружение” глубинных структур, сокрытие их под поверхностным грамматическим оформлением речи с помощью частиц, предлогов, наречий и прилагательных.

Словоформы глагола *быть* (*будет, есть, буду, было, был, были*) остаются в актуальном грамматиконе (благодаря своей «служебной» роли в образовании форм будущего времени), как и формы повелительного наклонения *смотри, давай*, работающие как коммуникативные опоры в диалоге. Например, *Он знаешь, какой будет, когда вырастет! Я не то чтобы развалю, но мне будет тяжело. Если не будет лишайника и коры, то дерево начнёт гнить. А пластилин же не будет жариться? На этом коврике ходить - зато плоскостопия не будет. А потом мне будет десять годов. Когда пчёлка будет за стеклом, ты не бойся! Смотри, у меня из камня мел оказался! Смотри, какой длинный и высокий как змея! Давай от насекомых смеяться! Давай я тебе отверну трещалку.*

В ядре оказывается словоформа *люблю* (благодаря многозначности этого глагола с его помощью можно выразить личное отношение к широкому спектру предметов и ситуаций): *Я больше всего люблю жуков ловить! Люблю, конечно! Я про крота обычно редко смотрю, потому что крот очень чёрный. Я не люблю, когда всё чёрное. Я очень не люблю спать! Я хожу ночью, разыскиваю зайцев! Я очень люблю зайцев! Вода нагрелась и стала холодной! А тёплую я не люблю. Я глотну - и всё!*, а также словоформа *идет* (вероятно, также из-за своей многозначности, ср. человек идет, дождь идет): *Кто идёт за королём, это мы идём вдвоём! Вон дядя идёт! Это кто-то идёт крупно! А по жёлтой идёт жёлтый газ! Какой пар идёт высокий! Снег идёт!*

В актуальном грамматиконе как и в предыдущий период остаются словоформы существительных в им. п. ед. ч., называющие членов семьи (*мама, Женька, папа, баба, бабы*), то есть называющих участников всех потенциально возможных для ребенка коммуникаций, участников разыгрывающихся перед ним или с его участием сюжетов. Словоформы, называющие игрушки заменяются на словоформы, называющие предметы детского интереса (*змея, паук, жук*), также выступающие героями разыгрываемых, воображаемых сюжетов: *Спасибо, жук! Два жука! Жук слышит очень громкий гром. Жук, ты что ж, не понимаешь что ли? Я змея! Мы змеи так быстро ползаем, нас прямо не догонишь! Мы, жуки, такие добрые. Мы, пауки, не кусаемся.*

Особо обращает на себя внимание, что все существительные актуального грамматикона этого периода представлены формами именительного падежа, даже *зима* - существительное называющее время года, то есть в актуальном грамматиконе в первую очередь появляются формы существительных, обозначающие субъект потенциального действия или тему мысли или речи.

Рассмотрим грамматический состав речи младшего ребенка (Женя) в возрасте от трех до четырех лет (приложение 7). Происходит перестройка системы частей речи в соответствии с новым периодом (таблица 19).

Таблица 19

Состав частей речи младшего ребенка в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
S	534	20,9	1968	22,5
V	613	24,0	1800	20,6
SPRO	511	20,0	1561	17,8
PART	295	11,5	929	10,6
PR	113	4,4	600	6,9
ADV	172	6,7	489	5,6
ADVPRO	104	4,1	390	4,5
A	89	3,5	287	3,3
CONJ	39	1,5	275	3,1
APRO	63	2,5	254	2,9
NUM	8	0,3	88	1,0
INTJ	12	0,5	77	0,9
ANUM	3	0,1	11	0,1

Глагол и существительное остаются самыми частотными частями речи, как и в грамматиконе старшего брата. Доля глаголов уменьшается, также уменьшается доля местоимений, доля существительных, напротив, незначительно растет. Учитывая незначительность колебаний, можно отметить, что большинство частей речи остается в тех же границах, что и на прошлом этапе (см. подробнее в приложении прилагательные, наречия, частицы). Доля предлогов, союзов, числительных растет и догоняет показатели этих частей речи в грамматиконе старшего брата. Можно предположить, что наращивание арсенала предлогов и союзов и рост их доли в системе частей речи, связан с усложнением речевых структур ребенка. Вообще, можно отметить, что вся перестройка, которая происходит в системе частей речи младшего ребенка в основном проходит в границах долей частей речи, очерченных в грамматиконе старшего брата и, вероятно, в рамках тех же трендов. Самое заметное различие в процентном соотношении частей в

грамматиконе старшего и младшего ребенка в возрасте 3-4 лет относится к местоимениям (14% у старшего и 18% у младшего). Арсенал словоформ местоимений при этом схож с набором словоформ старшего брата, преимущественно, личные местоимения в разных падежных формах, указательные и вопросительные местоимения, а частота употребления в речи несколько выше. Возможно, это соотносится с разными коммуникативными ситуациями, в которых находились дети в этом возрасте. Младший ребенок чаще выступает равноправным коммуникантом (с братом, ровесниками), общается с большим количеством людей, которых нужно обозначать в речи: *Лев, ты меня не мучай. Нет, мучает-мучает! Да Лев! Лев, а помнишь, мы с тобой учились про это! Мама, то ли это колокола мимо дома проезжали, то ли это машины. Баб, закрой эту математику. Баб, только надолго ты поиграешь. Ой, ну надо же прикрепить, баб! А минуты проходят по часам, пап! Знаешь такое? Так что, папа не забывай правила мои. Баб, хочешь, нарисую тебе наработу? Папа, поеди и пошли играть! Уйди, баба! Это я Лёве отдам, я не доел, баба, случайно.*

Падежно-числовая парадигма существительного также подвергается изменениям (таблица 20).

Таблица 20

Падежные формы существительного младшего ребенка в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	261	48,9	797	40,5
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	97	18,2	375	19,0
Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	35	6,6	190	9,6
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	13	2,4	129	6,5
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	32	6,0	112	5,7
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	29	5,4	89	4,5
Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	21	3,9	79	4,0
Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	13	2,4	70	3,6
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	10	1,9	40	2,0
Дательный падеж, множественное число	2	0,4	16	0,8

(S, dat, pl)				
Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	5	0,9	15	0,8
Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	2	0,4	11	0,6

Доля форм именительного падежа, ед. ч. уменьшается в рамках общей тенденции к дифференциации значений, выражаемых разными падежными формами.

Растет доля предложного падежа ед. ч. (при этом форма выражает преимущественно пространственное значение, как и в предыдущий период):
На машине, на машине, на машине, мы идем на машине, мы едем на машине. Птички летают не только чтобы они ехали на машине. В Мурманск они возвращались на енотиной машине... На поле у нас нельзя лежать! У нас на поле можно кувыркатся.

Доля родительного падежа остается прежней, но дифференцируются его возможные значения: выражение меры/количества становится частотнее, (ср. *заглотил немного воды. Дай мне воды попить, чтоб не умереть. Папа иногда воды приносит... Семь часа утра, восемь часов ночи. Он едет до шести часа. мы уже сколько часа гуляем? почему у дерева нет ствола! Не записывай, я уже подбавил мотора. У меня есть много мотора. посчитаю, сколько времени. У нас девятнадцать времени. У нас полтора времени!*).

Винительный падеж используется для выражения объектных и пространственных отношений: *Я на такое высокое дерево тоже могу залезть, только я очень низко могу залезть. Я за сто минут залезаю на высокое дерево. Придумал, как ещё можно на дерево! Ка-ре-та упала на землю! Но чаще они любят землю. Там водомерки лезут на землю! Я Злату люблю очень! Я её теперь хитрить буду. Я Злату пощекочу из-за этого, что она бешеная.*

Формы творительного падежа начинают чаще использоваться не только в инструментальном, но и во временном значении, а также передавать значение совместности: *С сахаром они сладче, чем конфеты. Я хочу с сахаром. Весной! Только весной. Если не получится - тогда летом. Сходи*

когда-нибудь в Новом годе или весной... Злата поверит меня, что нельзя со мной водиться, только с Лёвой можно! мы сидим со мной и Лёвой! Я хочу с вареньем! Я посыплю вареньем...

Функции дательного падежа ед. ч. значительно не меняются (основная – адресат действия): *Я Злате предложил. Теперь я Злате устрою душ. Я Злате покажу, что я не существо... Это я Лёве отдам, я не доел, баба, случайно. Я Лёве только одних зебров решил отдать. Поезда ездят по рельсам, а люди - по тротуару. А минуты проходят по часам, пап. Машины едут по морю!*

Доля именительного, винительного падежа мн. ч. растет, но функция – выражение субъектно-объектных отношений остается самой частотной. Лексический состав этой части речи расширяется и дифференцируется: становится больше названий родственников, имен собственных и названий игрушек, предметов и явлений окружающего ребенка мира (ограниченного домом, детской площадкой). Происходит постепенная дифференциация падежных значений, те значения падежей, которые на предыдущем этапе появлялись как периферийные, осваиваются как постоянные, хоть и не основные.

Тенденция перестройки системы сохраняется и для личных форм глаголов. Доля форм 1-го лица ед. ч. уменьшается (с 43% до 35%), а форм 3-го лица ед. ч. растет (с 27% до 32%). Функционально речь идет об указании на действие, совершаемое субъектом речи или третьими лицами, это самые частотные функции, появление их предсказуемо, а характерная для этого ребенка концентрация на собственных действиях, переживаниях, ощущениях, начинает уравниваться по мере овладения грамматикой. Уменьшается доля форм 1-го лица мн. ч. и растет доля форм 3-го лица мн. ч. (происходящие изменения направлены, по-видимому, в сторону того соотношения личных форм глагола, которые мы видим у старшего брата): *Я не буду плакать, зарыдаю! Я подбавлю мотор: ши-ши-ши! Всё! У меня есть много мотора. Я тебе растеру мобильник. Я тебе протеру руку. Можно мы*

разденем шапку? А мы уже сколько часа гуляем? Он всегда любит маму! стирает?

Доля форм 2-го лица ед. ч. вырастает на 3% (для ребенка это формы прямой коммуникации: привлечение внимания, начало или продолжение диалога: **Смотри**, баб, крапива упала. **Видишь**, какая стала красивая труба! **Смотри**, сколько клубники, её же никак не собирать. **Смотри**, какая грязька!).

Формы 2-го лица мн. ч. все также представлены единичными экземплярами (*заходите, хотите, освободите, смотрите*). Это формы повелительного наклонения в обращении к нескольким коммуникантам, ситуации разыгрывания диалога с воображаемыми собеседниками: **Освободите!** Я тебя освобожду! **Смотрите**, сколько у меня яичницы! **Вы хотите** занять места? Поставим какую-нибудь приманку: **Заходите, заходите** в ловушку! Лексический состав глаголов растет за счет расширения основных тематических групп: модальные глаголы, мыслительная и речевая деятельность, эмоции, глаголы движения.

Род как согласовательный класс устанавливается в систему с примерно равными долями прилагательных мужского (41%) и женского (35%) рода, и небольшой долей прилагательных среднего рода (8%). Отметим в целом меньшее количество прилагательных, зафиксированных в речи младшего ребенка к этому периоду (3,3% у младшего брата, 5,2% у старшего): *Смотри, дорога какая большая! Кабиночка большая. Баб, а давай играть, кто большой, а кто маленький. Я же такой большой! Я люблю большое мясо. Он плохой из-за этого. Кто-то газету потерял. Наверно, она была плохая! Ну, поезд! Какой ты плохой!* Общее количество прилагательных заметно не увеличивается.

Служебные слова также претерпевают некоторые изменения. Все также сохраняют частотность сочинительный союз *и*, противительные *а* и *но*, что соотносится с простым, первичным синтаксисом этого периода. Появляются подчинительные союзы *чтоб*, *чтобы* и *если*, разделительный *или*

(Если картошка горячая, и я буду горячий, а если картошка тёплая - и я буду тёплый. Если приснится страшный, я его побегу! Мимозу ест лев, чтобы хвост у него был толстей... длинней. Но она ест кактус, чтобы выросло побольше крылья).

Арсенал предлогов растет, их разнообразие и частота употребления сравнимы с их составом и частотой в грамматиконе старшего брата. Предлоги простые, *на, в, у, с* самые частотные, функции предлогов принципиально не отличаются от предыдущего периода: *А ты с нами поиграешь? Паровозы на тракторе везут. Я тоже хочу в джунгли.*

Можно сделать вывод о постепенной дифференциации системы, переходе от базовых, прототипических оппозиций форм к более специализированным, но с более медленной скоростью, чем у старшего брата, хотя и с сохранением направления.

Выделим актуальный грамматикон младшего ребенка на основании частоты употребления словоформ (подробнее можно увидеть в приложении 8): 116 самых частотных словоформ (лемм) с минимальной частотой 9, составляющих 50% всего словоупотребления.

Таблица 21

Частеречный состав актуального грамматикона младшего брата в возрасте 2-3 и 3-4 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент
SPRO	479	37,1	1435	32,0
PART	275	21,3	870	19,4
PR	100	7,7	558	12,4
ADVPRO	87	6,7	356	7,9
V	108	8,4	334	7,4
ADV	99	7,7	279	6,2
CONJ	24	1,9	262	5,8
S	93	7,2	254	5,7
APRO	19	1,5	91	2,0
NUM	4	0,3	25	0,6
INTJ	4	0,3	24	0,5
A	0	0,0	0	0,0
ANUM	0	0,0	0	0,0

В ядро грамматических форм все также попадают, в первую очередь, личные местоимения в формах именительного (*я, ты, он, они, мы*), винительного и дательного падежа, а также родительного (*Мне светчинового сыру. Я тот хочу! Я её побегду! На тебе рыбалку! Нет, они некрасивенькие! Я уже перелюбил петь. Я цапаю тебя!*). Дательный падеж в грамматиконе и старшего, и младшего ребенка представлен в основном формами личных местоимений, а не существительного, что вероятно связано с большей востребованностью местоимений в непосредственной устной коммуникации.

Прилагательные в ядро грамматикона все также не попадают, в отличие от наречий, которые выступают и как предикативы, и как признаки, которые передают время и степень действия (*Мы сейчас тебе спрыгаем за музеем! Сейчас! Я посыплю вареньем... Я тут пробираюсь очень нежно. А-а, я очень могу к вам залезть! Я на такое высокое дерево тоже могу залезть, только я очень низко могу залезть*).

В ядро попадают все те же числительные: два, три (*В Ледниковом периоде помнишь не разрешали говорить цифру три? Мне надо три денежки. Заплатим два денег на телефон! Там два собак. Два бандитов...*) и можем отметить, что в зафиксированном словоупотреблении встречаются практически исключительно числительные устного счета, что вполне ожидаемо в устной бытовой коммуникации).

Частицы все так же стабильно остаются в ядре грамматикона (примеры приводились ранее, их состав и функции не меняются, эти частицы служат опорами при построении высказываний, своеобразным зачином: *А тебя мама подстригнёт! А я говорю: подстригнет. А я обалдел просто, как в зоопарке, бегемот пасть открыл! А я его побегду!*). Союзы *и, а, но*, а также подчинительные союзы условия и цели *если, чтоб, чтобы* остаются в ядре грамматикона, что объясняется (и одновременно подтверждает) их устойчивостью и востребованностью в устной речи. В ядре грамматикона

остаются простые предлоги: на, в, у, с - самые частотные (примеры приводились выше).

Доля глаголов (7%) и существительных (6%) в актуальном грамматиконе практически не меняется по сравнению с предыдущим этапом, в отличие от старшего брата, у которого доля глаголов, а в особенности существительных падает значительно. В ядре остаются словоформы глагола *быть* (*буду, будет, есть, было, был, будешь, были*), которые выступают как вспомогательные глаголы, часть именного сказуемого: *Буду гнаться так с ртом открытым. Если съем, буду гулять в Африке. Съем его рог, будет знать. Я её теперь хитрить буду*). Модальные глаголы, глаголы, обозначающие бытовые действия: *хочу, давай, смотри, умею, еду, люблю, играть*, глаголы в форме 1-го лица ед. ч. – показатели состояния ребенка, его позиции в мире: *Я сильный, я хочу забросить Злату на потолок. Хорошая идея, я хочу компотику. Я умею одежду вешать. И я люблю виноград, потому, что я люблю его ценность. Я Злату люблю очень!*

Словоформы существительного, в абсолютном большинстве, формы им. п. ед. ч., называющие членов семьи, постоянных коммуникантов (*баб, папа, мама, баба, Злата, Злате, Злату* - имя подруги возникает в разных ситуациях, как прямой коммуникации, так и предмета мысли или речи (*Теперь я Злате устрою душ. Этими прятками Злата меня замучила. Я Злате страх делаю! Я Злату пощекочу из-за этого, что она бешеная. Я за Златой охочусь. А-а, я забыл, что Злата - это девчонка, что она пугливая такая! Теперь я Злате покажу, что такое у меня ногти. Я Злату буду учить. Я закрою дверь, и Злата не уйдёт, из нашего дома. Я Злату пошучу как-нибудь. Я скажу, чтоб Злата больше не ходила школу. Я скажу: ты просто меня замучила. Я Злате сделаю так, чтоб больше не дурила. Я её выключу, чтоб не говорили!*), некоторые предметы и явления окружающего мира, привлекающие внимание ребенка (*дерево, машина, поезд*): *Это не дерево! Он разломал, утоптал это дерево... Это дерево упало под грозу.*

Отметим, что не все существительные актуального грамматикона этого периода представлены формами именительного падежа, в отличие от актуального грамматикона старшего брата. Ср. *Злате* (дательный падеж, девочка выступает как постоянный партнер по коммуникации: *сказал Злате, подарил Злате*), *Злату* (винительный падеж: *позвал Злату, увидел Злату*); минут (много минут, сколько минут).

Изменения в актуальном грамматиконе младшего ребенка оказываются более активными, чем у старшего, но направление этих изменений, общее соотношение частей речи сопоставимо у двух детей.

2.3. Третий этап формирования актуального грамматикона ребенка в возрасте от четырех до пяти лет

Функциональный аспект предполагает расширение коммуникативных потребностей пятого года жизни: свободное общение, диалогическая и монологическая речь, завершение первичной социализации, выход за пределы семьи, готовность к овладению письменными формами речи. К концу этого периода завершается формирование основных грамматических категорий и овладение основными грамматическими формами в базовых функциях. Всё это сказывается на структурном и семантическом аспекте актуального грамматикона.

Рассмотрим грамматический состав речи старшего ребенка (Лев) (приложение 9), складывающийся к 5 годам (таблица 22).

Таблица 22

Состав частей речи старшего ребенка в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
V	1941	23,1	2278	18,6	2378	17,8
SPRO	1459	17,3	1753	14,3	1905	14,3
S	1905	22,6	2732	22,3	3216	24,1
PR	593	7,0	877	7,2	1052	7,9
PART	760	9,0	1384	11,3	1392	10,4
NUM	17	0,2	116	0,9	79	0,6

INTJ	150	1,8	154	1,3	78	0,6
CONJ	263	3,1	537	4,4	481	3,6
APRO	219	2,6	433	3,5	596	4,5
ANUM	8	0,1	23	0,2	23	0,2
ADVPRO	332	3,9	543	4,4	599	4,5
ADV	452	5,4	772	6,3	807	6,0
A	311	3,7	632	5,2	733	5,5

Самые частотные части речи по-прежнему существительное и глагол, местоимение, далее частицы и предлоги. Перестройка системы частей речи, как мы видим, продолжается, но изменения незначительны.

Доля существительных несколько вырастает, доля глаголов незначительно уменьшается, доля местоимений остается прежней. Доля частиц уменьшается на процент, доля предлогов на тот же процент вырастает, доля прилагательных, наречий, союзов, числительных изменяется менее чем на процент. Вероятно, если продолжить по годовое наблюдение, мы увидим столь же незначительные колебания долей частей речи в рамках 1-2 процентов. Мы не можем сделать это наблюдение на текущих данных, но можем сравнить полученные результаты с данными корпуса русского языка, подкорпуса устной речи.

Падежно-числовая парадигма существительного также не подвергается существенным изменениям (таблица 23).

Таблица 23

Падежные формы существительного старшего ребенка в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	810	42,4	1040	37,9	1198	37,2
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	454	23,8	489	17,8	562	17,5
Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	99	5,0	271	9,9	301	9,3
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	90	4,8	248	9,0	282	8,8
Творительный	101	5,0	134	4,9	221	6,9

падеж, единственное число (S, ins, sg)						
Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	58	3,0	126	4,6	192	6,0
Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	58	3,0	140	5,0	130	4,0
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	157	8,0	126	4,6	123	3,8
Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	21	1,0	51	1,9	83	2,6
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	19	1,0	53	1,9	48	1,5
Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	9	0,5	30	1,0	32	1,0
Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	7	0,4	24	0,9	29	0,9

В основном, доля падежно-числовых форм меняется на полпроцента-процент. Чуть заметнее, на 2% растет доля творительного падежа, ед. ч., основные функции: инструментальная, пространственная, объект мысли, совместность, - все были отмечены в предыдущий период, но теперь представлены не единичными, а относительно частотными формами: *А на «Дюймовочке» мы с мамой собаку съели. Мы с папой ходили туда, где «скорые помощи» живут! Вот так мы с папой, и с мамой, и со мной в театр шли... Сам был за спиной и ноги за спиной, а руки спереди. Ой, я видел паучка, маленького-маленького, с толстой спиной! Он поднимает хвостом грязь, а там, в грязи, мотыль! Если враги от колючек не убежат, то стегозавры хвостом отпугивают.*

Вероятно, дальнейшее преобразование падежно-числовой системы связано не с изменением их долей, а с дифференциацией значений падежной формы и конкуренцией падежных форм за выражение того или иного значения.

Лексический состав существительных продолжает расширяться вместе с расширением знаний о мире: лексемы называющие предметы быта, явления природы, животных и растений, в том числе относительно “экзотических”, города и страны (*Это так сильно размахивается **нунчаком**, что даже не рассмотришь! Нужно обыскать все места в **Африке**, чтоб найти **кости**. Наверное, **динозавры** хотели поймать **Кинг-Конга**. Они так смело бежали! Они как побегут за **стегозавром**, а **стегозавр** начнёт убежать! Это из **Монголии!***).

Что касается глагольного формоизменения, как мы можем видеть, перестройка системы личных форм, как и у существительных, по-видимому, завершается.

Таблица 24

Личные формы глагола старшего ребенка в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
1-лицо (V,indic,praes,1p)	192	26,0	229	22,9	253	23,6
2-лицо (V,indic,praes,2p)	53	7,2	98	9,8	116	10,8
3-лицо (V,indic,praes,3p)	364	49,3	410	41,0	439	41,0
1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	59	8,0	54	5,4	51	4,8
2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	5	0,7	2	0,2	9	0,8
3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	133	18,0	208	20,8	202	18,9

Доля самых частотных форм 3-го лица и 1-го лица ед. ч. меняется в границах 1 %, их главенство сохраняется. Доля форм 3-го лица мн. ч. уменьшается на 2%. Доля форм 2-го лица мн. ч. остается в рамках процента (не более 10 словоупотреблений: *хотите, будете, знаете, видите, играет*). Эти формы появляются в общении, чаще всего игровом, с несколькими субъектами (например, бабушка и брат), то есть в основном грамматическом значении 2-го лица мн. ч.: А во что вы **играете**? А какая мне рыба поймается, не **знаете**? Вы **разгуливайте**, куда хотите. **Хотите**, я вам дам одну денег? Вы **будете** играть представление, а я буду подсвечивать солнышко!

Лексический состав глаголов расширяется, продолжается

дифференциация значений уже имеющихся глаголов, основные группы глаголов те же, что выделены в прошлый период, но внутри тематических групп отмечается большее разнообразие. Например, в группе глаголов движения в период 3-4 лет у ребенка фиксируется 15 глаголов (*идти, ехать, плавать, возить, лазить, ходить, бегать, лететь, плыть, ползти, катать, лезть, летать, нести, ползать*) в 45 разных формах: *Ой, в глаза свет летит. Они идут сами! Тучи бегают.* В 4-5 лет глаголов этой группы 22 (*идти, ехать, плавать, возить, лазить, ходить, бегать, лететь, плыть, ползти, катать, лезть, летать, нести, ползать, бежать, везти, вести, гонять, ездить, носить, тащить*) в 53 разных формах: *Я ос гоняю этой палочкой. А вон видите: дядя велосипед тащит. А машину эвакуатор тащит.*

Состав служебных слов не претерпевает значительных изменений. Все также сохраняют частотность сочинительный союз *и*, противительные *а* и *но*, разделительный *или*, подчинительные *чтобы* и *если*. Арсенал предлогов значительно не меняется, предлоги *на, в, у* все так же самые частотные в своих основных значениях.

Полученные данные нуждаются в комментарии с точки зрения динамического становления грамматической системы в сравнении с данными лонгитюдных исследований. Как уже указывалось в параграфе 1.3, согласно приводимым данным к 5 годам осваивается число существительных — категория повелительности — падежи — категория времени — лицо глагола, род как согласовательный класс, что находит свое отражение в приводимых нами высказываниях конкретных детей. Параллельно происходит отмеченный онтолингвистами процесс систематизации грамматических форм по типам склонения и спряжения, усвоение многих единичных форм, исключений.

Этот процесс можно проследить на примере усвоения старшим ребенком вариантных окончаний родительного падежа мн. ч. существительного. В 2-3 года мы можем наблюдать начало освоения

вариантных окончаний, из 32 различных форм 8 (25%) употребляется с ненормативным вариантным окончанием: *Сколько камней! А сейчас нет камней. Я столько грибов насобирал! А у женщин нет бородав. А Буратинов возят на каком? Сколько газелев! Мы дождались стриж!* Часть ненормативных форм связана не только с усвоением вариантных окончаний, но и с необходимостью освоения супплетивных основ: *А заяц укладывает зайчонков спать. А мне сколько годов!* В 3-4 года из 158 различных форм 20 (12,7%) употребляется с ненормативным вариантным окончанием: *Посмотри наших друзей. Сколько там на пне колецв таких вот - столько дереву. Не конфетов, а лепёшек наедимся.* Супплетивные формы еще не освоены: *А потом мне будет десять годов.* В возрасте 4-5 лет из 210 различных форм родительного падежа мн. ч. ребенок использует с ненормативным вариантным окончанием 13 (6%): *Шалаш из прУтей. А я чего-то не видел в зоопарке, как львица львёнкв рождает. В сундук можно сколько угодно золот положить!* Ненормативное формообразование связано не столько с вариантными окончаниями, сколько с освоением категории числа существительного с неполной парадигмой и супплетивизмом основ. При этом супплетивность форм для выражения возраста освоена: *Улитки сто лет живут? Ему уже шесть лет. Наверное, я поступлю в семь лет в школу.*

К 5 годам общее соотношение частей речи, по-видимому, установлено, лексический запас постепенно нарастает, ядерные, основные функции словоформ усвоены, осваиваются низкочастотные периферийные грамматические значения. Продолжается приспособление когнитивной и грамматической компетенций, дети учатся выражать все более усложняющиеся знания о мире все более разнообразными (нюансированными) грамматическими конструкциями, что может проявляться в возникновении и расширении синонимии (конкуренции) падежных форм для выражения одного и того же значения, например, пространственного значения: *Мы стол вынесли на улицу и на улице кушали. Нет, это мы не на улицу берём!*; состояния субъекта: *Я квас не люблю,*

потому что он островатый такой. Пакеты, которые я люблю, я никогда не выкидываю. Чёрная мне не нравится. Чёрная это скучная краска! А какая мне рыба поймается, не знаете?

Выделим актуальный грамматикон ребенка этого возраста на основаниях частоты употребления той или иной словоформы. Представленные в нем грамматические формы можно увидеть в приложении 10. Рассмотрим частеречный состав актуального грамматикона, сложившийся в этот период (таблица 25).

Таблица 25

Частеречный состав актуального грамматикона старшего брата в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
V	339	7,9	298	4,8	354	5,2
SPRO	1373	32,1	1654	26,6	1810	26,8
S	305	7,1	154	2,5	187	2,8
PR	564	13,2	842	13,6	1041	15,4
PART	731	17,1	1332	21,5	1342	19,9
NUM	0	0,0	58	0,9	25	0,4
INTJ	36	0,8	117	1,9	35	0,5
CONJ	241	5,6	526	8,5	474	7,0
APRO	95	2,2	256	4,1	388	5,7
ANUM	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ADVPRO	312	7,3	506	8,2	575	8,5
ADV	261	6,1	430	6,9	497	7,4
A	23	0,5	35	0,6	32	0,5

В ядре грамматических форм остаются личные местоимения в формах как именительного, так и косвенных падежей единственного и мн. ч.. Контексты и ситуации такие же, как в предшествующий период, востребованность именно местоимений в актуальном грамматиконе объясняется характером непосредственной устной коммуникации, предполагающей широкое использование слов заменителей субъектов действия, объектов и обстоятельств известных коммуникантам из самой ситуации общения и не нуждающихся зачастую в специальной номинации).

Прилагательные представлены двумя формами, проявляющими удивительную устойчивость: *большой* и *маленький*, именительного и

винительного падежа, ед. ч., мужского рода (*А у нас есть очень **маленький** сомик, ну, такой **средний!** Не очень **большой!** Вот смотри, какой **большой** автовокзалище!*). Подтверждается установленное на предыдущем этапе сохранение базовой семантической оппозиции большой-маленький и малая востребованность прилагательных в актуальном грамматиконе. (Возможная причина заключается как в многозначности каждого из прилагательных, так и в расширительном значении самой оппозиции, которая принимает на себя множество близких значений: *В «Остров сокровищ» там **маленький** кусочек кина, а в этих кинах там одни песни. А я такой **маленький!** Вот я, **маленький**, эту книжку подрал. Такой листик **маленький** дворникам даже и не увидеть!* В грамматиконе появляется прилагательное *пожарная*: пожарная машина как любимая игрушка, как предмет увлечения, регулярно возникает в речи старшего ребенка: *А эту **пожарную** называют бибикалка. **Пожарная** пищит, чтобы кто-то ей пропустил дорогу. **Пожарная** машина, а то люди дуют, а никак не потушает пожар!* Одно слово выступает и как прилагательное, и субстантив, такого рода примеры могут расцениваться как семантическое включение, характерное для речи детей младшего и среднего дошкольного возраста. Само прилагательное, обозначающее признак, выступает в сознании ребенка как неотъемлемая часть обозначаемого предмета. Появление этого прилагательного в актуальном грамматиконе может рассматриваться как проявление ситуативного, очевидно возрастного и быстро проходящего интереса, увлечения конкретного ребенка. Но наличие этой или подобной словоформы (ср. имя Злата как номинация постоянного коммуниканта у младшего брата в предыдущий период) может служить и подтверждением операциональности предложенной нами модели актуального грамматикона для выявления не только универсальных, но и индивидуальных особенностей усвоения языка конкретным ребенком, индивидуальной языковой личностью.

Наречий в этом ядре все также значительно больше, чем прилагательных. Наречия передают временные, пространственные,

модальные характеристики действий, степень их завершенности (*Эта мельница такая карусель, на ней можно покачаться, на пропеллере. А к пожарным можно через этот тоннель пройти! Это так сильно размахивается нунчаком, что даже не рассмотришь! Я тут сильно от машины испугался. Я сделал дереву немножко ветерка, чтоб оно немножко подросло...*). Возможно больший процент наречий (по сравнению с прилагательными, также обозначающими признак) в актуальном грамматиконе связан не только с отмеченным нами ранее преобладанием глаголов и их организующим положением в синтаксисе устной речи, но и возможностью самих наречий выступать в качестве синтаксического центра высказывания, то есть предикатива: *Не надо мне помогать. Да не надо учиться! Как готовишь так уже и готовь! Да надо!*

Доля числительных уменьшается, но колебания размеров этой доли, вероятно, не значимо, так как набор числительных принципиально не меняется: это числительные *два* и *три* в уже отмечавшихся ранее контекстах устного счета в бытовой коммуникации.

Арсенал частиц расширяется, но доля их остается прежней, самыми частотными остаются частицы *а, не, да* и *нет, ни, вот, то, даже, просто* (Интересно отметить роль частицы *а*, ее семантическую нагруженность, в организации высказывания и шире в организации предречевой готовности говорящего, но это требует специального рассмотрения, не являющегося нашей целью. Однако ее постоянство и частотность в актуальном грамматиконе предполагают, что такое исследование будет небесполезным в дальнейшем.). Союзы *и, а, но, или* а также подчинительные *чтобы* и *если* остаются в ядре грамматикона, новые союзы в ядре не появляются. Все предлоги, которые появлялись в ядре грамматикона на предыдущем этапе, в нем и остаются. Предлоги простые: *у, в, на, с, от, за, по, из* - самые частотные, выполняют те же основные функции и появляются в тех же коммуникативных ситуациях, что и в предыдущий период.

Доля глаголов и существительных в актуальном грамматиконе практически не меняется по сравнению с предыдущим этапом (5% и 3% соответственно). Доля глаголов все также больше доли существительных, в отличие от общего грамматикона этого периода. Вероятно, этот факт нуждается в отдельном комментарии в аспекте актантной теории глаголов, общей предикативности внутренней речи и взаимодействии ментального грамматикона и собственно речи (Ю.Н. Караулов отмечал, например, что глагол более активен в ассоциировании с местоимениями, чем существительными [Караулов 1993: 61]). Имеет смысл сравнить соотношение глаголов и существительных в разных речевых сферах по данным НКРЯ.

Словоформы глагола *быть* (*будет, буду, был, была, есть, было, будут, будем, будешь, были*) расширяют свое присутствие в актуальном грамматиконе (возможные причины: вспомогательный глагол, передает грамматическое значение, сочетается и с глаголами, и с прилагательными, и с существительными): *Мы тогда **будем** проверкой зубы лечить. Где-то у меня **были** лечебные вещи. А во вторник, в среду, во все будние не **будешь** поливать...*

Другие глагольные словоформы, которые присутствуют в грамматиконе хотя бы в двух формах, это: *смотри, смотрите, любит, люблю* (*Я не **люблю** такие помидоры. Я квас не **люблю**, потому что он островатый такой. Паук говорил, что **любит** гранатовый сок. Папина дрель сильно варенье **любит!***). Словоформы модальных глаголов остаются в актуальном грамматиконе в форме 1-го лица ед. ч.: *хочу, могу*, которые делают возможным отнесение модуса к своей личности.

В актуальном грамматиконе сохраняются словоформы существительных в им. п. единственном числе, называющие членов семьи (*мама, Женька, папа, баб*), то есть участников коммуникации. Набор словоформ, называющих игрушки и предметы окружающего мира, вызывающие детский интерес, преимущественно в именительном и иногда винительном падеже (*машина, огонь, вода, динозавры, землю, воду*): *Под **воду***

подсунет бельё, вытянет... Что там они пили! Одну **воду!** Одна **вода** — это ерунда! Видишь, **вода** замутнела. По этому желобку **вода** из лужи протекает в ту трубу. Как уже отмечалось ранее, в актуальном грамматиконе, вероятно, сохраняются именно те падежные формы существительных, которые обозначают субъект потенциального действия или тему постоянного активного интереса ребенка, благодаря небольшому объему детского актуального грамматикона, еще не скрытому от наблюдателя. Таким образом обозначения предметов в грамматиконе оказываются менее востребованы, чем обозначения действий, т.к. предмет речи (действующий субъект и даже объект известны ребенку) – согласно законам внутренней речи.

Проанализируем грамматический состав речи младшего ребенка (Женя) (приложение 11). Завершается, по-видимому, перестройка системы частей речи (таблица 26).

Таблица 26

Состав частей речи младшего ребенка в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
V	613	24,0	1800	20,6	2230	19,8
SPRO	511	20,0	1561	17,8	1967	17,5
S	534	20,9	1968	22,5	2318	20,6
PR	113	4,4	600	6,9	821	7,3
PART	295	11,5	929	10,6	1202	10,7
NUM	8	0,3	88	1,0	99	0,9
INTJ	12	0,5	77	0,9	80	0,7
CONJ	39	1,5	275	3,1	447	4,0
APRO	63	2,5	254	2,9	313	2,8
ANUM	3	0,1	11	0,1	28	0,2
ADVPRO	104	4,1	390	4,5	598	5,3
ADV	172	6,7	489	5,6	809	7,2
A	89	3,5	287	3,3	342	3,0

Существительное и глагол остаются самыми частотными частями речи, как и в грамматиконе старшего брата. Доля глаголов и местоимений значительно не меняется (уменьшается менее чем на 1 %). Оставшиеся части

речи также остаются примерно в тех же границах, что и на прошлом этапе (колебания в рамках 1-1,5%). Что касается сходства с показателями частей речи в грамматиконе старшего брата, то доля предлогов, союзов, частиц, наречий, числительных соответствует показателям этих частей речи в грамматиконе старшего брата. Максимальная разница в 2-3% между братьями отмечается в таких частях речи, как существительные, глаголы, местоимения и прилагательные. Вообще, можно отметить, что вся перестройка, которая происходит в системе частей речи младшего ребенка отклоняется от границ долей частей речи, очерченных в грамматиконе старшего брата незначительно. Самое заметное различие в процентном соотношении частей в грамматиконе старшего и младшего ребенка относится к местоимениям (14% у старшего и 17,5% у младшего). Арсенал словоформ местоимений при этом схож с набором словоформ старшего брата, преимущественно, личные местоимения в разных падежных формах, указательные и вопросительные местоимения, а частота употребления в речи несколько выше.

Падежно-числовая парадигма существительного выглядит следующим образом (таблица 27):

Таблица 27

Падежные формы существительного младшего ребенка в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	5	0,9	15	0,8	30	2,2
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	29	5,4	89	4,5	144	7,0
Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	21	3,9	79	4,0	104	5,0
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	32	6,0	112	5,7	140	6,6
Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	2	0,4	11	0,6	23	1,9
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	13	2,4	129	6,5	87	4,5

Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	35	6,6	190	9,6	116	8,9
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	261	48,9	797	40,5	816	35,9
Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	2	0,4	16	0,8	22	2,0
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	10	1,9	40	2,0	28	2,1
Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	13	2,4	70	3,6	183	5,3
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	97	18,2	375	19,0	438	18,9

Доля форм им. п. ед. ч. уменьшается. Доля остальных падежно-числовых форм меняется незначительно и приближается к показателям старшего брата (разница между этими показателями 1-2%). Лексический состав этой части речи расширяется и дифференцируется: становится больше названий родственников, имен собственных и названий игрушек, предметов и явлений окружающего ребенка мира (ограниченного домом, детской площадкой, городским районом) (*Турникет не прищемляет: это принтер-турникет. Нам сегодня на шахматы не играть, просто они возле шахмат уехали на соревнование! Ловушка-тюрьма!*). Возможно, за счет необходимости расширить лексический запас, «догнать» брата, происходит набор и освоение новых лексем, которые усваиваются в первую очередь в именительном падеже как названия-этикетки новых предметов.

Глагольное формоизменение на примере личных форм глагола (таблица 28) выглядит следующим образом:

Таблица 28

Личные формы глагола младшего ребенка в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Грамматическая форма	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
1-лицо (V,indic,praes,1p)	125,0	43,3	317	35,2	308	29,2
2-лицо (V,indic,praes,2p)	19,0	6,6	85	9,4	148	14,1
3-лицо (V,indic,praes,3p)	79,0	27,3	288	32,0	426	40,5
1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	28,0	9,7	53	5,9	25	2,4

2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	1,0	0,3	6	0,7	13	1,2
3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	34,0	11,8	116	12,9	129	12,3

Доля форм 1-го лица ед. ч. уменьшается, а формы 3-го лица ед. ч. становятся самыми частотными. Доля форм 2-го лица ед. ч. вырастает на 5% (показатель на 3% выше, чем у старшего брата). Уменьшается доля форм 1-го лица мн. ч. (их на 3% меньше, чем у старшего брата) и остается неизменной доля форм 3-го лица мн. ч. Формы 2-го лица мн. ч. все также представлены единичными экземплярами (*знаете, будете, получите, любите, поохраните, удивитесь, ходите*), которые появляются в вопросительных конструкциях в коммуникации с несколькими субъектами (*А вы любите динозавров? Вы ходите к водопаду? Хотите хамелеонную кашу? Знаете, почему я так много воды пью? А вы знаете, когда надо будет выключать?*). Лексический состав глаголов расширяется по тому же принципу, что и у старшего брата: основные тематические группы те же, что и в предыдущий период, но внутри этих групп появляются новые лексемы. Например, в группе глаголов речи в период 3-4 лет у ребенка фиксируется 6 глаголов (*говорить, сказать, рассказывать, договариваться, порассказывать, спрашивать*) в 21 разной форме: *А как говорят протрел... Я протёр ноги. Я честно говорю! А я говорю: подстригнет. Я скажу, хочешь, тебе свой секрет. Только я скажу, чтобы он не был злым.* В 4-5 лет глаголов этой группы 8 (*разговаривать, разговариваться, сказать, рассказывать, закричать, кричать, спрашивать, объяснить*) в 28 разных формах: *Это я говорю по-страусински! Такое тётя говорила на метро. Родители придут и скажут: «Где я?». Баба, я сейчас скажу тебе секрет: шу-шу. Но я не расскажу. Сама посмотришь. Я не знаю, как рассказать.*

Служебные слова также не претерпевают значительных изменений. Все также сохраняют частотность сочинительный союз *и*, противительные *а* и *но*, разделительный *или*, подчинительные *чтоб, чтобы* и *если*. Арсенал

предлогов растет, их разнообразие и частота употребления сравнимы с их составом и частотой в грамматиконе старшего брата. Предлоги простые, *на, в, у, с* самые частотные (их частотные функции усвоены, например, ребенок не ошибается в употреблении предлога *в* для выражения временных и пространственных отношений: *Около церкви там надо идти по лесу и придёшь в Конь-камень. Так что завтра в час у меня будет ещё один родитель. А ты в каком вагоне ехал? Баб, а ты вообще когда-нибудь в воду лезла, под водой ныряла?* А в употреблении предлога *на*, который при выражении пространственных отношений, видимо, испытывает большую конкуренцию, ошибки еще возникают: *Я устал, мы были на шахматах. Мы на Валаам плыли не под водой, а на воде*).

Если сопоставлять частеречный состав грамматикона старшего и младшего брата к 5 годам (таблица 29), то можно отметить, что разница между частеречными наборами младшего и старшего ребенка касается соотношения глаголов, существительных, местоимений и прилагательных, при этом разница между указанными частями речи не превышает 3-3,5%, соотношение остальных частей речи и общая частотность заметно не отличаются.

Таблица 29

Частеречный состав грамматикона старшего и младшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений старшего брата	Процент	Количество словоупотреблений младшего брата	Процент
V	2378	17,8	2230	19,8
SPRO	1905	14,3	1967	17,5
S	3216	24,1	2318	20,6
PR	1052	7,9	821	7,3
PART	1392	10,4	1202	10,7
NUM	79	0,6	99	0,9
INTJ	78	0,6	80	0,7
CONJ	481	3,6	447	4,0
APRO	596	4,5	313	2,8
ANUM	23	0,2	28	0,2
ADVPRO	599	4,5	598	5,3
ADV	807	6,0	809	7,2
A	733	5,5	342	3,0

Отличается, как было показано выше, наполнение части речи конкретными словоформами, функциональная «нагрузка» местоимений в речи коммуникативно активного младшего ребенка и существительных у склонного к категоризации и аналитическому представлению мира старшего. К 5-му году жизни грамматическая система детей устанавливается в ее общих очертаниях, усваиваются базовые параметры и категории русской грамматики.

Выделим актуальный грамматикон младшего ребенка в этом возрасте на основаниях частоты употребления той или иной словоформы. Представленные в нем грамматические формы можно увидеть в приложении 12. Обратимся к частеречному составу актуального грамматикона, сложившегося в этот период (таблица 30).

Таблица 30

Частеречный состав актуального грамматикона младшего брата в возрасте 2-3, 3-4 и 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений в период 2-3 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 3-4 лет	Процент	Количество словоупотреблений в период 4-5 лет	Процент
V	108	8,4	334	7,4	308	5,4
SPRO	479	37,1	1435	32,0	1840	32,1
S	93	7,2	254	5,7	118	2,1
PR	100	7,7	558	12,4	778	13,6
PART	275	21,3	870	19,4	1117	19,5
NUM	4	0,3	25	0,6	39	0,7
INTJ	4	0,3	24	0,5	45	0,8
CONJ	24	1,9	262	5,8	429	7,5
APRO	19	1,5	91	2,0	80	1,4
ANUM	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ADVPRO	87	6,7	356	7,9	563	9,8
ADV	99	7,7	279	6,2	412	7,2
A	0	0,0	0	0,0	0	0,0

В ядро грамматических форм все также попадают, в первую очередь, личные местоимения в формах именительного (*я, ты, он, они, оно, мы*), винительного, родительного и дательного падежа (местоименный состав актуального грамматикона старшего брата аналогичен). Прилагательные в ядро грамматикона не попадают, в отличие от наречий, которые передают временные, пространственные, модальные характеристики действий, степень

их завершенности (при описании актуального грамматикона старшего брата уже указывали на возможную причину частотности наречий, связанную с активностью в ассоциативно-вербальной сети глаголов и потенциальной предикативностью наречия, которая может быть реализована в речи: *Ему **нельзя**, у него рога очень сильные. Там **нельзя** кататься: там поезд отсоединил свой вагон. Но сюда **нельзя** посадить никого. А воду никак **нельзя** взять. Видишь, сколько много их **надо** раскалывать. **Надо** выключить свет. Меня **надо** держать в холодильнике, как пингвина).*

Доля числительных увеличивается, но колебание размеров этой доли, вероятно, не значимо, так как набор числительных принципиально не меняется: это числительные два и три (числительные в актуальном грамматиконе остаются в тех же долях и представлены теми же словоформами, в связи с их востребованностью в повседневной коммуникации: ***Раз** этаж для меня! **Два** этаж для меня! **Три** этаж для меня! Смотри, как я могу: **раз, два, три** – пры-и-жок! Вам надо заплатить **два** билета. За то, что покатались. **Два** билета будет? С вас билеты! **Два** билета: один младший, другой старший).*

Частицы все так же стабильно остаются в ядре грамматикона. Союзы *и, а, но*, а также подчинительные *если, чтоб* остаются в ядре грамматикона, что свидетельствует об их устойчивости и востребованности в устной речи. Например, союз *если* в этот период регулярно используется в конструкциях, выявляющих или проверяющих причинно-следственные связи в окружающем ребенка мире, в бытовых, повседневных ситуациях: *А **если** я забыл, где право, где лево, я – по ногам. Где эта ранка – право, а где нет ранки – лево. А кто быстрее: собака или человек? А **если** они вместе бежат? А что будет, **если** налить воды... Эту машинку! Её можно обмануть: **если** положить вниз – она повезёт вверх. **Если** будешь заходить на рынок, мне крючки нужны. А что будет, **если** Топу покормить рыбьего корма.*

В ядре грамматикона остаются простые предлоги: *в, на, у, с, по* - самые частотные. Частицы, союзы и предлоги остаются постоянными и в тех же основных функциях, что и в прошлый период, и в тех же пределах и функциях, что и у старшего брата.

Доля глаголов (5%) и существительных (2%) в актуальном грамматиконе снижается по сравнению с предыдущим этапом, и приближается к показателям старшего брата. В ядре остаются те же, что и в предыдущий период словоформы глагола *быть* (*будет, буду, есть, было, были*), модальные глаголы (*хочу*), контактоустанавливающие глаголы (*смотри, давай, знаешь*) в тех же функциях и контекстах, что и ранее. Глагол *идёт* в разных значениях (как в предыдущий период у старшего брата): *Это по проводам **идёт** воздух и нас охлаждает. Баб, а ты знаешь, откуда ток **идёт**? А на Востоке сколько железных дорог? А после Востока что **идёт**, баб? Звездопад **идёт**! Баб, я вижу человека. По лужам **идёт**.*

Словоформ существительных, попадающих в актуальный грамматикон, всего три (*баб* (сокр. от *баба*), *папа, мама*) в им. п. единственном числе, называющие членов семьи. Вероятно, эти коммуниканты самые частотные, но в актуальный грамматикон как младшего, так и старшего брата словоформа *баба* (*баб*) попадает как звательная форма, выступающая обращением в непосредственной коммуникации, словоформы *мама* и *папа* могут называть как собеседника, так и предмет речи: ***Баб**, а хорошо, что он их любит, да? А кто у тебя окошко разбил, **баб**? **Папа**, тебя **мама** зовёт по трубке. А **мама** с **папой** сейчас не думают, что у нас уже чистота? **Мама** с **папой** не думают?*

Сопоставляя актуальный грамматикон двух детей в возрасте 2-3 лет (см. п. 2.1), мы отмечали, что разница между частеречными наборами младшего и старшего ребенка может достигать 5%, однако общее соотношение частей речи и их частотность заметно не отличаются, различно наполнение частей речи конкретными словоформами. Это же утверждение

верно и при рассмотрении актуального грамматикона двух братьев в возрасте 4-5 лет (таблица 31).

Таблица 31

Частеречный состав актуального грамматикона старшего и младшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений старшего брата	Процент	Количество словоупотреблений младшего брата	Процент
V	354	5,2	308	5,4
SPRO	1810	26,8	1840	32,1
S	187	2,8	118	2,1
PR	1041	15,4	778	13,6
PART	1342	19,9	1117	19,5
NUM	25	0,4	39	0,7
INTJ	35	0,5	45	0,8
CONJ	474	7,0	429	7,5
APRO	388	5,7	80	1,4
ANUM	0	0,0	0	0,0
ADVPRO	575	8,5	563	9,8
ADV	497	7,4	412	7,2
A	32	0,5	0	0,0

Заметим, что разница между актуальными грамматиконами двух братьев в первый и последний периоды связана с частями речи, доли которых в ядре грамматикона отличаются. В период 2-3 лет разница в 3,5%-5% в местоимениях-существительных и частицах (у младшего брата их доля в актуальном грамматиконе выше, чем у старшего), предлогах и союзах (у старшего брата их доля в актуальном грамматиконе выше, чем у младшего). В период 4-5 лет разница в 4%-5% в местоимениях-существительных (у младшего брата их доля в актуальном грамматиконе остается выше, чем у старшего), и местоимениях-прилагательных (у старшего брата их доля в актуальном грамматиконе выше, чем у младшего). Местоимение-прилагательное (*такой, такая, такие, какой, этот* и т.п.), категория, которая выделяется программами автоматизированной грамматической разметки (Национальный корпус русского языка также использует разделение местоимений на местоимения-существительные, местоименные наречия и местоимения-прилагательные). Разница в частицах, предлогах и союзах в актуальных грамматиконах двух братьев 4-5 лет не отмечается. С

нашей точки зрения, это может свидетельствовать о том, что ядро актуального грамматикона, необходимое для осуществления речевой деятельности на русском языке, сформировано. Поверхностные синтаксические структуры перешли в глубинные, необходимый набор средств (союзов и предлогов) для синтаксического оформления русской речи в актуальном грамматиконе имеется, и это набор будет более или менее инвариантным, постоянным для носителя русского языка, варианты же предлоги и союзы, обеспечивающие индивидуальность, дифференцированность синтаксического оформления высказывания, существуют на периферии актуального грамматикона. Хотя подобное утверждение безусловно нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке.

Общее преобладание местоимений над существительными и тем более прилагательными в актуальном грамматиконе уже отмечались нами на предыдущих этапах анализа. Разница в роли местоимений-существительных в актуальном грамматиконе двух братьев (у младшего брата доля местоимений-существительных в каждый возрастной период была выше, чем у старшего) также отмечалась. Местоимения-прилагательные также присутствуют в актуальном грамматиконе обоих братьев, но с периода 3-4 лет у старшего брата доля таких местоимений всегда выше, чем у младшего, эти данные соотносятся с небольшим (менее 1%), но постоянным присутствием в ядре грамматикона старшего брата прилагательных и полным отсутствием прилагательных в ядре грамматикона младшего брата. Возможно, большая доля прилагательных-местоимений и наличие прилагательных в актуальном грамматиконе одного ребенка и отсутствие прилагательных и меньшая доля прилагательных-местоимений в грамматиконе другого связаны не только с индивидуальными стратегиями освоения языка, но и с механизмами обработки и воспроизведения речевой информации (с латеральными профилями детей), с индивидуальными речевыми практиками. Это

предположение также нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке, что не является задачей данного исследования.

Необходимо отметить некоторые тенденции, выявленные на основе представленных данных:

1. Подтверждение данных, полученных исследователями детской речи на основе лонгитюдных наблюдений. Первые формы, которые усваиваются ребенком и первые оппозиции, которые образуют эти формы, остаются частотными на дальнейших этапах овладения грамматикой, в частности, оппозиции им. п. ед. ч. – вин. п. ед. ч., им. п. мн. ч. – вин. п. мн. ч., оппозиция 1-го и 3-го лица глагола, мужского – женского рода, как основной родовой оппозиции.

Низкочастотными оказываются формы дательного падежа, 2-го лица мн. ч. глаголов, редко используемые формы среднего рода прилагательных.

2. В ядре грамматикона (актуальном грамматиконе) отмечается небольшое, но постоянное преобладание глаголов над существительными в актуальном грамматиконе в сочетании с большой долей наречий, которые могут выступать в качестве предикатов. Этот факт может найти объяснение в общей предикативности внутренней речи, которая не предполагает указания на предмет мысли и так известный говорящему, соответственно ментальный грамматикон, как звено-посредник между внутренней речью и собственно речью отражает эту предикативность.

С другой стороны, роль глагола или предикативного наречия как организующего центра подавляющего большинства высказываний сочетается с возможностью заполнения актантных позиций при глаголах не только существительными, но и местоимениями, доля которых в актуальном грамматиконе, выделяемом нами, достаточно велика. Сами местоимения также не указывают на конкретный предмет мысли, сохраняя общую предикативность внутренней речи.

3. Вариативное и динамическое состояние актуального грамматикона. Динамичность актуального грамматикона предполагает, что он не только

изменяется, расширяется, усложняется и наполняется с возрастом, по мере развития языковой личности, но и способен включать в себя личностные компоненты (вещи, события, коммуникантов, актуальные для ребенка в определенный период) и заменять их на другие в рамках устойчивой грамматической структуры. Вариативный характер связан с возможностью актуального грамматикона отражать разные стратегии освоения языка при поддержании общей способности и готовности к речевой деятельности.

Прежде, чем перейти к следующему этапу нашего исследования обобщим полученные в результате корпусного исследования данные в аспекте стратегий освоения языка. Собранные и проанализированные нами данные о грамматическом развитии детей в возрасте от 2 до 5 лет могут получить интерпретацию в свете вариативности речевого онтогенеза (см. подробнее у [Доброва 2009]).

Отметим параметры, по которым можно различить референциальную и экспрессивную стратегию освоения языка. Эти стратегии используются для оценки раннего речевого развития и «к 3-4 годам эти различия постепенно стираются, перестают быть видимыми» [Доброва 2014], но мы также используем данные о речевом развитии детей 4-5 лет, так как «основные различия в речевом — и не только речевом — развитии детей этих двух типов сохраняются и в более позднем возрасте. Естественно, применительно к детям более старшего возраста термины «референциальный» / «экспрессивный» уже не применяются, но, как бы исследователи ни называли эти две группы детей, эти различия имеют место, они существенны и оказывают самое серьезное воздействие на успешность обучения детей в школьном возрасте ...» [Доброва 2014].

Целью исследования не является интерпретация речевого развития двух братьев по всем предложенным параметрам: фонетическим, лексическим, семантическим. Однако можно отметить, что полученные нами данные соотносятся с группой грамматических параметров, свойственных той или иной стратегии.

1. У референциальных детей отмечается отсутствие склонности к готовым формулам и «застывшим» выражениям, тогда как экспрессивные дети склонны к использованию готовых формул и «застывших» выражений, почерпнутых из языка взрослых. Частотность в высказываниях младшего брата устойчивых выражений, преимущественно из языка взрослых, в том числе обладающих более сложным синтаксисом, чем тот, которым пользуется ребенок, свидетельствует о его склонности к экспрессивной стратегии по этому параметру: *Я - Женя! Просьба не говорить это. Я ж нагулялся сегодня! Нет, в часы пик не были пробки! Всё выше стремим мы полёт наших крыл. Баб, а с какой целью, они приходят в зоопарк? Что ты за балбес такая? Ну, хватит. Я устал. Сколько часов, сколько часов!*

2. У референциальных детей отмечается более частое, чем у экспрессивных детей, использование прилагательных. По этому параметру грамматиконы братьев различаются на протяжении всех трех периодов. Общая доля прилагательных на первом этапе у старшего брата и младшего брата примерно равны в процентном соотношении (4% и 3,5% соответственно), на следующих этапах этот разрыв несколько увеличивается и сохраняется (5% и 3% на 3-4-м году жизни, 5,5% и 3% на 4-5-м году). Что еще показательней, в актуальный грамматикон младшего брата прилагательные не попадают, тогда как в актуальном грамматиконе старшего брата они присутствуют в каждом анализируемом периоде. Таким образом показатели старшего брата коррелируют с референциальной стратегией освоения языка, а младшего брата – с экспрессивной по этому параметру.

3. Для референциальных детей характерна референция к себе и другим с помощью существительных, для экспрессивных детей – с помощью местоимений. Возможно, этот показатель коррелирует с долей местоимений как в частеречном составе высказываний ребенка, так и в его актуальном грамматиконе. У старшего брата доля местоимений меньше, чем у младшего на каждом из этапов. Младший демонстрирует устойчивое преобладание

местоимений-существительных как в общем, так и в актуальном грамматиконе.

4. Референциальная стратегия предполагает ориентацию на предметы, экспрессивная – на людей. В свете данных выделенного нами актуального грамматикона этот параметр коррелирует с систематическим интересом младшего брата к коммуникации, который проявляется в большем количестве коммуникантов в высказываниях и в актуальном грамматиконе (*баб, Лёвка, мама, папа, Злата* и т.д.), в большем количестве глаголов в форме повелительного наклонения в контактоустанавливающих функциях (*смотри, давай*), в большем количестве употреблений модальных глаголов (*хочу, хочешь*), предполагающих ориентацию на себя и свои эмоции, на людей и их желания. У старшего ребенка в актуальном грамматиконе помимо устойчивых коммуникантов (*баба, мама, папа, Женька*) чаще появляются предметы в широком смысле (*машина, змея, жук*).

Таким образом, выделенные нами грамматические параметры речи старшего брата (Лев) соотносятся с референциальной стратегией освоения языка, а младшего брата (Женя) с экспрессивной стратегией. Представленная нами модель актуального грамматикона потенциально обладает операциональной силой для описания вариативности языкового развития.

Выводы

1. На основании критериев частотности и востребованности ГФ в разных речевых ситуациях выделены СФ, которые составляют ядро актуального грамматикона, обеспечивают создание 50-60 процентов речевого продукта. Это формы им. п. ед. ч., вин. п. ед. ч., им. п. мн. ч., вин. п. мн. ч. существительного, 1-го и 3-го лица глагола, м. р. и ж. р. прилагательного. Низкочастотными оказываются формы дат. п., 2-го лица мн. ч. глаголов, редко используемые формы ср. р. прилагательных.

2. Продемонстрировано, что первые формы, которые усваиваются ребенком и первые оппозиции, которые образуют эти формы, остаются

частотными на дальнейших этапах овладения грамматикой (в 2-3 года, в 3-4 года, в 4-5 лет) в различных коммуникативных ситуациях.

3. Анализ материала позволил доказать, что усвоение грамматического значения словоформы возможно без формирования полной парадигмы конкретной леммы. Это соотносится с устройством ассоциативной парадигмы, диссипированной и лексикализованной, собирающейся из экземплярных, аналогичных форм (см. анализ форм изъявительного и повелительного наклонения глагола в п. 2.1). Грамматические категории в сознании ребенка сначала формируются как семантические оппозиции, из которых в дальнейшем собираются грамматические парадигмы. Важным является вывод о том, что ассоциативные парадигмы становятся образцами формообразования изменяемых частей речи. (см. анализ форм 1-го лица ед. ч. в актуальном грамматиконе ребенка в п. 2.1).

4. Корпусные данные коррелируют с лонгитюдными наблюдениями относительно преобладания в актуальном грамматиконе глаголов над существительными, что может объясняться общей предикативностью внутренней речи, которая не предполагает указания на предмет мысли, известный говорящему. Соответственно ментальный грамматикон, выступая как звено-посредник между внутренней речью и внешней речью, отражает эту предикативность. При этом глагол выступает как организующий центр высказываний, что сочетается с возможностью заполнения актантных позиций при глаголах местоимениями, доля которых в актуальном грамматиконе, выделяемом нами, достаточно велика. Сами местоимения также не указывают на конкретный предмет мысли, сохраняя общую предикативность внутренней речи.

5. Вариативное и динамическое состояние актуального грамматикона. предполагает, что он не только изменяется, расширяется, усложняется и наполняется с возрастом, по мере развития языковой личности, но и способен включать в себя личностные компоненты (лексическое наполнение

грамматических форм) и заменять их на другие в рамках устойчивой грамматической структуры.

6. На данном этапе исследования логика моделирования актуального грамматикона включала в себя создание грамматического корпуса детской речи, анализ частотности грамматических форм в речи ребенка определенного возраста, выделение на основе этих данных ядра словоформ, составляющих основу актуального грамматикона ребенка.

ГЛАВА 3. Актуальный грамматикон в свете данных ассоциативной грамматики

Анализ грамматических и лексических фактов речевой деятельности ребенка определенного возраста по материалам лонгитюдных наблюдений, дневниковых записей позволил выделить наиболее частотные СФ, которые составляют актуальный грамматикон, обеспечивающий его максимальную предречевую готовность на следующих этапах развития языковой способности.

Данная глава посвящена анализу фактов речевой деятельности взрослой (усреднённой) языковой личности по данным ассоциативной грамматики.

Для оценки операциональности предложенной нами модели актуального грамматикона представляется продуктивным сопоставление выделенного на предыдущем этапе исследования ядра актуального грамматикона с данными ассоциативно-вербальной сети, пилотного эксперимента и национального корпуса русского языка.

3.1. Актуальный грамматикон в свете данных ассоциативных словарей

Логика исследования предполагает переход от индивидуальных особенностей освоения ГФ ребенком к универсальным стратегиям поэтапного формирования грамматического уровня языковой способности личности в ходе онтогенетического развития. Так, нами был выделен актуальный грамматикон двух детей (братьев) в возрасте 4-5 лет с разными стратегиями освоения языка и с некоторыми *индивидуальными* особенностями ядра грамматикона (см. гл. 2). С целью выделения *инварианта* актуального грамматикона ребенка 4-5 лет необходимо выбрать

из двух наборов те словоформы, которые присутствуют в актуальном грамматиконе как старшего, так и младшего брата.

Получившийся инвариант актуального грамматикона необходимо охарактеризовать с точки зрения его активности в ассоциативно-вербальной сети, определить потенциальную синтаксическую активность входящих в него словоформ. Именно потенциальную, поскольку нас интересует морфологическая характеристика словоформ, синтаксис не является предметом нашего прямого рассмотрения и может составлять перспективу исследования.

Характеризуя активность словоформ в ассоциативно-вербальной сети, обратимся к понятию ассоциативного потенциала слова, рассматриваемый, вслед за Т.А. Гридиной, как «... совокупность формально-семантических реакций, которые может вызывать слово в сознании носителей языка – с учетом динамики их актуализации в дискурсивных практиках социума и конкретных индивидуумов» (см. [Гридина 1996, 2009, 2015: 149]). Такой подход позволяет характеризовать структуру ассоциативного поля в виде «... набора ассоциативных проекций, потенциально актуализирующих как системно обусловленные, так и контекстуальные связи вербальных единиц» [Гридина 2015: 149]. В рамках нашего исследования не представляется возможным оценить частотность той или иной словоформы в ассоциативно-вербальной сети, но не исключается оценка ее ассоциативного потенциала как ассоциативной валентности словоформы, ее способности сочетаться, соединяться с другими формами, актуализируя грамматические (парадигматические и синтагматические) связи вербальных единиц.

Для определения ассоциативной валентности СФ, предположительно составляющих ядро моделируемого актуального грамматикона, обратимся к данным Русского ассоциативного словаря (прямого и обратного).

Оценка ассоциативной валентности осуществляется нами на основе двух параметров:

а) количества и разнообразия ассоциативных связей конкретной словоформы;

б) разнообразия ассоциативных связей грамматической формы (об ассоциативной активности частей речи и грамматических форм подробнее см. в: [Караулов 1993]).

Сформировав инвариант актуального грамматикона ребенка 4-5 лет (см. Приложение 13), определим его частеречный состав (таблица 32), выделенный на основе усредненных показателей двух детей.

Таблица 32

Частеречный состав актуального грамматикона ребенка в возрасте 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений старшего брата	Процент	Количество словоупотреблений младшего брата	Процент	Усредненные показатели, процент
V	354	5,2	308	5,4	5,30
SPRO	1810	26,8	1840	32,1	29,45
S	187	2,8	118	2,1	2,45
PR	1041	15,4	778	13,6	14,50
PART	1342	19,9	1117	19,5	19,70
NUM	25	0,4	39	0,7	0,55
INTJ	35	0,5	45	0,8	0,65
CONJ	474	7	429	7,5	7,25
APRO	388	5,7	80	1,4	3,55
ANUM	0	0	0	0	0,00
ADVPRO	575	8,5	563	9,8	9,15
ADV	497	7,4	412	7,2	7,30
A	32	0,5	0	0	0,25*

*Так как в актуальном грамматиконе младшего брата прилагательные не зафиксированы, показатель в 2,5% формальный, рассматривать прилагательные в актуальном грамматиконе при отсутствии конкретных словоформ, инвариантных для двух детей, мы не будем.

Как уже отмечалось, частотность – критерий, сложно фиксируемый в ассоциативно-вербальной сети, но представляется полезным отметить общее соотношение частей речи в актуальном грамматиконе. Внутри каждой части речи выявляются составляющие его единицы (леммы или словоформы) без

указания точной частоты их появления в речи ребенка, так как первичный частотный отбор уже был произведен на этапе выделения ядра грамматикона.

В ядре грамматикона, как уже неоднократно отмечалось, находятся личные местоимения в формах как именительного, так и косвенных падежей единственного и множественного числа, востребованные в непосредственной устной коммуникации, предполагающей широкое использование слов, заменяющих субъектов действия, объекты и обстоятельства уже известные коммуникантам и не нуждающиеся в отдельном номинировании. Обратим особое внимание на личные местоимения, попавшие в актуальный грамматикон (таблица 33).

Таблица 33

Местоимения-существительные в составе актуального грамматикона ребенка в возрасте 4-5 лет

словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	падеж
я	я	SPRO	ед,1-л	им
это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
они	они	SPRO	мн	им
мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
все	все	SPRO	мн	вин им
его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
все	все	SPRO	мн	вин им
нас	мы	SPRO	мн,1-л	пр вин род
их	они	SPRO	мн	вин род
тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
него	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
её	она	SPRO	ед,3-л,жен	вин род
чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
них	они	SPRO	мн	пр вин род
ему	он	SPRO	ед,3-л,муж	дат
чем	что	SPRO	ед,сред,неод	пр твор
кто	кто	SPRO	ед,муж,од	им
тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат
им	они	SPRO	мн	дат

Для наглядности грамматическое значение падежа выделено в отдельный столбец, обратим внимание, что значительная часть форм может подвергаться двойной квалификации (именно так ее определяет программа автоматизированной грамматической разметки).

Анализируя падежно-числовую парадигму существительных на предыдущем этапе (см. п. 2.2), мы снимали грамматическую омонимию, обращаясь к контексту, в котором появлялась словоформа. Здесь мы **намеренно приводим данный набор форм с неснятой грамматической омонимией, так как это соответствует состоянию этих форм в ассоциативно-вербальной сети**, где указанная омонимия может быть снята либо минимальным контекстом, обеспеченным парой *стимул-реакция*, либо в процессе речепорождения / речевосприятия.

Отметим, что замещение актантных позиций глагола личными, неопределенными и относительными местоимениями активнее, чем существительными, отмечалось Ю.Н. Карауловым по данным ассоциативных экспериментов и словарей [Караулов 1993: 61]. При этом присутствие местоимений отмечается во всех актантных позициях. Существительные-стимулы реже чем глаголы вызывают реакции-местоимения. В ассоциативных полях со стимулами-предлогами местоимения также занимают заметное место в качестве «генерализованного показателя значений соответствующего предлога» [Караулов 1993: 78]. В ассоциативных полях со стимулами-местоимениями реакции представлены вариантами парадигматического варьирования (ты-вы, ты-я, например) и синтагматического уточнения, принадлежности, идентификации или управления [Караулов 1993: 79]. Таким образом, частотность местоимений в актуальном грамматиконе коррелирует с их активностью в ассоциативно-вербальной сети, с разнообразием ассоциативных связей, которые местоимения потенциально могут в ней установить.

Проанализируем возможные ассоциативные связи местоимения на примере личного местоимения я с привлечением данных Русского

ассоциативного словаря [РАС 2002]. В ассоциативном поле этого стимула, зафиксированном в словарной статье прямого словаря (организованного по принципу «от стимула к реакции») находятся ассоциаты следующих частей речи: местоимения разных разрядов – *ты, я, мы, он, сам, вам, все, кто, нечто*; собственные и нарицательные существительные – *человек, студент, личность, студентка, девушка, Люда, Вася*; полные и краткие прилагательные – *хороший, хорошая, важный, веселый, здоров, молода*; глаголы в разных грамматических формах – *люблю, учусь, иду, живу, хочу, знаю, пришел, ушел* и др. (полный состав ассоциативной статьи см. [РАС Т.1: 744]). В качестве реакций на стимул местоимение отмечаются и синтаксические сегменты: *это я, и ты, в отставке, хочу спать, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации и т.д.* Приведенные данные демонстрируют разнообразие ассоциативных связей словоформы *я* в АВС, ее ассоциативную активность.

Наречия в этом ядре передают временные, пространственные, модальные характеристики действий, степень их завершенности. Наречия в ассоциативных парах имеют устойчивых «партнеров»: в качестве реакций они появляются при стимулах местоимениях (преимущественно неличных), существительных и глаголах, в качестве стимулов наречия вызывают, в первую очередь, разнообразные наречные реакции [Караулов 1993: 123-124]. Благодаря омонимии форм некоторых наречий и прилагательных в ассоциативном поле такого стимула могут возникнуть реакции как на наречие, так и на прилагательное, что в целом повышает их активность в ассоциативно-вербальной сети.

Наречие *ещё* из актуального грамматикона ребенка 4-5 лет в качестве стимула вызывает различные реакции-наречия: *много, немного, дальше, больше, уже, лучше, вчера, рано, опять*, - некоторые из которых омонимичны формам прилагательных. Возникают ассоциации, составляющие со стимулом устойчивые высказывания (грамматикализованные реакции и речевые клише, отличающиеся высокой

воспроизводимостью в речи): *ещё -не вечер, не поздно, не все прошло, кофе, повторить, хочу, тогда, чуть-чуть* (полный состав ассоциативной статьи см. [РАС Т.1: 190]). Отмечается высокая ассоциативная активность наречия *еще*, обеспечивающая состояние предречевой готовности участка АВС за счет связи с устойчивыми синтаксическими фрагментами. Анализ статьи обратного словаря [РАС Т.2: 232] подтверждает активность словоформы в АВС в качестве реакций на стимулы-местоимения: *что-нибудь, когда-нибудь, все, тот, там, с кем-то, кто-то, о чем-либо*; стимулы-существительные: *километр, литература, минуту, подросток*; стимулы-прилагательные: *жив, мал, молодой, зеленый, короче*; стимулы-глаголы: *успеете, подождать, подумать, говорили, давай, попросите* и др. Наблюдается не только разнообразие ассоциативных связей, но и высокая степень грамматикализации пар с участием наречия *ещё*, что подтверждает его высокую ассоциативную активность.

Что касается числительных и их активности в ассоциативно-вербальной сети, то они связаны преимущественно с другими числительными и лишь изредка появляются в качестве реакций на стимулы существительные и глаголы. Например, числительное *два* из смоделированного нами актуального грамматикона вызывает реакции двух основных типов: другие числительные (*один, три, четыре, пять, сто*) и существительные, составляющие с числительным грамматически оформленное словосочетание (*дня, человека, брата, друга, рубля, года, дуба* и т.д.) [РАС Т.1: 153]. Статья обратного словаря дает похожую картину, словоформа *два* возникает в АВС как реакция на другие числительные (*раз, один, три, тридцать, миллион, ноль, сорок* и др.) или на существительные, преимущественно в начальной форме (*рубль, километр, шаг, номер, слово, глаз, год, товарища* и др.) [РАС Т.2: 153].

Числительные представляют собой компактный, концентрированный участок ассоциативно-вербальной сети, поэтому даже в небольшом количестве они «... в их типах, образцах оказываются вполне достаточным

набором для использования в повседневном общении» [Караулов 1993: 128]. Это утверждение соотносится с полученными нами данными о частотности числительных как в грамматиконе, так и в актуальном грамматиконе двух детей. А низкая частотность форм числительного в актуальном грамматиконе коррелирует с низкой активностью числительных в ассоциативно-вербальной сети, малым разнообразием типов ассоциативных связей в ней, что подтверждает закономерность выбранного нами подхода для характеристики частотных грамматических форм как активных в ассоциативно-вербальной сети.

Арсенал частиц *а, не, да* и *нет, ни, вот, то, даже, просто*. По наблюдениям Ю.Н. Караулова частица широко и достаточно равномерно представлена в ассоциативно-вербальной сети, что объясняется им преимущественной связью частиц с синтаксическими структурами, а не отдельными морфологическими формами, а также с потенциальным подобием «статистических структур текстов и статистических структур усредненной ассоциативно-вербальной сети» [Караулов 1993: 135]. Частицы в меньшей степени, чем предлоги и союзы, «грамматикализируют» (термин Ю.Н. Караулова) связанные с ними реакции, а сами в качестве реакций возникают при разных частях речи. Эти замечания подтверждаются и нашими наблюдениями за ролью частиц как синтактико-коммуникативных опор в актуальном грамматиконе детей в разные возрастные периоды. Отметим, что и устойчивая частотность частицы *нет* в актуальном грамматиконе с точки зрения активности в ассоциативно-вербальной сети объясняется возможностью ее употребления в функции сказуемого, а как уже указывалось, потенциальная грамматическая омонимия влечет расширение ассоциативных связей. Активность частицы *нет* в АВС особенно заметна при обращении к данным обратного ассоциативного словаря [РАС Т.2: 518-519]. *Нет* возникает в качестве реакции на 660 различных стимулов: частицы – *да, не*; предлоги – *с, в, за*; союзы – *или, а, да* (омоним частицы в АВС); наречия – *поздно, очень, давно, далеко*; существительные в родительном и

именительном падеже – *времени, денег, пальца, бюджета, сахара, чая, воды, мыло, мясо, пульс, золото* и др.; местоимения – *нигде, ничего, его, их, нас* и т.д.; прилагательные – *красивее, важнее, новее, дороже, активный, готовый, лаконичный*; глаголы в разных грамматических формах – *есть, возьмут, думаешь, решишь, сказать, договорятся, говорила* и др. Отсутствие ограничений в ассоциировании подтверждает широкую представленность частиц в АВС и их потенциальную связь с синтаксическими структурами.

Положение союзов в ассоциативно-вербальной сети неизолированное, сопровождающееся либо реакцией, выраженной практически любой частью речи, либо стимулом также с широкой частеречной принадлежностью. Союзы, попавшие в актуальный грамматикон, *и, а, но, или* а также подчинительные *чтобы* и *если* коррелируют как с частотным распределением союзов в ассоциативно-вербальной сети, так и в тексте [Караулов 1993: 135].

Предлоги простые: *у, в, на, с, от, за, по, из* – самые частотные. В ассоциативно-вербальной сети предлоги в качестве стимула вызывают реакции-имена и местоимения в соответствующей предложной форме. Например, реакции на предлог *в* – *дом, ночь, городе, гору, гости, дверь, овраге, чем, чем-то, тебе, этот, мой* и т.д. [РАС Т.1: 74]. Реакции-предлоги концентрированно появляются при стимулах-предлогах (*в – на, из, за, к, с, под* [РАС Т.1: 74]), также реакции-предлоги вызываются глаголами (*проезжать, сидеть, войти, играть, кричать, оставаться, появится – в* [РАС Т.2: 61]), отглагольными именами и местоимениями. Связь местоимения и предлога широко представлена в ассоциативно-вербальной сети, по-видимому, как модель типового значения сочетаний предлога с именем [Караулов 1993: 76], что еще раз возвращает нас к объяснению большей частотности в актуальном грамматиконе местоимений по сравнению с существительными. Высокая доля предлогов в смоделированном нами актуальном грамматиконе соотносится с частотностью и широким распространением предлогов в усредненной ассоциативно-вербальной сети, соотносимой с текстовыми структурами. Эта

корреляция, на наш взгляд, подтверждает операциональность процедуры создания актуального грамматикона как базы речевой деятельности.

Доля глаголов и существительных в актуальном грамматиконе 5% и 2,5% соответственно. Словоформы глагола актуального грамматикона представлены в таблице 34.

Таблица 34

Глаголы в составе актуального грамматикона ребенка в возрасте 4-5 лет

словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
будет	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л
есть	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л,несов
смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л
буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,1-л
давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
было	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,сред,несов
знаешь	знать	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,2-л
хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
были	быть	V	нп	прош,мн,изъяв,несов
могу	мочь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,1-л
люблю	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л

Глагольные реакции чаще всего вызываются стимулами-глаголами, хотя в целом глаголы не имеют значимых ограничений на ассоциирование в ассоциативно-вербальной сети. Однако распределение глагольных реакций подчиняется ряду закономерностей: стимулы-инфинитивы вызывают преимущественно реакции-инфинитивы, стимулы в изъявительном наклонении вызывают реакции-глаголы, уподобляющиеся стимулу по времени, лицу и числу, глаголы в прошедшем времени вызывают в качестве реакций глаголы в прошедшем времени или инфинитивы. Таким образом, глагол-стимул вызывает либо реакцию подобия, либо реакцию, составляющую со стимулом модель двух слов [Караулов 1993: 47].

Для нашего исследования эти положения оказываются значимыми, так как относительно небольшое количество глаголов в сконструированном актуальном грамматиконе, компенсируется спектром ассоциативных связей, которые они устанавливают. Словоформы *будет, буду, есть, было, были, хочу, могу, люблю* потенциально вызывают реакции, составляющие с ними модель двух слов, или выступают как аналоги, образцы глагольных форм соответствующего наклонения и времени. В частности, форма *буду* вызывает реакции, составляющие с ней модель двух слов (*буду – рад, богатый, вовремя, в порядке*), и одновременно организует «хранение» в АВС образцов глагольных лексем: *буду - жить, ждать, делать, любить, спать, думать, знать, иметь, учиться, читать* и т.д. [РАС Т.1: 69].

В выделенном нами актуальном грамматиконе доля существительных невелика, отмечаются три словоформы: *баб, мама, папа*. Исследователи детской речи отмечают роль именно этих терминов родства не только как первых по времени появления и частотных в различных грамматических формах, но и как важных образцов для усвоения словоизменительных моделей [Цейтлин 2009: 106-107].

Существительные, как и глаголы, не имеют значимых ограничений на ассоциирование в ассоциативно-вербальной сети. Стимулы-существительные вызывают в порядке убывания частотности реакции-существительные, прилагательные, глаголы. Существительные-реакции вызываются стимулами прилагательными, предлогами, местоимениями и глаголами [Караулов 1993: 31]. Отмеченные закономерности прослеживаются в ассоциативном поле словоформы *мама*, находящейся в актуальном грамматиконе ребенка. Стимул *мама* вызывает реакции-существительные (*папа, дом, мама, доброта, нежность, сестра, сын, бабушка*), прилагательные (*родная, любимая, добрая, дорогая, красивая, веселая*) и глаголы (*приехала, работает, заболела, подарила, сказала, спит* и др.) [РАС Т.1: 307]. Реакция *мама* появляется в ответ на стимулы-существительные (*папа, родители, семья, дочка, бабушка, врач, подарок*), прилагательные (*добрая, дорогая, дорогой,*

больная, многодетная) и глаголы (помогать, говорила, заботиться, любить, вспоминать, помочь и др.) [РАС Т.2: 407].

Степень грамматикализации существительных в ассоциативно-вербальной сети зависит в первую очередь от частеречной принадлежности стимула и его грамматического оформления. В смоделированном нами актуальном грамматиконе роль словоформ существительных (в начальной форме или разговорном варианте начальной формы в звательной функции), по-видимому, заключается в установлении ассоциативных связей с другими существительными и расширением потенциального лексического запаса в близком доступе. Основные модели типового значения сочетаний предлога, глагола, союза или имени с именем представлены в актуальном грамматиконе местоимениями.

Комментируя отсутствие прилагательных в ядре грамматикона, отметим как низкую степень их грамматикализации («падеж как грамматическая категория не свойственен прилагательным-стимулам в ассоциативно-вербальной сети» [Караулов 1993: 27]), так и концентрированное положение прилагательных в ассоциативно-вербальной сети (прилагательные устанавливают ассоциативные связи с другими прилагательными и существительными). Низкая ассоциативная активность и степень грамматикализации, малое разнообразие ассоциативных связей прилагательного коррелируют с отсутствием их (или малой долей) в актуальном грамматиконе.

Если роль ядра грамматикона заключается в обеспечении максимальной предречевой готовности, в создании базы речевой деятельности, которая в русском языке «насквозь» грамматикализована, то часть речи, не представляющая образцов грамматических и синтаксических моделей, остается в нем не востребованной. Те части речи и те формы, которые оказываются самыми частотными в актуальном грамматиконе, напротив, обладают высокой ассоциативной валентностью, образуют

большее количество разнообразных ассоциативных связей, охватывают разные типы грамматических отношений, моделей и образцов, что в большей мере обеспечивает предречевую готовность языковой личности.

3.2. Экспериментальное исследование актуального грамматикона ребенка

Следующий этап проверки операциональности созданной нами модели предполагает использование экспериментальных данных. На предыдущем этапе исследования была представлена оценка активности словоформ, входящих в актуальный грамматикон, в ассоциативно-вербальной сети. В данной части работы проанализируем устойчивость некоторых из выделенных словоформ в динамике возрастного развития языковой личности.

Для проверки гипотезы о сохранении частотности генетически первичных в детской речи грамматических форм был проведен пилотный психолингвистический эксперимент. В качестве экспериментального метода выбрана методика продолжения/завершения высказывания. Респондентам 9-12 лет (3-4 класс), всего 68 человек, было предложено 7 вопросов, на которые они предлагали свои варианты ответов.

Предполагалось, что в качестве потенциальных ответов используются простейшие (но базовые, типовые) речевые акты: констатив (акт-утверждение), промисив (обещание), реквестив (просьба), квеситив (вопрос), перформатив (фразы-действия) (согласно классификации Дж. Остина) [Остин 1986, Серль 1986]. Не останавливаясь на анализе этой классификации, отметим, что данные речевые акты служат основаниями для построения более сложных высказываний и покрывают большое количество коммуникативных ситуаций.

Рассмотрение того, какие грамматические формы используются для оформления простых речевых актов: обещания, просьбы, отказа, извинения –

предполагает, что грамматические формы, попавшие в смоделированный актуальный грамматикон, являются основными структурными элементами речевых актов, то есть базой потенциального текстопорождения. С этой целью формулировки вопросов составлялись таким образом, чтобы содержащиеся в них стимульные грамматические формы «провоцировали» появление наиболее актуальных для респондентов реакций: словоформ, соответствующих стереотипам ассоциативного грамматикона. Основное внимание уделим формам глагола, которые выступают как предикативный центр высказывания, как его основной структурный элемент.

На первый и второй вопрос (*Как ты обычно здороваешься? Как ты обычно прощаешься?*) респонденты ожидаемо отвечают этикетными формулами, коммуникемами. Значимая разница между ответами детей 9-10 лет (3 класс) и 10-12 лет (4 класс) не отмечалась, как и в ответах на последующие вопросы.

Респонденты приводят различные варианты для друзей (*привет, пока*) и учителей, взрослых (единая вежливая форма *здравствуйте, до свидания*). На периферии появляются сленговые формы (*приветики, здорово, салам, хай* и т.д.). Эти вопросы рассматриваются как подготовительные, демонстрируют уровень сложности вопросов, показывают готовность респондентов отвечать простыми конструкциями, первыми формами, пришедшими им в голову.

На вопрос *Как ты обычно извиняешься?* самые частотные ответы: *прости, извини* и *простите, извините* (85%). Остальные ответы низкочастотны (*сори, я больше не буду, пожалуйста, я исправлюсь*). Как можно заметить, усвоено дополнительное значение грамматических форм 2-го лица множественного числа как вежливых форм, то есть форм, которые используются не только в диалоговой коммуникации с множественным субъектом. В высказываниях детей от 2-х до 5-ти лет у форм 2-го лица множественного числа такое значение не фиксировалось.

Для выражения просьбы (*Как ты обычно просишь о чем-нибудь?*), обращенной как к равному субъекту коммуникации, так и к взрослому, дети

используют формы 2-го лица единственного (обращение к другому ребенку) или множественного (вежливое обращение к взрослому) числа как повелительного, так и изъявительного наклонения: *дай, дайте, можете, можешь, помоги, помогите (Дайте, пожалуйста. Дай, пожалуйста. Привет, можешь помочь мне, пожалуйста. Можете помочь? Можешь дать?)*. Снова отметим использование глаголов во 2-м лице множественного числа как вежливых форм, кроме того для менее категоричной просьбы часто используется наречие *можно* в функции предикатива (*Можно? Можно, мне, пожалуйста? Можно взять?*).

Для выражения отказа (*Как ты обычно отказываешься выполнить что-нибудь?*) используются преимущественно формы 1-го лица единственного числа *не буду, не могу, не смогу, не хочу* (82%) (напомним, что формы *буду, хочу, могу* составляют треть глагольных форм актуального грамматикона): *Прости, я не могу, не хочу. Я не буду это делать. Я не могу. Можно я не буду это делать? Я не хочу это выполнять*. Менее частотные варианты для выражения прямого или косвенного отказа (18%): *Я не обязан это делать. Нет, спасибо. Ноу. Это для меня сложно. Мне не хочется это делать*.

Для выражения обещания сделать что-то в будущем (*Как ты обычно обещаешь что-то сделать?*) также используются преимущественно формы 1-го лица единственного числа (73%) *сделаю, обещаю, выполню (Я обещаю тебе. Я обещаю это сделать. Я это сделаю, обещаю)*. Менее частотные варианты выражают не только обещание, но и согласие с уже озвученными будущими действиями: *принесу, даю слово, хорошо*, разговорные формы *зуб даю, ок*.

Для выражения предложения и будущего совместного действия (*Как ты обычно предлагаешь другу/подруге сделать что-то вместе?*) используется не только форма 1-го лица множественного числа, чье появление ожидается, но и форма из выделенного нами актуального грамматикона *давай*: *Давай сделаем вместе. Давай вместе. Давай сделаем*.

Давай нарисуем. *Давай* помогу. *Давай* поможем. *Давай* завтра вместе сходим погулять. Остальные варианты менее частотные, часто сленговые: *Пойдем вместе? Можешь помочь? Погнали вместе? Го вместе? Го гулять? Го делать что-то?* (используется форма молодежного сленга *го* (от англ. «to go» - идти) в значении «пойдем»).

Часть полученных ответов представляет собой этикетные формулы, устойчивые сочетания, речевые клише, но при этом можно отметить, что структурно они строятся именно на тех формах, которые попадают в актуальный грамматикон, смоделированный нами ранее. В пяти вопросах речевые акты строятся на грамматических формах 1-го лица единственного или множественного числа и формах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа. Словоформы, которые наиболее часто используются в простых речевых актах (давай, хочу, буду, могу), попадают в смоделированный актуальный грамматикон для детей 4-5 лет. Эти грамматические формы и словоформы из выделенного ядра грамматикона востребованы в следующих возрастных периодах и потенциально могут использоваться как основа спонтанной речевой деятельности в дальнейшем. Для проверки этого положения продуктивным оказалось обращение к показаниям русской языковой личности, зафиксированным в ассоциативных словарях.

Далее проанализируем продукт речевой деятельности взрослой (усреднённой) языковой личности, обратившись к данным национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Работа с НКРЯ позволит провести апробацию выделенного нами актуального грамматикона на широком массиве данных.

3.3. Актуальный грамматикон по данным НКРЯ

Анализ ядра актуального грамматикона сквозь призму ассоциативной и потенциальной синтаксической активности входящих в нее словоформ, а

также оценки ожидаемой частоты появления этих форм в простых речевых актах в целом оказался продуктивным. Вместе с тем представляется необходимым еще один шаг: оценка частотности грамматических форм, входящих в состав актуального грамматикона, в свете данных НКРЯ.

Корпус любого национального языка представляет собой некоторый усредненный вариант этого языка, содержащих тексты разных стилей и жанров в определенной пропорции. В целях нашего исследования необходимо в первую очередь сопоставить характеристики смоделированного нами актуального грамматикона *с устным корпусом НКРЯ*. Корпус устной речи включает в себя расшифровки магнитофонных записей публичной и бытовой повседневной устной речи (1900 — 2020-е гг.), отличается функциональным разнообразием текстов, региональным многообразием. Работа проводилась с подкорпусом со снятой грамматической омонимией объемом в 205 801 слово.

Сходство грамматикона детской речи и грамматикона устной речи можно постулировать, исходя из генезиса устной речи из детской [Выготский 1934: 275-299]. Предполагаемые различия связаны с расширением тем высказывания, добавлением к бытовой коммуникации публичных ее форм, большим жанровым и стилистическим разнообразием при сохранении базовых синтаксических конструкций и составляющих их морфологических форм.

Не имея технической возможности выделить набор частотных словоформ устного корпуса, обратимся к сравнению количественных показателей частей речи и некоторых грамматических форм общего детского грамматикона (усредненные данные двух братьев в период 4-5 лет) и устного корпуса со снятой грамматической омонимией (таблица 35).

Таблица 35

Частеречный состав детского грамматикона 4-5 лет и устного корпуса

Часть речи	Детский грамматикон, %	Устный корпус (количество словоупотреблений)	Устный корпус, %

A	4,25	12081	5,9
ADV	6,6	8253	4,0
ADVPRO	4,9	7746	3,8
ANUM	0,2	936	0,5
APRO	3,65	11550	5,6
CONJ	3,8	16768	8,1
INTJ	0,65	580	0,3
NUM	0,75	7635	3,7
PART	10,55	15350	7,5
PR	7,6	17440	8,5
S	22,35	45 050	21,9
SPRO	15,9	24346	11,8
V	18,8	33496	16,3
(PRAEDIC PRAEDICPRO)	-	2456	1,2
PARENTH	-	1475	0,7

Как мы видим, соотношение частей речи остается сопоставимым с показателями детского грамматикона. Увеличение доли союзов связано с общим усложнением синтаксиса расширением арсенала синтаксических конструкций, доступных взрослой языковой личности. Становятся частотными союзы *когда, что, хотя*, помимо остающихся частотными *и, а, но* (примеры здесь и далее приводятся по НКРЯ, устный корпус со снятой грамматической омонимией, <https://ruscorpora.ru/>): *Тебе это хорошо/ но первая с ней конфликтовать не надо. Если она тебе что-то будет... ты отвечай. Вот/ она молчит ходит/ и я уверена/ что она так три недели будет ходить молчать. Поскольку у нас необычный состав и вообще необычная ситуация по экспедиции/ то я считаю/ нужно в первую очередь/ хотя мы многие друг друга знаем/ но всё-таки познакомиться. Наш любимый легионер из ЮАР и любимец всех российских девушек/ Джейкоб... — А он как я теперь понимаю и не писал никогда. Это мама когда они там жили. Он и не знал. — Да? Когда это здание было просто кирпичной коробкой/ я жил в Большом Каретном переулке*

Увеличение доли числительных в общем наборе связано с необходимостью не только обозначать количество предметов при счете и

собственный возраст (частотные функции детского периода), но и членить временные отрезки, обозначать номера домов и другие пространственные координаты, использовать числа для определения цен: *Вот/ она молчит ходит/ и я уверена/ что она так **три** недели будет ходить молчать. Вот/ она молчит ходит/ и я уверена/ что она так **три** недели будет ходить молчать. Да так/ не очень - то/ на **два** хозяина...Да не/ **500** рублей...Угу/ первые **два** месяца... Первые **два** месяца нормально было...Альпинизмом занимаюсь **32** года. Если анекдот слышал уже **сто** раз/ то блестящий рассказчик может его обновить интонацией. Там было написано/ "жирность там/ **десять** процентов"/*

Уменьшается количество частиц, вероятно, за счет снижения нагрузки на них как на коммуникативные опоры при построении высказывания, особенно в диалоге. В детской речи в этой функции часто использовалась частица *а*, в высказываниях взрослых арсенал частиц шире: *Она у тебя неожиданно появляется? **Тупа** так... Она! Ну, она **тупа** сказала, что я с ней не хочу больше встречаться из чувства мести. Тоже объяснить **не** могу/ но как-**то** чувствую/ так сказать. **Не, ну** а ты что думаешь?*

Уменьшается доля местоимений и наречий, доли существительных, глаголов, предлогов заметно не меняются, но в целом перестройка системы частей речи может быть интерпретирована в терминах перехода от простых глубинных синтаксических структур, характерных для детей, находящихся в процессе усвоения грамматики, к сложным поверхностным структурам оформленного устного высказывания. Подобная интерпретация нуждается в дальнейшей проверке и подтверждении, что не является целью нашего исследования.

Сложно говорить о сопоставимом сравнении данных детского грамматикона с данными устного корпуса со снятой грамматической омонимией, так как этот корпус дает очень усредненную картину национального языка, существующего как своеобразная идеальная модель. Как можно заметить, распределение частей речи, скорее, сопоставимо с

данными детей, но отдельные изменения, связанные с усложнением речевых актов, расширением жанровой и функциональной специфики наблюдаются. При этом выделенные на более ранних этапах низкочастотные формы грамматикона сохраняют свой периферийный характер.

Для подтверждения этого наблюдения обратимся к частотным характеристикам употребления падежно-числовых форм (таблица 36).

Таблица 36

Падежно-числовые детского грамматикона 4-5 лет и устного корпуса

Грамматическая форма	Детский грамматикон, %	Устный корпус (количество вхождений)	Устный корпус (% от количества словоупотреблений существительных)
Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	2,4	640	1,4
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	6,95	1979	4,4
Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	5,5	3227	7,2
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	7,7	6541	14,5
Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	1,45	720	1,6
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	4,15	4057	9,0
Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	9,1	3354	7,4
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	36,55	14053	31,2
Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	1,45	540	1,2
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	1,8	1647	3,7
Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	4,65	2067	4,6
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	18,2	6235	13,8

Как мы видим, сохраняется низкая частотность форм множественного числа по сравнению с формами единственного числа. Формы дат. п ед. ч. остаются самыми низкочастотными формами единственного числа также как

и в детской речи.

Данные национального корпуса русского языка на широком массиве данных подтверждают оценку установленного частотного или периферийного статуса грамматических форм. Грамматические формы в целом сохраняют выявленный у них в детской речи частотный или периферийный статус, но демонстрируют динамический характер грамматикона, расширяя или уменьшая свое присутствие в нем в зависимости от речевой или жанровой сферы его бытования.

Выводы

1. Инвариант актуального грамматикона ребенка 4-5 лет включает те словоформы, которые присутствуют в актуальном грамматиконе как старшего, так и младшего брата, что позволяет снять индивидуальные различия двух грамматиконов и выявить универсальные тенденции усвоения грамматических форм.

2. Считаем, что существенными критериями вхождения СФ в актуальный грамматикон являются активность в ассоциативно-вербальной сети и ассоциативная валентность, измеряемые двумя параметрами: а) количеством и разнообразием ассоциативных связей конкретной словоформы; б) разнообразием ассоциативных связей грамматической формы.

3. Отметим, что частотные формы, входящие в ядро актуального грамматикона, проявляют высокую ассоциативную и потенциально синтаксическую активность. Периферийные формы, не попавшие в актуальный грамматикон, обладают низкой ассоциативной активностью и потенциально низкой синтаксической активностью, то есть заметно реже образуют грамматикализованные сочетания и модели двух слов.

4. Степень грамматикализации существительных в ассоциативно-вербальной сети зависит в первую очередь от частеречной принадлежности стимула и его грамматического оформления. В смоделированном нами

актуальном грамматиконе роль словоформ-существительных (в начальной форме или разговорном варианте начальной формы в звательной функции), по-видимому, заключается в установлении ассоциативных связей с другими существительными и расширением потенциального лексического запаса в близком доступе. Основные модели типового значения сочетаний предлога, глагола, союза или имени с именем представлены в актуальном грамматиконе местоимениями.

4. Набор типовых ситуаций в специально смоделированных экспериментальных условиях вызывает использование актуальных для респондентов грамматических форм (см. анализ использования в речевых актах грамматических форм 1-го лица ед. или мн. ч. и форм повелительного наклонения в п. 3.2).

Часть полученных в ходе эксперимента ответов представляет собой этикетные формулы, устойчивые сочетания, речевые клише, но при этом можно отметить, что структурно они строятся именно на тех формах, которые попадают в актуальный грамматикон, смоделированный нами ранее. В пяти вопросах речевые акты строятся на грамматических формах 1-го лица единственного или множественного числа и формах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа. Словоформы, которые наиболее часто используются в простых речевых актах (давай, хочу, буду, могу), попадают в смоделированный актуальный грамматикон для детей 4-5 лет.

5. Выделенные нами грамматические формы и конкретные словоформы, попадающие в актуальный грамматикон, востребованы в следующих возрастных периодах и потенциально могут использоваться как основа спонтанной речевой деятельности в дальнейшем, что подтверждается результатами проведенного пилотного эксперимента.

6. Данные устного подкорпуса национального корпуса русского языка на широком массиве данных подтверждают оценку установленного частотного или периферийного статуса грамматических форм. Грамматические формы в целом сохраняют выявленный у них в детской речи

частотный или периферийный статус, но демонстрируют динамический характер грамматикона, расширяя или уменьшая свое присутствие в нем в зависимости от речевой или жанровой сферы его бытования.

Заключение

В рамках данного исследования были обобщены теоретические сведения о формировании *грамматического компонента языковой способности в онтогенезе с позиций ассоциативной морфологии*. Проанализирован процесс формирования грамматического компонента языковой способности в онтогенезе, который происходит с использованием грамматических форм слов, выступающих как динамические единицы хранения информации, что коррелирует с формированием грамматикона языковой личности с помощью прирастающей словоформами ассоциативно-вербальной сети.

Данные о механизмах формирования актуального грамматикона русской языковой личности уточнены на материалах детской речи (п. 1.3). Формирование актуального грамматикона ребенка идет от общих форм к дифференцированным, с сохранением частотности грамматических форм, усвоенных в более младшем возрасте, и постепенным усложнением грамматикона за счет расширения «периферии» (например, некоторых падежно-числовых форм существительных или личных форм глагола). Внимание уделяется и так называемой условной лексической периферии, которую составляют, например, редкие предлоги, союзы или наречия, что не менее (а иногда и более) значимо для моделирования актуального грамматикона.

Решение проблемы моделирования актуального грамматикона языковой личности невозможно без разработки соответствующего «инструментария». С этой целью нами была разработана процедура моделирования, включающая, в частности, модифицированные методики с привлечением корпусных методов исследования и выделением как универсальных, так и индивидуальных особенностей формирования и

развития грамматического уровня языковой способности в дошкольном и школьном онтогенезе.

Представлен пошаговый алгоритм разработки грамматического корпуса детской речи, детально описана в содержательном и формальном планах процедура создания (и разметки) (п. 1.4); с привлечением разработанного авторского корпусного инструментария составлен грамматический частотный профиль ребенка и продемонстрированы возможности отслеживания его динамики (п. 2.1, 2.2, 2.3). Результатом данного этапа исследования стало выделение набора наиболее частотных словоформ и на его основе создание предварительной модели актуального грамматикона.

На завершающем этапе исследования смоделированный нами на основе данных детской речи актуальный грамматикон сопоставлен с показателями языкового сознания взрослой языковой личности, зафиксированными в ассоциативных словарях, а также верифицирован материалами пилотного эксперимента.

Разработанная модель охарактеризована с точки зрения его активности в ассоциативно-вербальной сети (п. 3.1), доказано, что частотные формы, входящие в ядро актуального грамматикона, проявляют высокую ассоциативную и синтаксическую активность.

Данные пилотного психолингвистического эксперимента (п. 3.2) демонстрируют тот факт, что выделенные грамматические формы и конкретные словоформы, попадающие в актуальный грамматикон, сохраняют свою конструирующую, структурную функцию в организации грамматического оформления речевого акта.

Установленный нами на основе ассоциативной грамматики частотный и периферийный статус единиц нашел соответствующие корреляции в широком массиве данных национального корпуса русского языка (п. 3.3). Было выявлено, что генетически ранние и активно востребованные в детской речи грамматические формы сохраняют ядерно-периферийный статус,

расширяя или уменьшая свое присутствие в грамматиконе в зависимости от речевой или жанровой сферы его бытования.

Таким образом, на основе частотных словоформ, усваиваемых ребенком в период активного освоения грамматики родного языка, смоделирован актуальный грамматикон ребенка, который остается востребованным и на дальнейших этапах развития языковой личности.

Перспективы дальнейшей работы – сопоставительное исследование актуального грамматикона разных сфер речевой деятельности (в частности, исследование актуального грамматикона устной речи, актуального грамматикона рекламы или публицистики и др.). Если выделенный нами актуальный грамматикон (как минимум его грамматическая составляющая) близок к грамматическому профилю устной речи по устному подкорпусу национального русского языка, то интерес для исследования представляет дальнейшая трансформация этого грамматикона применительно к другим сферам речевой деятельности в зависимости от целей, форм речи, стилистических особенностей.

Интерес для дальнейшего исследования представляет также выявление и изучение актуального грамматикона определенного типа языковой личности (ребенка, подростка; монолингва, билингва, инофона и т.д.) Динамический характер грамматикона предполагает его постоянное развитие и изменение, при этом актуальный грамматикон теоретически может оставаться более стабильной его частью или же заметно меняться не столько с возрастом, сколько с расширением сфер коммуникации и т.п. Еще одно направление исследований предполагает сравнение грамматиконов разных профессиональных языковых личностей, при этом именно актуальный грамматикон может дать более показательный результат за счет разного «веса» грамматических форм и разной лексической базы у общих грамматических форм.

В качестве прикладного аспекта исследования проблемы моделирования актуального грамматикона может выступать формирование

грамматического минимума при обучении РКИ: учитывается логика перехода к более высокому уровню путем прибавления периферийных форм или варьирования лексической базы актуальных грамматических форм.

Список литературы

1. Baron Alistair, Rayson Paul, Greenwood Phil, Walkerdine James, Rashid Awais. 2012. Children online: A survey of child language and CMC corpora. *International Journal of Corpus Linguistics*, 17 (4), 443-481.
2. Claus F., Rosales H.G., Petrick R., Hain H., Hoffmann R. A survey about databases of children's speech // *INTERSPEECH*, 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/283719927_A_Survey_about_Databases_of_Children's_Speech (дата обращения: 06.04.2021).
3. Inkova O. Yu., Popkova N. A. Statistical data as information source for linguistic analysis of Russian connectors // *Informatics and Applications*. – 2017. – Vol. 11, No. 3. – P. 123-131. – DOI 10.14357/19922264170314. – EDN ZGIGJZ.
4. Krasnoperova Ye. S., Konovalova N. I. Grammatical Lacunae of the Associative-Verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus // *International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020) : Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*, Yekaterinburg, 23–24 апреля 2020 года. Vol. 437. – Yekaterinburg: Atlantis Press, 2020. – P. 287-291. – DOI 10.2991/assehr.k.200509.052. – EDN HCKTNF.
5. MacWhinney Brian. 2000. *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. Vol. I: Transcription,
6. Pinker Steven, Ullman Michael T. 2002. The past and future of the past tense. *Trends in Cognitive Science*, 6, 456-463.
7. Radoslava S. K. Design and development a children's speech database // *Computer Science*. – 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/280917631_Design_and_development_a_children's_speech_database (дата обращения: 06.04.2021).

8. Rayson Paul, Berridge Damon, Francis Brian J. 2004. Extending the Cochran rule for the comparison of word frequencies between corpora. Paper presented at the 7es Journées internationales d'Analyse statistique des Données Textuelles.
9. Rayson Paul, Garside R. 2000. Comparing corpora using frequency profiling. Paper presented at the Workshop on Comparing Corpora, held in conjunction with the 38th annual meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL 2000).
10. Ахапкина Я. Э., Сосновцева Е. Г. Корпус детской письменной речи: StartWrit. – Текст : электронный // Проблемы онтолингвистики. – 2017.URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30048197>(дата обращения: 09.04.2021).
11. Ахманова О. С. Очерки общей и русской лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1957. – 259 с.
12. Баркович А. А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 406. – С. 5-13. – DOI 10.17223/15617793/406/1. – EDN WJBIQD.
13. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2001. – 208 с.
14. Бубнова И. А. Динамика индивидуального цветовосприятия как отражение изменений национальной культуры // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 1(51). – С. 56-65. – DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-56-65. – EDN VKTZZZ.
15. Бубнова И. А. Советское прошлое: специфика формата индивидуальных знаний как основа стратегий их внешнего конструирования // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 515-519. – EDN SXWJJQ.
16. Бубнова И. А. Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 269-278. – DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278. – EDN RTUQUK.

17. Бутакова Л. О. Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 937-955. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955. – EDN TDXAQG.
18. Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82, № 4. – С. 61-74. – DOI 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74. – EDN WXBDBQ.
19. Бутакова Л. О. Языковая способность, языковая компетенция: способы лингвистической диагностики структур сознания индивида // Языковое бытие человека и этноса. 2004. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-sposobnost-yazykovaya-kompetentsiya-sposoby-lingvisticheskoy-diagnostiki-struktur-soznaniya-individa> (дата обращения: 11.08.2023).
20. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Проблемы понимания художественного текста в психолингвистическом аспекте // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84, № 6. – С. 56-68. – DOI 10.30515/0131-6141-2023-84-5-56-68. – EDN IXJGGJ.
21. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Орлова Н. В., Харламова М. А. Самоидентификация людей в возрасте поздней взрослости: комплексное лингвистическое исследование // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 337-349. – DOI 10.17223/18137083/74/25. – EDN MBJXZL.
22. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учеб. для вузов / под ред. Н.С. Валгиной. – М.: Логос. 2008. – 528 с.
23. Ван Дер Веер Р., Завершнева Е. Ю. Об экспериментальных исследованиях эгоцентрической и внутренней речи, проведенных научной группой Л.С. Выготского // Вопросы психологии. – 2019. – № 3. – С. 130-144. – EDN EONVQT.

24. Ван Дер Веер Р., Завершнева Е. Ю. Последняя глава "Мышления и речи": структура аргументации и цитирование источников // Вопросы психологии. – 2018. – № 5. – С. 88-104. – EDN YTCV SX.
25. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Русский язык. – 2001. – 720 с.
26. Виноградов С. Н. К вопросу о категориальном значении состояния в русской грамматике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 1. – С. 176-180. – EDN EMYOOV.
27. Виноградов С. Н. К вопросу о системе категориальных значений частей речи в современном русском языке // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 12–13 марта 2019 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 31-37. – EDN UNQPDM.
28. Виноградов С. Н. Парадигматика языка как модель наблюдения и прогноза // Языки и культуры в цифровую эпоху : Сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 октября 2022 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 74-83. – EDN IP PGX.
29. Воейкова М. Д. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском литературном языке и в детской речи. Дисс. д. филол. наук. СПб.: РГПУ, 2004.
30. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.
31. Выготский Л. С. Мышление и речь. – Москва-Ленинград : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. – 324 с. – URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=84077>.

32. Гагарина Н. В. Становление грамматических категорий глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.
33. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2007. – 472 с.
34. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. – М.: КомКнига, 2005. – 320с.
35. Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: Монография. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2016. – 177 с.
36. Гридина Т. А. «Через язык открывается дитяти сознание...»: соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира // Филологический класс. – 2018. – № 2. – С. 64-69.
37. Гридина Т. А. Актуальная грамматика детской речи: когнитивные модели семантизации и механизмы порождения словоформ // Языковая личность: аспекты изучения. Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. – М., 2017. – С. 110-122.
38. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: Явление языковой игры: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Моск. пед. ун-т. – Москва, 1996. – 45 с.
39. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148-157. – EDN SDCJCS.
40. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148-157. – EDN SDCJCS.
41. Гридина Т. А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России. – 2014. – №5.
42. Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь. – Екатеринбург, 2012. – 202 с.

43. Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. – М.: Флинта, 2013. – 152 с.
44. Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – № 4. – С. 11-24. – EDN PVCLRХ.
45. Гридина Т. А., Коновалова Н. И, Красноперова Е. С. Грамматика воздействия: коммуникативные стратегии моделирования образа "свой - чужой" в сфере предвыборного политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2021. – № 6(90). – С. 12-22.
46. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2020. – № 18. – С. 27-47. – DOI 10.26170/pla20-01-04. – EDN EUSIBZ.
47. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативно-вербальная сеть как динамический компонент языкового сознания: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. – 2020. – №18: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Екатеринбург, Росси. 23-25 апреля 2020. – С. 27-47.
48. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргоминаций // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 323-336. – DOI 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336. – EDN IMMНВЕ.
49. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. – 358 с. – ISBN 978-5-7186-1693-4. – EDN ТОКМРО.
50. Гуц Е. Н. Ассоциативный потенциал лексем - обозначений эмоций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2:

Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 53-64. – DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.5. – EDN FGWGXY.

51. Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск: Ом.гос. ун-т, 2004. – 153 с. EDN: QXNYAN

52. Гуц Е. Н. Языковое сознание: экспериментальная парадигма (трендовое исследование) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 2. – С. 32-37. – EDN PUZGOT.

53. Две девочки: Соня и Надя: дневниковые записи / сост.: О. А. Юнтунен, О. Б. Сизова; отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб.: Тускарора, 2001. – 191 с.

54. Доброва Г. Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-variativnosti-rechevogo-ontogeneza-referentsialnaya-i-ekspressivnaya-strategii-osvoeniya-yazyka> (дата обращения: 16.08.2023).

55. Доброва Г. Р. О влиянии социальных и / или биологических факторов на особенности освоения языка детьми // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2013. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-sotsialnyh-i-ili-biologicheskikh-faktorov-na-osobennosti-osvoeniya-yazyka-detmi> (дата обращения: 16.08.2023).

56. Доброва Г. Р., Пивень А. В. Референциальные и экспрессивные дети: о еще одной возможности диагностирования «Типологических» различий // Филологический класс. – 2014. – №1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/referentsialnye-i-ekspressivnye-deti-o-esche-odnoy-vozmozhnosti-diagnostirovaniya-tipologicheskikh-razlichiy> (дата обращения: 19.02.2024).

57. Елисеева М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.

58. Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. – СПб., 2008. – 143 с.

59. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 152 с.
60. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. рос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
61. Зализняк А. А., Кружков М. Г. База данных безличных глагольных конструкций русского языка // Информатика и ее применения. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 132-141. – DOI 10.14357/19922264160414. – EDN XGSIWH.
62. Захаров ВИН. П. Прологомены к корпусной лингвистике. – Текст : электронный // Вопросы психолингвистики. – 2016.– №2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prolegomeny-k-korpusnoy-lingvistike> (дата обращения: 06.04.2021).
63. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. — М.: изд-во МГУ, 1962. – 384 с.
64. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. — М.: Русский язык, 1989.
65. Зырянова, Е. В. Система CHILDES как метод сбора материалов и изучения детской речи / Е. В. Зырянова. – Текст : электронный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – №76-2. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-childes-kak-metod-sbora-materialov-i-izucheniya-detskoj-rechi>(дата обращения: 06.04.2021).
66. Иевлева З. И. Методика преподавания грамматики в практическом курсе русского языка для иностранцев. – М., 1981.
67. Казаковская В. В. Вопросы-ответные единства в диалоге «взрослый ребенок». – СПб.: Наука, 2008.
68. Калашникова С. Г., Щербакова Н. Н. Формирование текстовых умений у младших школьников в период обучения грамоте // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-2. – С. 215-217. – EDN LCXTNN.
69. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993. – 330 с.

70. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – С. 750-782.
71. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
72. Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.
73. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М., 2009.
74. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А. В. Величко. – 3-е изд., испр. и доп. – Издательство Московского университета Москва, 2009. – 648 с.
75. Кодухов В. И. Введение в языкознание: учеб. для студ. вузов. – М.: ООО «Издательский дом Альянс», 2012. – 288 с.
76. Коновалова Н. И. Как сделать обучение русскому языку успешным: психолингвистические консультации // Филологический класс. – 2011. – № 26. – С. 20-22. – EDN OOOFWZ.
77. Коновалова Н. И. От формальной логики к "живой грамматике": идеи Ф. И. Буслаева в современной теории и практике обучения русскому языку // Филологический класс. – 2018. – № 2(52). – С. 59-63. – DOI 10.26710/fk18-02-10. – EDN UTLLAW.
78. Коновалова Н. И. Психолингвистические основы методики обучения русскому языку // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 194-202.
79. Коновалова Н. И., Красноперова Е. С. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования // Вестник Московского

государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 3. – С. 6-14

80. Корнев А. Н., Балчюниене И. Сопоставительное исследование грамматического частотного профиля в русском и литовском дискурсе у детей 6 лет // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2017. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-issledovanie-grammaticeskogo-chastotnogo-profilya-v-russkom-i-litovskom-diskurse-u-detey-6-let> (дата обращения: 31.10.2021).

81. Корнев А. Н., Балчюниене И., Воейкова М. Д., Иванова К. А., Ягунова Е. В. Анализ грамматического частотного профиля лексем корпуса детской речи как метод изучения развития речи в норме и при первичном недоразвитии речи у дошкольников // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2016. – №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-grammaticeskogo-chastotnogo-profilya-lexsem-korpusa-detskoj-rechi-kak-metod-izucheniya-razvitiya-rechi-v-norme-i-pri-pervichnom> (дата обращения: 31.10.2021).

82. Корнев А. Н., Балчюниене И., Воейкова М. Д., Иванова К. А., Ягунова Е. В. Формирование языка у детей с нормой и отставанием в развитии речи: корпусное исследование спонтанных и вызванных текстов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2015а. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-yazyka-u-detey-s-normoy-i-otstavaniem-v-razvittii-rechi-korpusnoe-issledovanie-spontannyh-i-vyzvannyh-tekstov> (дата обращения: 31.10.2021).

83. Корнев А. Н., Балчюниене И., Воейкова М. Д., Иванова К.И., Ягунова Е. В. Квантитативный подход к изучению формирования языка у детей с нормой и отставанием в развитии речи: корпусное исследование спонтанных и вызванных текстов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – Москва. 2015б. – С. 636-646.

84. Кошечая И. Г. О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 18-24. – EDN RTEFBX.
85. Красноперова Е. С. Актуальная грамматика детской речи: корпусные исследования // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 87-100.
86. Кружков М. Г. Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: типологические базы данных // Системы и средства информатики. – 2015. – Т. 25, № 1. – С. 198-212. – DOI 10.14357/08696527150113. – EDN UCMGWR.
87. Кусова М. Л. О значении слова в детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – № 13. – С. 138-145. – EDN UCNDYR.
88. Кусова М. Л. Формирование ценностного отношения к языку у детей дошкольного возраста в поликультурной // Филологическое образование в период детства. – 2021. – № 28. – С. 85-90. – EDN ВКОХОВ.
89. Кусова М. Л., Рябова Е. И. О "норме" и "ненорме" в речевом развитии детей старшего дошкольного возраста // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2017. – № 15. – С. 33-41. – EDN YPZQOP.
90. Кусова М. Л., Тенкачева Т. Р. Формирование грамматического строя речи у детей старшего дошкольного возраста в условиях инклюзивного образования // Инновации в образовании: поиски и решения : Сборник материалов II-ой международной научно-практической конференции, Астана, 20 ноября 2015 года / Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, Уральский государственный педагогический университет. Том I. – Астана: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – С. 660-662. – EDN WHZEQP.
91. Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие. – Мн., 2011. – 309 с.

92. Лекант П. А., Касаткин Л., Клобуков Е., Крысин Л. Современный русский литературный язык: академический учебник. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. – 768 с.
93. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл; Спб.: Лань, 2003. – 287 с.
94. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. – М., 1974.
95. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., «Просвещение», 1969. – 214с.
96. Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. – М.: РГГУ, 2017. – 311 с.
97. Ляксо Е. Е., Фролова О. В., Григорьев А. С., Остроухов А. В. Корпуса детской речи "infant.Ru", "infant.MAVS", "child.Ru", "EmoChildRu" на материале русского языка и их использование в исследованиях речевого онтогенеза. – Текст : электронный // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 28-58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29161390> (дата обращения: 09.04.2021).
98. Ляксо Е. Е., Фролова О. В., Григорьев А. С., Остроухов А. В., Куражова А. В. Корпуса детской речи infant.ru, child.ru, emochild.ru на материале русского языка. – Текст : электронный // Анализ разговорной русской речи (АРЗ - 2017) : труды седьмого междисциплинарного семинара, Санкт-Петербург, 20 января 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28373271> (дата обращения: 09.04.2021).
99. Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. – Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014.
100. Майорова А. Д. Корпусная лингвистика: исторический и лингводидактический аспекты. – Текст : электронный // МНИЖ.– 2017. – №5-2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-istoricheskiy-i-lingvodidakticheskiy-aspekty> (дата обращения: 06.04.2021).

101. Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2023. – 176 с. – ISBN 978-5-9765-5204-3. – EDN ZUSFKK.
102. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994. – 228 с.
103. Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. – М.: Флинта, 2015. – 216 с.
104. Норман Б. Ю. Синтактика, когниция и композиционная семантика // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2019. – №3.
105. Норман Б. Ю., Мухин М. Ю. Лексическая и грамматическая семантика: корпусное статистическое исследование лексико-семантических групп // Сибирский филологический журнал. – 2018. – №3.
106. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике/под ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22-130.
107. От двух до трех: дневниковые записи / сост.: С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 159 с.
108. От нуля до двух: дневниковые записи / сост. С.Н. Цейтлин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – 215 с.
109. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Рус.яз., 1989. – 276 с.
110. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23, № 3. – С. 749-761. – DOI 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. – EDN TOEZZZ.
111. Пищальникова В. А. Принципы психолингвистического анализа текста и теория эмоций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 5-12. – DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.1. – EDN UAYITH.
112. Пищальникова В. А. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований // Вестник Волгоградского

- государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 52-63. – DOI 10.15688/jvolsu2.2019.3.4. – EDN NICCLT.
113. Плотникова С. В. Развитие лексикона ребенка. Учебное пособие. – Москва : Флинта, 2011. – 224 с. – ISBN 978-5-9765-0994-8. – EDN RAYSPZ.
114. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – Москва : АСТ, Восток-Запад, 2007. – 314 с. – ISBN 978-5-17-045103-6. – EDN RUFSD.
115. Потёмкина Е. В. Вторичная языковая личность как объект лингводидактики // Вестн. ЦМО МГУ Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 4. – С. 59-64.
116. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Методика развития речи двуязычных дошкольников : учеб. пособие. – М.: ВЛАДОС, 2010. – 353 с.
117. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Многоязычие в детском возрасте. – 2-е изд. – СПб.: Златоуст, 2011.
118. Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 320 с.
119. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т.1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу /Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. – М., 2002.
120. Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84, № 6. – С. 69-80. – DOI 10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80. – EDN AQFKOI.
121. Речь русского ребенка: Звучащая хрестоматия / сост.: Т. В. Кузьмина, Э. И. Столярова, С. Н. Цейтлин. – СПб.: Бохум, 1994. – 125 с.
122. Ринчинов О. С. Диахронический корпус бурятского языка как цифровой инструмент исторических исследований: подходы, решения, экспериментальные исследования. – Текст : электронный// Историческая информатика. – 2020. – №2. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/diahronicheskiy-korpus-buryatskogo-yazyka-kak-](https://cyberleninka.ru/article/n/diahronicheskiy-korpus-buryatskogo-yazyka-kak)

tsifrovoy-instrument-istoricheskikh-issledovaniy-podhody-resheniya-eksperimentalnye (дата обращения: 06.04.2021).

123. Рубцова Ю. В. Построение корпуса текстов для настройки тонового классификатора. – Текст : электронный // Программные продукты и системы. –2015. –№1(109). – С.72-78.

124. Ружицкий И. В. Концепция языковой личности: лингводидактический аспект // Матер. Всерос. научн.-практ. конф. «Словесник. Учитель. Личность». Чебоксары, 20 ноября 2009 г. – Чебоксары, 2009.

125. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – 784 с.

126. Сандакова М. В. Адъективные и адвербиальные интенсификаторы в русском языке: механизмы расширения класса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2020. – № 51. – С. 90-106. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106. – EDN WICMOB.

127. Сандакова М. В. Отглагольные прилагательные с суффиксом -тельн- в русском языке XX - XXI вв.: границы между лексико-грамматическими разрядами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 202-209. – EDN DCBXDI.

128. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Пер. В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194. – EDN: THRZAL

129. Слаутина М. В. Грамматические категории как основа семантических противопоставлений в речи младших школьников // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 308-311. – EDN YSJYTK.

130. Слаутина М. В. Приемы реализации отношений противопоставления в речи детей младшего школьного возраста // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4(51). – С. 931-934. – EDN NZHQPZ.

131. Слаутина М. В., Пирожок Е. А. Особенности ответных реплик детей в телевизионных диалогах // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 312-320. – EDN WDNRWR.

132. Солнышкина М. И., Гатиятуллина Г. М. История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов). – Текст : электронный // Вестн. Том.гос. ун-та. Филология. – 2020. – №63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-korpusnoy-lingvistiki-na-primere-angloyazychnyh-korpusov> (дата обращения: 06.04.2021).
133. Стернин И. А. Лексикографическое представление психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 204-214. – DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-204-214. – EDN YPHUGH.
134. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – № 1. – С. 5-13. – EDN NDTISD.
135. Стернин И. А. Словарь ассоциативных норм русского языка // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021). – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2021. – С. 344-345. – EDN IBVXRG.
136. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
137. Ушакова Т. Н. Речь. Истоки и принципы развития. – Москва : Пер Сэ, 2012. – 256 с. – ISBN 5-9292-0126-9. – EDN RAYXMX.
138. Ушакова Т. Н. Рождение осмысленного слова у ребенка раннего возраста // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3(45). – С. 169-182. – DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-169-182. – EDN JGVRIV.
139. Ушакова Т. Н. Семантика первых детских слов // Вопросы психологии. – 2011. – № 2. – С. 25-35. – EDN PWWXYX.
140. Фисенко О. С., Цупикова Е. В. Формирование внутренней речи студентов в процессе развития речи и мышления обучающихся // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017. – № 2(28). – С. 116-121. – DOI 10.17238/issn1998-5320.2017.28.116. – EDN ZRCWQR.

141. Харченко В. К. Корпус детских высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012. – 520 с.
142. Харченко В. К. Словарь детской речи. – Белгород, 1994.
143. Цейтлин С. Н. (сост.) Словарь детских словообразовательных инноваций. – Munchen, 2001. – 202 с.
144. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
145. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб, заведений. – М: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
146. Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия: научная монография. – СПб: Златоуст, 2014.
147. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.А. Кубрякова. – М., 1991.
148. Чернов, Д. Н. Социокультурные условия становления речезыковой компетенции у детей-мигрантов младшего школьного возраста / Д. Н. Чернов // Логопед. - 2011. - № 8. - С. 12-27.
149. Шахнарович А. М. Детская речь в зеркале психолингвистики. – М.: Современный писатель, 1999. – 166 с.
150. Шахнарович А. М. Мышление, коммуникация, речевая деятельность: Онтогенез языкового значения // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 25-32. – EDN LAUKFD.
151. Шахнарович А. М. Обучение второму языку // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 11. – С. 145-149. – EDN PYOKQF.
152. Шахнарович А. М. Семантика в онтогенезе речи // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 22. – С. 16-23. – EDN TCSSST.
153. Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313-318.
154. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 60-74.

155. Щербакова Н. Н. "Моя мама играла в озорницу": окказиональная интерпретация устаревших слов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2022. – № 20. – С. 116-124. – EDN QFORNY.
156. Щербакова Н. Н. О роли лингвистической компетенции в формировании орфографического навыка // Филологический класс. – 2015. – № 2(40). – С. 35-36. – EDN UBORST.
157. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного [Текст]. – М.: Высш. шк., 2003. – 334 с.
158. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам [Текст]. – М.: Филоматис, 2004. – 416 с.

Приложение 1

Грамматический состав речи старшего брата (Лев), 2-3 года

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
S	1905	23
V	1941	23
A	311	4
ADV	452	5
ADVPRO	332	4
ANUM	8	0,1
APRO	219	3
CONJ	263	3
INTJ	150	2
NUM	17	0,2
PART	833	10
PR	593	7
SPRO	1459	15,7

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	810	42,45283019	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	99	5,188679245
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	90	4,716981132	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	58	3,039832285
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	19	0,995807128	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	7	0,36687631
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	454	23,79454927	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	58	3,039832285
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	101	5,293501048	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	21	1,100628931
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	157	8,22851153	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	9	0,471698113

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
1-е лицо (V,indic,praes,1p)	192	24,01626016	1-е лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	59	7,194579946
2-е лицо (V,indic,praes,2p)	53	7,181571816	2-е лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	5	0,3775067751
3-е лицо (V,indic,praes,3p)	364	44,22249322	3-е лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	133	17,02168022

Приложение 2

Грамматический состав речи младшего брата (Женя), 2-3 года

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Существительное	534	20,8838483
Глагол	613	23,9734063
Прилагательное	89	3,48064138
ADV	172	6,72663277
ADVPRO	104	4,06726633
ANUM	3	0,11732499
APRO	63	2,46382479
CONJ	39	1,52522487
INTJ	12	0,46929996
NUM	8	0,31286664
PART	295	11,5369574
PR	113	4,4192413
SPRO	511	19,9843567

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	261	48,8764045	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	35	6,55430712
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	32	5,99250936	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	21	3,93258427
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	14	2,62172285	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	2	0,37453184
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	97	18,164794	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	13	2,43445693
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	29	5,43071161	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	5	0,93632959
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	9	1,68539326	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	2	0,37453184

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	125	43,2525952	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	28	9,68858131
2-лицо (V,indic,praes,2p)	19	6,57439446	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	2	0,69204152
3-лицо (V,indic,praes,3p)	79	27,3356401	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	34	11,7647059

Приложение 3

Актуальный грамматикон старшего брата (Лев), 2-3 года

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
375	я	я	SPRO	ед,1-л	им
256	не	не	PART		
195	это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
193	на	на	PR		
167	и	и	CONJ		
167	а	а	PART		
116	в	в	PR		
98	она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
96	мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
94	у	у	PR		
93	он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
74	а	а	CONJ		
73	меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
73	там	там	ADVPRO		
70	вот	вот	PART		
65	они	они	SPRO	мн	им
64	ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
53	что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
51	то	то	PART		
51	как	как	ADVPRO		
51	надо	надо	ADV	прдк	
46	с	с	PR		
45	нет	нет	PART		
42	буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,1-л
39	машина	машина	S	жен,неод	им,ед
38	сейчас	сейчас	ADV		
37	здесь	здесь	ADVPRO		
35	можно	можно	ADV	прдк	
34	из	из	PR		
33	все	все	SPRO	мн	вин им
33	его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
32	будет	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л
30	тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
29	чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
26	ещё	еще	ADV		
25	давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
25	так	так	ADVPRO		
24	мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
22	мама	мама	S	жен,од	им,ед
22	за	за	PR		
22	з	з	INTJ		
21	по	по	PR		
20	домой	домой	ADV		

20	может	может	ADV	вводн	
19	есть	быть	V	нп	непрош,мн,изъяв, 3-л,несов
19	их	они	SPRO	мн	вин род
19	баба	баба	S	жен,од	им,ед
18	когда	когда	ADVPRO		
18	потому	потому	ADVPRO		
18	теперь	теперь	ADV		
17	заяц	заяц	S	муж,од	им,ед
17	карлсон	карлсон	S	имя,муж,од	им,ед
17	привет	привет	S	муж,неод	им,ед
17	к	к	PR		
17	только	только	PART		
17	тут	тут	ADVPRO		
16	был	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,му ж,несов
16	кто	кто	SPRO	ед,муж,од	им
16	лошадь	лошадь	S	жен,од	им,ед
16	туда	туда	ADVPRO		
15	называется	называться	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 3-л
15	просто	просто	PART		
15	прямо	прямо	PART		
15	тоже	тоже	PART		
15	такие	такой	APRO	мн вин,мн,неод)	мн вин,мн,неод
15	эта	этот	APRO	ед,жен	ед,жен
14	будем	быть	V	нп	непрош,мн,изъяв, 1-л
14	пошли	пойти	V	сов,нп	прош,мн,изъяв
14	себе	себя	SPRO		
14	папа	папа	S	муж,од	им,ед
14	собака	собака	S	жен,од	им,ед
14	да	да	PART		
14	пусть	пусть	PART		
14	о	о	INTJ		
14	потом	потом	ADVPRO		
14	уже	уже	ADV		
14	большой	большой	A	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж пр,ед,полн,жен да т,ед,полн,жен род ,ед,полн,жен твор ,ед,полн,жен)	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж пр,ед,полн,жен да т,ед,полн,жен род ,ед,полн,жен твор ,ед,полн,жен
13	хочет	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 3-л
13	поехала	поехать	V	сов,нп	прош,ед,изъяв,же н
13	поймал	поймать	V	сов,пе	прош,ед,изъяв,му ж
13	нас	мы	SPRO	мн,1-л	пр вин род
13	такая	такой	APRO	ед,жен	ед,жен
13	куда	куда	ADVPRO		
12	хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 1-л

12	едет	ехать	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
12	медведь	медведь	S	муж,од	им,ед
12	муха	муха	S	жен,од	им,ед
12	утёнок	утенок	S	муж,од	им,ед
12	от	от	PR		
12	даже	даже	PART		
12	такой	такой	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж
12	этот	этот	APRO	ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,муж,неод им,ед,муж
11	ехать	ехать	V	несов,нп	инф
11	умеет	уметь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
11	были	быть	V	нп	прош,мн,изъяв,несов
11	ему	он	SPRO	ед,3-л,муж	дат
11	них	они	SPRO	мн	пр вин род
11	поезд	поезд	S	муж,неод	им,ед
11	вон	вон	PART		
11	же	же	PART		
11	где	где	ADVPRO		
11	немножко	немножко	ADV		
10	иди	идти	V	несов,нп	ед,пов,2-л
10	будешь	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,2-л
10	поедет	поехать	V	сов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
10	нам	мы	SPRO	мн,1-л	дат
10	лев	лев	S	муж,од	им,ед
10	лошадка	лошадка	S	жен,од	им,ед
10	какой	какой	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж
10	тогда	тогда	ADVPRO		
10	пока	пока	ADV		
9	смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л
9	спать	спать	V	несов,нп	инф
9	приехала	приезжать	V	нп	прош,ед,изъяв,жен,сов
9	поехали	поехать	V	сов,нп	прош,мн,изъяв
9	всё	все	SPRO	мн	вин им
9	тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат
9	бабочку	бабочка	S	жен,од	вин,ед
9	бегемот	бегемот	S	муж,од	им,ед
9	вода	вода	S	жен,неод	им,ед
9	карете	карета	S	жен,неод	пр,ед
9	машину	машина	S	жен,неод	вин,ед
9	машины	машина	S	жен,неод	род,ед

9	рыбу	рыба	S	жен,од	вин,ед
9	без	без	PR		
9	будто	будто	PART		
9	во	во	PART		
9	сам	сам	APRO	ед,муж,неод им,е д,муж)	ед,муж,неод им,е д,муж
9	эту	этот	APRO	ед,жен	ед,жен
9	зачем	зачем	ADVPRO		
9	ничего	ничего	ADV		
9	сколько	сколько	ADV		
9	маленький	маленький	A	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж)	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж

Приложение 4

Актуальный грамматикон младшего брата (Женя), 2-3 года

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
168	я	я	SPRO	ед,1-л	им
112	не	не	PART		
63	а	а	PART		
54	это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
32	меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
32	баб	баба	S	жен,од	зват,ед
32	на	на	PR		
31	ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
25	да	да	PART		
25	нет	нет	PART		
24	хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
24	мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
24	он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
24	и	и	CONJ		
22	они	они	SPRO	мн	им
22	она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
21	у	у	PR		
21	как	как	ADVPRO		
19	что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
18	всё	всё	SPRO	мн	вин им
18	мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
17	в	в	PR		
17	надо	надо	ADV	прдк	
16	вот	вот	PART		
16	то	то	PART		
15	ещё	еще	ADV		
14	давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
14	с	с	PR		
13	так	так	ADVPRO		
13	уже	уже	ADV		
12	машина	машина	S	жен,неод	им,ед
12	когда	когда	ADVPRO		
11	тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат
11	баба	баба	S	жен,од	им,ед
10	буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,1-л
10	тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
10	там	там	ADVPRO		
9	здесь	здесь	ADVPRO		
8	за	за	PR		
8	по	по	PR		
8	где	где	ADVPRO		
8	много	много	ADV	прдк	
7	смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л

7	его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
7	ж	ж	PART		
7	сам	сам	APRO	ед,муж,неод им,е д,муж)	ед,муж,неод им,е д,муж
7	сейчас	сейчас	ADV		
7	сильно	сильно	ADV		
6	дай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,сов
6	умею	уметь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 1-л
6	все	все	SPRO	мн	вин им
6	мама	мама	S	жен,од	им,ед
6	только	только	PART		
6	какой	какой	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,е д,жен вин,ед,муж ,неод им,ед,муж)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,е д,жен вин,ед,муж ,неод им,ед,муж
6	эта	этот	APRO	ед,жен	ед,жен
6	больно	больно	ADV		
5	было	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,ср ед,несов
5	едут	ехать	V	несов,нп	непрош,мн,изъяв, 3-л
5	можу	мочь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 1-л
5	упаду	упасть	V	сов,нп	непрош,ед,изъяв, 1-л
5	хочешь	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 2-л
5	чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
5	вера	вера	S	жен,неод	им,ед
5	дядя	дядя	S	муж,од	им,ед
5	Лёвка	Лёвка	S	имя,муж,од	им,ед
5	машины	машина	S	жен,неод	им,мн
5	ну	ну	PART		
5	нибудь	нибудь	ADVPRO		
5	потом	потом	ADVPRO		
5	пока	пока	ADV		
5	сегодня	сегодня	ADV		
4	будем	быть	V	нп	непрош,мн,изъяв, 1-л
4	будет	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв, 3-л
4	играть	играть	V	несов,пе	инф
4	умеет	уметь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 3-л
4	никто	никто	SPRO	ед,муж,од	им
4	чем	что	SPRO	ед,сред,неод	пр твор
4	женя	женя	S	имя,мж,од	им,ед
4	мам	мама	S	жен,од	зват,ед
4	пожара	пожар	S	муж,неод	род,ед
4	два	два	NUM	муж,неод им,муж вин,сред им,сред	муж,неод им,муж вин,сред им,сред
4	ой	ой	INTJ		

4	зачем	зачем	ADVPRO		
4	больше	больше	ADV		
4	можно	можно	ADV	прдк	
4	наверно	наверно	ADV	вводн	
4	очень	очень	ADV		

Приложение 5

Грамматический состав речи старшего брата (Лев), 3-4 года

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Существительное	2732	22,3147921
Глагол	2278	18,6065507
Прилагательное	632	5,16213346
ADV	772	6,30564404
ADVPRO	543	4,43518745
ANUM	23	0,18786245
APRO	433	3,53671486
CONJ	537	4,38617986
INTJ	154	1,25786164
NUM	116	0,94748019
PART	1384	11,3044189
PR	877	7,16327697
SPRO	1753	14,318386

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	1040	37,8594831	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	271	9,86530761
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	248	9,02803058	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	126	4,58682199
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	53	1,9293775	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	24	0,87368038
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	489	17,8012377	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	140	5,09646888
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	134	4,87804878	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	51	1,8565708
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	126	4,58682199	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	30	1,09210047

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	229	22,8771229	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	54	5,39460539
2-лицо (V,indic,praes,2p)	98	9,79020979	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	2	0,1998002
3-лицо (V,indic,praes,3p)	410	40,959041	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	208	20,7792208

Приложение 6

Актуальный грамматикон старшего брата (Лев), 3-4 года

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
461	а	а	PART		
416	я	я	SPRO	ед,1-л	им
301	и	и	CONJ		
283	не	не	PART		
219	это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
195	у	у	PR		
172	в	в	PR		
153	на	на	PR		
148	вог	вог	PART		
120	как	как	ADVPRO		
112	то	то	PART		
105	ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
95	там	там	ADVPRO		
88	а	а	CONJ		
85	что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
82	мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
81	он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
80	меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
74	с	с	PR		
72	надо	надо	ADV	прдк	
69	всё	все	SPRO	мн	вин им
67	они	они	SPRO	мн	им
65	мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
59	нет	нет	PART		
57	смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л
55	когда	когда	ADVPRO		
54	но	но	CONJ		
54	она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
54	по	по	PR		
52	сейчас	сейчас	ADV		
49	будет	быть	V	нп	непрощ,ед,изъяв, 3-л
45	ой	ой	INTJ		
44	ещё	еще	ADV		
44	о	о	INTJ		
41	из	из	PR		
41	очень	очень	ADV		
41	тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
40	его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
38	здесь	здесь	ADVPRO		
37	же	же	PART		
37	так	так	ADVPRO		
36	чтоб	чтоб	CONJ		
35	если	если	CONJ		

35	нас	мы	SPRO	мн,1-л	пр вин род
35	немножко	немножко	ADV		
35	чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
34	да	да	PART		
34	тут	тут	ADVPRO		
33	ну	ну	PART		
33	такой	такой	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)
31	где	где	ADVPRO		
30	много	много	ADV	прдк	
29	вон	вон	PART		
29	все	все	SPRO	мн	вин им
28	буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,1-л
27	ж	ж	PART		
27	такие	такой	APRO	мн вин,мн,неод)	мн вин,мн,неод
26	от	от	PR		
25	за	за	PR		
25	какой	какой	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)
25	уже	уже	ADV		
24	такая	такой	APRO	ед,жен	ед,жен
24	этот	этот	APRO	ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,муж,неод им,ед,муж)
23	было	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,сред,несов
23	давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
23	к	к	PR		
23	кто	кто	SPRO	ед,муж,од	им
23	мама	мама	S	жен,од	им,ед
22	был	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,муж,несов
22	два	два	NUM	муж,неод им,муж вин,сред им,сред)	муж,неод им,муж вин,сред им,сред)
21	женька	женька	S	имя,мж,од	им,ед
21	зачем	зачем	ADVPRO		
21	можно	можно	ADV	прдк	
21	папа	папа	S	муж,од	им,ед
21	потому	потому	ADVPRO		
21	теперь	теперь	ADV		
21	только	только	PART		
20	него	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
20	хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
19	даже	даже	PART		
19	есть	быть	V	нп	наст,ед,изъяв,3-л,несов

18	во	во	PART		
18	для	для	PR		
18	под	под	PR		
18	ха	ха	INTJ		
17	змея	змея	S	жен,од	им,ед
17	один	один	APRO	ед,муж,неод им,е д,муж)	ед,муж,неод им,е д,муж
17	эта	этот	APRO	ед,жен	ед,жен
16	всех	все	SPRO	мн	пр вин род
16	её	она	SPRO	ед,3-л,жен	вин род
16	какая	какой	APRO	ед,жен	ед,жен
16	может	может	ADV	вводн	
16	потом	потом	ADVPRO		
16	почему	почему	ADVPRO		
15	без	без	PR		
15	есть	быть	V	нп	наст,мн,изъяв,3- л,несов
15	их	они	SPRO	мн	вин род
15	просто	просто	PART		
15	сколько	сколько	ADV		
15	три	три	NUM	неод)	неод
15	эти	этот	APRO	мн вин,мн,неод)	мн вин,мн,неод
14	большой	большой	A	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж пр,ед,полн,жен да т,ед,полн,жен род ,ед,полн,жен твор ,ед,полн,жен)	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж пр,ед,полн,жен да т,ед,полн,жен род ,ед,полн,жен твор ,ед,полн,жен
14	до	до	PR		
14	машина	машина	S	жен,неод	им,ед
14	паук	паук	S	муж,од	им,ед
14	про	про	PR		
14	себе	себя	SPRO	пр дат)	пр дат
14	этой	этот	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,е д,жен)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,е д,жен
13	быстро	быстро	ADV		
13	ему	он	SPRO	ед,3-л,муж	дат
13	нам	мы	SPRO	мн,1-л	дат
13	тоже	тоже	PART		
12	жук	жук	S	муж,од	им,ед
12	значит	значит	ADV	вводн	
12	или	или	CONJ		
12	какие	какой	APRO	мн вин,мн,неод)	мн вин,мн,неод
12	прямо	прямо	PART		
12	совсем	совсем	ADV		
12	эту	этот	APRO	ед,жен	ед,жен
11	баба	баба	S	жен,од	им,ед
11	бабы	баба	S	жен,од	род,ед
11	люблю	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,

					1-л
11	маленькие	маленький	A	мн,полн,неод им, мн,полн)	мн,полн,неод им, мн,полн
11	могут	мочь	V	несов,нп	непрош,мн,изъяв, 3-л
11	ни	ни	PART		
11	нибудь	нибудь	ADVPRO		
11	почти	почти	ADV		
11	тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат
11	туда	туда	ADVPRO		
11	четыре	четыре	NUM	неод)	неод
10	были	быть	V	нп	прош,мн,изъяв,не сов
10	вообще	вообще	ADV	вводн	
10	две	два	NUM	жен вин,жен,неод)	жен вин,жен,неод
10	длинный	длинный	A	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж)	ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж
10	зима	зима	S	жен,неод	им,ед
10	идёт	идти	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 3-л
10	моя	мой	APRO	ед,жен	ед,жен
10	неё	она	SPRO	ед,3-л,жен	вин род
10	сам	сам	APRO	ед,муж,неод им,е д,муж)	ед,муж,неод им,е д,муж
10	эй	эй	INTJ		

Приложение 7

Грамматический состав речи младшего брата (Женя), 3-4 года

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Существительное	1968	22,4965706
Глагол	1800	20,5761317
Прилагательное	287	3,28074989
ADV	489	5,58984911
ADVPRO	390	4,45816187
ANUM	11	0,12574303
APRO	254	2,9035208
CONJ	275	3,14357567
INTJ	77	0,88020119
NUM	88	1,00594422
PART	929	10,6195702
PR	600	6,85871056
SPRO	1561	17,8440786

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	797	40,4568528	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	190	9,64467005
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	112	5,68527919	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	79	4,01015228
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	40	2,03045685	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	16	0,81218274
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	375	19,035533	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	70	3,55329949
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	89	4,5177665	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	15	0,76142132
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	129	6,54822335	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	11	0,55837563

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	317	35,1831299	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	53	5,88235294
2-лицо (V,indic,praes,2p)	85	9,43396226	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	6	0,66592675
3-лицо (V,indic,praes,3p)	288	31,9644839	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	116	12,8745838

Приложение 8

Актуальный грамматикон младшего брата (Женя), 3-4 года

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
446	я	я	SPRO	ед,1-л	им
278	а	а	PART		
267	не	не	PART		
153	на	на	PR		
152	это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
144	в	в	PR		
126	ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
117	что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
116	баб	баба	S	жен,од	им,ед,сокр
109	и	и	CONJ		
82	нет	нет	PART		
82	у	у	PR		
73	меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
69	он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
69	они	они	SPRO	мн	им
69	там	там	ADVPRO		
66	мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
65	а	а	CONJ		
59	мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
52	как	как	ADVPRO		
52	с	с	PR		
52	тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат
46	то	то	PART		
45	надо	надо	ADV	прдк	
44	вот	вот	PART		
42	смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л
40	так	так	ADVPRO		
39	когда	когда	ADVPRO		
39	она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
38	уже	уже	ADV		
36	буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,1-л
35	всё	все	SPRO	мн	вин им
32	да	да	PART		
32	тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
32	тут	тут	ADVPRO		
32	хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
31	только	только	PART		
30	если	если	CONJ		
30	за	за	PR		
30	здесь	здесь	ADVPRO		
30	но	но	CONJ		
29	будет	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л

27	по	по	PR		
27	потому	потому	ADVPRO		
25	есть	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л,несов непрош,мн,изъяв,3-л,несов
24	давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
24	ну	ну	PART		
23	очень	очень	ADV		
23	сколько	сколько	ADV		
23	теперь	теперь	ADV		
22	же	же	PART		
22	злата	злата	S	имя,жен,од	им,ед
22	нас	мы	SPRO	мн,1-л	пр вин род
21	его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
21	ещё	еще	ADV		
21	сейчас	сейчас	ADV		
20	такой	такой	APRO	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)
19	папа	папа	S	муж,од	им,ед
19	чтоб	чтоб	CONJ		
19	этот	этот	APRO	ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,муж,неод им,ед,муж)
18	просто	просто	PART		
17	было	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,сред,несов
17	машина	машина	S	жен,неод	им,ед
16	баба	баба	S	жен,од	им,ед
16	едет	ехать	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
16	куда	куда	ADVPRO		
16	люблю	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
16	можно	можно	ADV	прдк	
16	тоже	тоже	PART		
15	был	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,муж,несов
15	играть	играть	V	несов,пе	инф
15	из	из	PR		
15	много	много	ADV	прдк	
15	ой	ой	INTJ		
14	вообще	вообще	ADV	вводн	
14	где	где	ADVPRO		
14	два	два	NUM	муж,неод им,муж вин,сред им,сред)	муж,неод им,муж вин,сред им,сред)
14	зачем	зачем	ADVPRO		
14	от	от	PR		
14	потом	потом	ADVPRO		
13	её	она	SPRO	ед,3-л,жен	вин род

13	один	один	APRO	ед,муж,неод им,ед,муж)	ед,муж,неод им,ед,муж
12	все	все	SPRO	мн	вин им
12	злате	злата	S	имя,жен,од	дат,ед
12	к	к	PR		
12	кто	кто	SPRO	ед,муж,од	им
12	мама	мама	S	жен,од	им,ед
12	поезд	поезд	S	муж,неод	им,ед
12	сегодня	сегодня	ADV		
11	могу	мочь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,1-л
11	три	три	NUM	неод)	неод
11	чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
11	эти	этот	APRO	мн вин,мн,неод)	мн вин,мн,неод
10	больше	больше	ADV		
10	будешь	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,2-л
10	были	быть	V	нп	прош,мн,изъяв,несов
10	до	до	PR		
10	злату	злата	S	имя,жен,од	вин,ед
10	нибудь	нибудь	PART		
10	под	под	PR		
10	такая	такой	APRO	ед,жен	ед,жен
9	говорить	говорить	V	несов,пе	инф
9	дерево	дерево	S	сред,неод	им,ед
9	для	для	PR		
9	какого	какой	APRO	ед,муж,од род,ед,муж род,ед,сред)	ед,муж,од род,ед,муж род,ед,сред
9	мало	мало	ADV		
9	минут	минута	S	жен,неод	род,мн
9	может	может	ADV	вводн	
9	него	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
9	скажу	сказать	V	сов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
9	стоит	стоять	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
9	такое	такой	APRO	ед,сред им,ед,сред)	ед,сред им,ед,сред
9	тогда	тогда	ADVPRO		
9	умею	уметь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,1-л
9	ха	ха	INTJ		
9	чтобы	чтобы	CONJ		

Приложение 9

Грамматический состав речи старшего брата (Лев), 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Существительное	3216	24,107946
Глагол	2378	17,826087
Прилагательное	733	5,49475262
ADV	807	6,04947526
ADVPRO	599	4,49025487
ANUM	23	0,17241379
APRO	596	4,46776612
CONJ	481	3,60569715
INTJ	78	0,58470765
NUM	79	0,5922039
PART	1392	10,4347826
PR	1052	7,88605697
SPRO	1905	14,2803598

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	1198	37,2049689	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	301	9,34782609
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	282	8,75776398	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	192	5,96273292
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	48	1,49068323	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	29	0,90062112
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	562	17,4534161	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	130	4,03726708
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	221	6,86335404	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	83	2,57763975
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	123	3,81987578	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	32	0,99378882

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	253	23,6448598	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	51	4,76635514
2-лицо (V,indic,praes,2p)	116	10,8411215	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	9	0,8411215
3-лицо (V,indic,praes,3p)	439	41,0280374	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	202	18,8785047

Приложение 10

Актуальный грамматикон старшего брата (Лев), 4-5 лет

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
504	а	а	PART		
433	я	я	SPRO	ед,1-л	им
263	не	не	PART		
253	и	и	CONJ		
221	в	в	PR		
212	это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
203	у	у	PR		
181	на	на	PR		
147	что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
118	он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
113	вот	вот	PART		
113	как	как	ADVPRO		
107	то	то	PART		
94	там	там	ADVPRO		
92	с	с	PR		
91	ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
88	меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
88	они	они	SPRO	мн	им
83	мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
79	а	а	CONJ		
78	она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
72	когда	когда	ADVPRO		
69	от	от	PR		
68	ещё	еще	ADV		
68	так	так	ADVPRO		
60	мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
59	всё	все	SPRO	мн	вин им
57	нет	нет	PART		
55	уже	уже	ADV		
54	если	если	CONJ		
53	да	да	PART		
51	такой	такой	APRO	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж
49	за	за	PR		
48	здесь	здесь	ADVPRO		
47	надо	надо	ADV		
43	его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
42	но	но	CONJ		
42	очень	очень	ADV		
42	по	по	PR		
40	из	из	PR		
40	этот	этот	APRO		

				вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	вин,ед,муж,неод им,ед,муж
36	такая	такой	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
36	тут	тут	ADVPRO		
35	к	к	PR		
35	сейчас	сейчас	ADV		
34	будет	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л
34	есть	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,3-л,несов
34	ну	ну	PART		
34	только	только	PART		
33	где	где	ADVPRO		
33	же	же	PART		
32	все	все	SPRO	мн	вин им
32	Женька	Женька	S	имя,мж,од	им,ед
30	такие	такой	APRO	им,мн вин,мн,неод)	им,мн вин,мн,неод
29	какой	какой	APRO	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им,ед,муж
29	можно	можно	ADV		
28	один	один	APRO	вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	вин,ед,муж,неод им,ед,муж
27	даже	даже	PART		
27	нас	мы	SPRO	мн,1-л	пр вин род
27	смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л
26	буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,1-л
25	их	они	SPRO	мн	вин род
25	под	под	PR		
25	тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
25	эти	этот	APRO	им,мн вин,мн,неод)	им,мн вин,мн,неод
23	был	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,муж,несов
23	много	много	ADV		
23	тоже	тоже	PART		
22	о	о	INTJ		
22	такое	такой	APRO	вин,ед,сред им,ед,сред)	вин,ед,сред им,ед,сред
21	него	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
21	почему	почему	ADVPRO		
21	прямо	прямо	PART		
21	чтобы	чтобы	CONJ		
21	этой	этот	APRO	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен)	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен
20	её	она	SPRO	ед,3-л,жен	вин род

20	мама	мама	S	жен,од	им,ед
20	папа	папа	S	муж,од	им,ед
20	потом	потом	ADVPRO		
19	была	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,жен,несов
19	хорошо	хорошо	ADV	вводн	вводн
19	эта	этот	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
18	баб	баба	S	жен,од	зват,ед
18	без	без	PR		
18	может	может	ADV		
17	во	во	PART		
17	зачем	зачем	ADVPRO		
17	потому	потому	ADVPRO		
17	тогда	тогда	ADVPRO		
17	чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
17	эту	этот	APRO	вин,ед,жен	вин,ед,жен
16	вообще	вообще	ADV		
16	давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
16	себе	себя	SPRO	пр дат)	пр дат
16	чтоб	чтоб	CONJ		
15	всех	все	SPRO	мн	пр вин род
15	два	два	NUM	вин,муж,неод им, муж вин,сред им, сред)	вин,муж,неод им, муж вин,сред им, сред
15	землю	земля	S	жен,неод	вин,ед
15	значит	значит	ADV		
15	какие	какой	APRO	им,мн вин,мн,неод)	им,мн вин,мн,неод
15	них	они	SPRO	мн	пр вин род
15	сильно	сильно	ADV		
14	для	для	PR		
14	есть	быть	V	нп	непрош,мн,изъяв,3-л,несов
14	ж	ж	PART		
14	наверное	наверное	ADV		
13	большой	большой	A	вин,ед,полн,муж, неод им,ед,полн, муж пр,ед,полн,жен дат,ед,полн,жен род,ед,полн,жен твор,ед,полн,жен)	вин,ед,полн,муж, неод им,ед,полн, муж пр,ед,полн,жен дат,ед,полн,жен род,ед,полн,жен твор,ед,полн,жен
13	бы	бы	PART		
13	ой	ой	INTJ		
13	через	через	PR		
12	было	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,сред,несов
12	вон	вон	PART		
12	ему	он	SPRO	ед,3-л,муж	дат
12	немножко	немножко	ADV		
12	чем	что	SPRO	ед,сред,неод	пр твор

12	этих	этот	APRO	пр,мн род,мн вин,мн,од)	пр,мн род,мн вин,мн,од
11	видел	видеть	V	несов,пе	прош,ед,изъяв,муж
11	воду	вода	S	жен,неод	вин,ед
11	до	до	PR		
11	кто	кто	SPRO	ед,муж,од	им
11	придумал	придумывать	V	пе	прош,ед,изъяв,муж,сов
11	самый	самый	APRO	вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	вин,ед,муж,неод им,ед,муж
11	со	со	PR		
11	тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат
11	туда	туда	ADVPRO		
10	будут	быть	V	нп	непрош,мн,изъяв,3-л
10	видно	видно	ADV		
10	знаешь	знать	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,2-л
10	маленький	маленький	A	вин,ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж)	вин,ед,полн,муж,неод им,ед,полн,муж
10	машина	машина	S	жен,неод	им,ед
10	ничего	ничего	ADV		
10	огонь	огонь	S	муж,неод	им,ед
10	пока	пока	ADV		
10	раз	раз	S	муж,неод	вин,ед
10	растёт	расти	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
10	теперь	теперь	ADV		
10	три	три	NUM	им вин,неод)	им вин,неод
10	хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
9	будем	быть	V	нп	непрош,мн,изъяв,1-л
9	будешь	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв,2-л
9	были	быть	V	нп	прош,мн,изъяв,несов
9	вода	вода	S	жен,неод	им,ед
9	играть	играть	V	несов,пе	инф
9	или	или	CONJ		
9	им	они	SPRO	мн	дат
9	любит	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,3-л
9	между	между	PR		
9	могу	мочь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,1-л
9	называется	называться	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв,3-л
9	ни	ни	PART		
9	пожарная	пожарный	A	им,ед,полн,жен	им,ед,полн,жен
9	сколько	сколько	ADV		
9	этим	это	SPRO	ед,сред,неод	твор
9	этого	это	SPRO	ед,сред,неод	род

8	будто	будто	PART		
8	вам	вы	SPRO	мн,2-л	дат
8	вы	вы	SPRO	мн,2-л	им
8	высоко	высоко	ADV		
8	динозавры	динозавр	S	муж,од	им,мн
8	Жень	Женя	S	имя,мж,од,разг	им,ед
8	Женьку	Женька	S	имя,мж,од	вин,ед
8	живот	живот	S	муж,неод	им,ед
8	какая	какой	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
8	куда	куда	ADVPRO		
8	люблю	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 1-л
8	мало	мало	ADV		
8	об	об	PR		
8	одна	один	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
8	попал	попадать	V	нп	прош,ед,изъяв,му ж,сов
8	раньше	рано	ADV	срав	срав
8	сам	сам	APRO	вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	вин,ед,муж,неод им,ед,муж
8	сегодня	сегодня	ADV		
8	смотрите	смотреть	V	несов,пе	мн,пов,2-л
8	сначала	сначала	ADV		
8	таким	такой	APRO	дат,мн твор,ед,му ж твор,ед,сред)	дат,мн твор,ед,му ж твор,ед,сред
8	этом	это	SPRO	ед,сред,неод	пр

Приложение 11

Грамматический состав речи младшего брата (Женя), 4-5 лет

Часть речи	Количество словоупотреблений	Процент
Существительное	2351	20,888494
Глагол	2230	19,8134163
Прилагательное	342	3,03864949
ADV	809	7,18791648
ADVPRO	598	5,31319414
ANUM	28	0,24877832
APRO	313	2,78098623
CONJ	447	3,97156819
INTJ	80	0,7107952
NUM	99	0,87960906
PART	1202	10,6796979
PR	821	7,29453576
SPRO	1967	17,476677

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
Именительный падеж, единственное число (S, nom, sg)	816	34,7086346	Именительный падеж, множественное число (S, nom, pl)	116	4,93407061
Родительный падеж, единственное число (S, gen, sg)	140	5,9549128	Родительный падеж, множественное число (S, gen, pl)	104	4,42364951
Дательный падеж, единственное число (S, dat, sg)	28	1,19098256	Дательный падеж, множественное число (S, dat, pl)	22	0,93577201
Винительный падеж, единственное число (S, acc, sg)	438	18,6303701	Винительный падеж, множественное число (S, acc, pl)	183	7,78392174
Творительный падеж, единственное число (S, ins, sg)	144	6,12505317	Творительный падеж, множественное число (S, ins, pl)	30	1,27605274
Предложный падеж, единственное число (S, loc, sg)	87	3,70055296	Предложный падеж, множественное число (S, loc, pl)	23	0,9783071

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-лицо (V,indic,praes,1p)	308	29,2497626	1-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,1p)	25	2,37416904
2-лицо (V,indic,praes,2p)	148	14,0550807	2-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,2p)	13	1,2345679
3-лицо (V,indic,praes,3p)	426	40,4558405	3-лицо, мн. ч. (V,indic,praes,3p)	129	12,2507123

Приложение 12

Актуальный грамматикон младшего брата (Женя), 4-5 лет

частотность	словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
439	я	я	SPRO	ед,1-л	им
421	а	а	PART		
292	не	не	PART		
191	это	это	SPRO	ед,сред,неод	вин им
181	в	в	PR		
168	на	на	PR		
168	что	что	SPRO	ед,сред,неод	вин им
165	и	и	CONJ		
163	ты	ты	SPRO	ед,2-л	им
135	он	он	SPRO	ед,3-л,муж	им
131	у	у	PR		
105	а	а	CONJ		
99	баб	баба	S	жен,од	им,ед,сокр
91	когда	когда	ADVPRO		
83	она	она	SPRO	ед,3-л,жен	им
74	вот	вот	PART		
74	мне	я	SPRO	ед,1-л	пр дат
70	с	с	PR		
68	меня	я	SPRO	ед,1-л	вин род
67	как	как	ADVPRO		
66	нет	нет	PART		
66	то	то	PART		
62	но	но	CONJ		
62	они	они	SPRO	мн	им
62	по	по	PR		
60	так	так	ADVPRO		
60	там	там	ADVPRO		
56	уже	уже	ADV		
53	всё	все	SPRO	мн	вин им
52	мы	мы	SPRO	мн,1-л	им
52	почему	почему	ADVPRO		
49	сейчас	сейчас	ADV		
46	будет	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв, 3-л
45	можно	можно	ADV	прдк	
44	его	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
44	тебя	ты	SPRO	ед,2-л	вин род
43	надо	надо	ADV	прдк	
42	тут	тут	ADVPRO		
40	буду	быть	V	нп	непрош,ед,изъяв, 1-л
40	если	если	CONJ		
39	ещё	еще	ADV		
39	очень	очень	ADV		
39	потому	потому	ADVPRO		

38	тебе	ты	SPRO	ед,2-л	пр дат непрош,ед,изъяв, 3- л,несов непрош,м н,изъяв,3- л,несов наст,мн,и зъяв,1- л,несов наст,ед,из ъяв,1- л,несов наст,мн,и зъяв,2- л,несов наст,ед,из ъяв,2- л,несов наст,мн,и зъяв,3- л,несов наст,ед,из ъяв,3-л,несов
36	есть	быть	V	нп	
36	же	же	PART		
33	него	он	SPRO	ед,3-л,муж	вин род
33	смотри	смотреть	V	несов,пе	ед,пов,2-л
33	только	только	PART		
30	её	она	SPRO	ед,3-л,жен	вин род
30	из	из	PR		
30	или	или	CONJ		
27	да	да	PART		
27	за	за	PR		
27	чтоб	чтоб	CONJ		
26	без	без	PR		
26	кто	кто	SPRO	ед,муж,од	им
26	ну	ну	PART		
26	от	от	PR		
25	к	к	PR		
24	здесь	здесь	ADVPRO		
24	знаешь	знать	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 2-л
24	люблю	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 1-л
23	было	быть	V	нп	прош,ед,изъяв,ср ед,несов
23	ой	ой	INTJ		
23	потом	потом	ADVPRO		
22	где	где	ADVPRO		
22	зачем	зачем	ADVPRO		
22	много	много	ADV	прдк	
22	немного	немного	ADV		
21	два	два	NUM	вин,муж,неод им, муж вин,сред им, сред)	вин,муж,неод им, муж вин,сред им, сред
21	могу	мочь	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 1-л
21	просто	просто	PART		
20	ж	ж	PART		
20	их	они	SPRO	мн	вин род
20	сколько	сколько	ADV		
20	тоже	тоже	PART		

19	давай	давать	V	пе	ед,пов,2-л,несов
19	о	о	INTJ		
19	один	один	APRO	вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	вин,ед,муж,неод им,ед,муж
19	теперь	теперь	ADV		
18	для	для	PR		
18	нас	мы	SPRO	мн,1-л	пр вин род
18	три	три	NUM	им вин,неод)	им вин,неод
17	нельзя	нельзя	ADV	прдк	
17	нибудь	нибудь	ADVPRO		
17	такой	такой	APRO	пр,ед,жен дат,ед, жен род,ед,жен тв ор,ед,жен вин,ед, муж,неод им,ед,м уж)	пр,ед,жен дат,ед, жен род,ед,жен тв ор,ед,жен вин,ед, муж,неод им,ед,м уж
16	тогда	тогда	ADVPRO		
16	чего	что	SPRO	ед,сред,неод	род
16	чем	что	SPRO	ед,сред,неод	пр твор
16	эта	этот	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
15	во	во	PART		
15	мама	мама	S	жен,од	им,ед
15	оно	оно	SPRO	ед,3-л,сред	им
15	сюда	сюда	ADVPRO		
15	этот	этот	APRO	вин,ед,муж,неод им,ед,муж)	вин,ед,муж,неод им,ед,муж
14	больше	больше	ADV		
14	были	быть	V	нп	прош,мн,изъяв,не сов
14	может	может	ADV	вводн	
14	папа	папа	S	муж,од	им,ед
14	под	под	PR		
13	все	все	SPRO	мн	вин им
13	всегда	всегда	ADVPRO		
13	ему	он	SPRO	ед,3-л,муж	дат
13	идёт	идти	V	несов,нп	непрош,ед,изъяв, 3-л
13	им	они	SPRO	мн	дат
13	них	они	SPRO	мн	пр вин род
13	пока	пока	ADV		
13	такая	такой	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
13	хочу	хотеть	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв, 1-л

Приложение 13

Актуальный грамматикон ребенка 4-5 лет

словоформа	лексема	часть речи	грамматические признаки	грамматические признаки
ещё	еще	ADV		
уже	уже	ADV		
надо	надо	ADV		
очень	очень	ADV		
сейчас	сейчас	ADV		
можно	можно	ADV		
много	много	ADV		
может	может	ADV		
пока	пока	ADV		
теперь	теперь	ADV		
сколько	сколько	ADV		
как	как	ADVPRO		
там	там	ADVPRO		
когда	когда	ADVPRO		
так	так	ADVPRO		
здесь	здесь	ADVPRO		
тут	тут	ADVPRO		
где	где	ADVPRO		
почему	почему	ADVPRO		
потом	потом	ADVPRO		
зачем	зачем	ADVPRO		
потому	потому	ADVPRO		
тогда	тогда	ADVPRO		
такой	такой	APRO	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им, ед,муж)	пр,ед,жен дат,ед,жен род,ед,жен твор,ед,жен вин,ед,муж,неод им, ед,муж
этот	этот	APRO	вин,ед,муж,неод им, д,муж)	вин,ед,муж,неод им, д,муж
такая	такой	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
один	один	APRO	вин,ед,муж,неод им, д,муж)	вин,ед,муж,неод им, д,муж
эта	этот	APRO	им,ед,жен	им,ед,жен
и	и	CONJ		
а	а	CONJ		

если	если	CONJ		
но	но	CONJ		
чтоб	чтоб	CONJ		
или	или	CONJ		
о	о	INTJ		
ой	ой	INTJ		
два	два	NUM	вин,муж,неод им,муж вин,сред им,сред)	вин,муж,неод им,муж вин,сред им,сред)
три	три	NUM	им вин,неод)	им вин,неод)
а	а	PART		
не	не	PART		
вот	вот	PART		
то	то	PART		
нет	нет	PART		
да	да	PART		
ну	ну	PART		
только	только	PART		
же	же	PART		
тоже	тоже	PART		
во	во	PART		
ж	ж	PART		
в	в	PR		
у	у	PR		
на	на	PR		
с	с	PR		
от	от	PR		
за	за	PR		
по	по	PR		
из	из	PR		
к	к	PR		
под	под	PR		
без	без	PR		
для	для	PR		
мама	мама	S	жен,од	им,ед
папа	папа	S	муж,од	им,ед
баб	баба	S	жен,од	зват,ед

я	я	SPRO	ед, 1-л	им
это	это	SPRO	ед, сред, неод	вин им
что	что	SPRO	ед, сред, неод	вин им
он	он	SPRO	ед, 3-л, муж	им
ты	ты	SPRO	ед, 2-л	им
меня	я	SPRO	ед, 1-л	вин род
они	они	SPRO	мн	им
мы	мы	SPRO	мн, 1-л	им
она	она	SPRO	ед, 3-л, жен	им
мне	я	SPRO	ед, 1-л	пр дат
всё	все	SPRO	мн	вин им
его	он	SPRO	ед, 3-л, муж	вин род
все	все	SPRO	мн	вин им
нас	мы	SPRO	мн, 1-л	пр вин род
их	они	SPRO	мн	вин род
тебя	ты	SPRO	ед, 2-л	вин род
него	он	SPRO	ед, 3-л, муж	вин род
её	она	SPRO	ед, 3-л, жен	вин род
чего	что	SPRO	ед, сред, неод	род
них	они	SPRO	мн	пр вин род
ему	он	SPRO	ед, 3-л, муж	дат
чем	что	SPRO	ед, сред, неод	пр твор
кто	кто	SPRO	ед, муж, од	им
тебе	ты	SPRO	ед, 2-л	пр дат
им	они	SPRO	мн	дат
будет	быть	V	нп	непрош, ед, изъяв, 3-л
есть	быть	V	нп	непрош, ед, изъяв, 3-л, несов
смотри	смотреть	V	несов, пе	ед, пов, 2-л
буду	быть	V	нп	непрош, ед, изъяв, 1-л
давай	давать	V	пе	ед, пов, 2-л, несов
было	быть	V	нп	прош, ед, изъяв, сред, несов
знаешь	знать	V	несов, пе	непрош, ед, изъяв, 2-л
хочу	хотеть	V	несов, пе	непрош, ед, изъяв, 1-л
были	быть	V	нп	прош, мн, изъяв, несов
могу	мочь	V	несов, нп	непрош, ед, изъяв, 1-л

люблю	любить	V	несов,пе	непрош,ед,изъяв,1-л
-------	--------	---	----------	---------------------